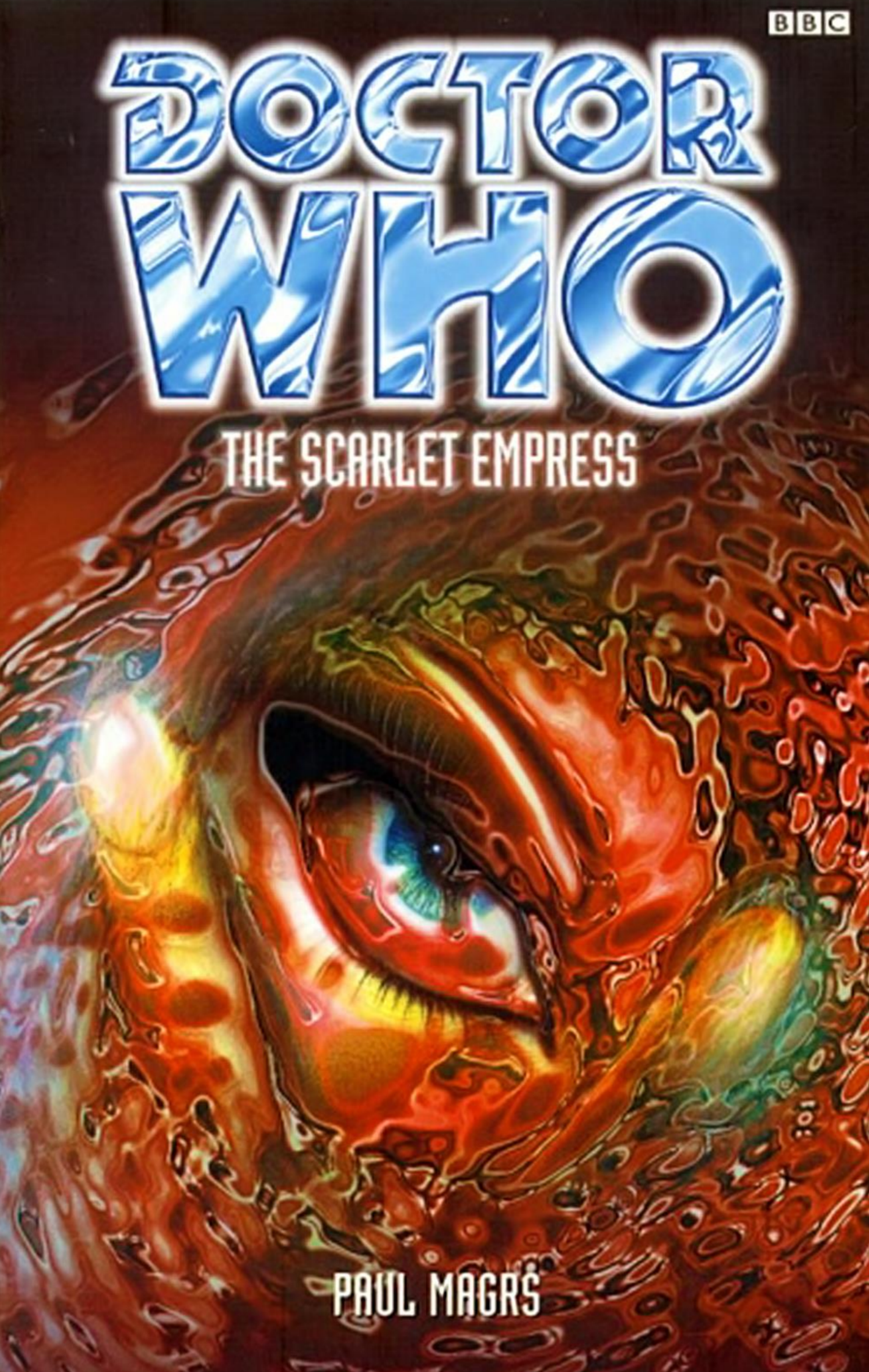
BBC

DOCTOR WHO

THE SCARLET EMPRESS



PAUL MAGRS

Пол Марс

Алая Императрица

15-ая книга из серии

«Приключения Восьмого Доктора»

(Eighth Doctor Adventures)

EDA15

‘The Scarlet Empress’

by Paul Magrs

Перевод ssv310

Спасибо Mary SmithZ за вычитку

Предисловие от переводчика

О названии. В тридцатых годах двадцатого века в Голливуде был снят фильм под названием The Scarlet Empress. Это название почти наверняка было для Пола Марса вдохновением. Перевод названия этого фильма мне попадался в двух вариантах: «Распутная императрица» и «Кровавая императрица». В определённом смысле оба варианта подошли бы и к этой книге, но я решил использовать основное значение слова scarlet — алый.

Об иллюстрациях. Помимо обложки, я вставил в текст ещё несколько рисунков. Эти рисунки были сделаны во время семинаров, проводимых Джун Хадсон — художницей-костюмером, работавшей в том числе и над костюмами сериала «Доктор Кто». В качестве темы для одного из своих семинаров она взяла эту книгу Пола Марса, и часть эскизов попала в интернет. Я не знаю, все ли использованные мной рисунки рисовала она, или же часть была нарисована её учениками.

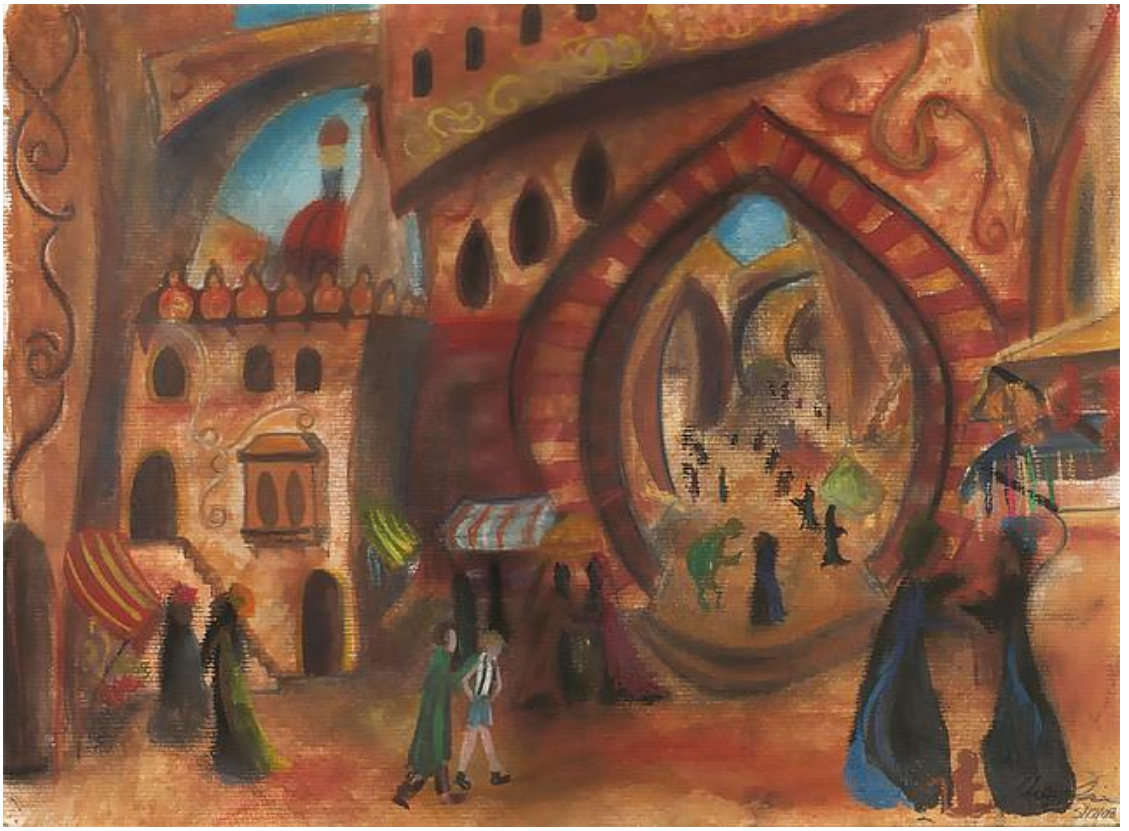
Глава 1
Делают ли вас путешествия счастливой, мисс Джоунс?

Весь день она пыталась задать ему вопрос. Но слушал ли он её за это время хотя бы один раз? Сэм пыталась сохранять хладнокровие, делать вид, что ей всё равно. Она бродила за ним следом и внимала всем видам и богатым пьянящим запахам этого города. Она давно поняла, что это был единственный способ оставаться с ним. Ждать, пока он вернётся из того неясного, абстрактного мира, в котором он витал, когда не имел настроения разговаривать, и впитывать тем временем окружающую атмосферу. Очень часто это означало быть готовой к опасности. Во время своих прогулок он выглядел таким простодушным, словно с ним не могло случиться ничего плохого. Что, конечно же, было глупо, учитывая его прошлое. Сэм считала себя в некотором смысле его защитницей. Она была его единственной связью со здравым смыслом. Он был такой несерьёзный. Никогда не учился на своих ошибках.

Это был город полный чудес. Башни и минареты толпились на фоне яркого неба; похожие на луковицы купола, бронзовые и зелёные от окиси башни торчали, сверкали, и когда Сэм смотрела на них, её охватывал восторг. Она к такому не привыкла. Сэм ко всему относилась спокойно, она уже несколько лет

провела в странствиях по захолустьям и неизбитым путям различных миров. Но здесь, в Хисперо, столице планеты Хисперо, Сэм чувствовала себя на грани того, что её потрясёт это изобилие, это разнообразие чужой жизни. Не чужой, — напомнила она себе. Нет ничего чужого для гражданина Вселенной, как временами говаривал ей Доктор. Поэтому она изо всех сил старалась чувствовать себя как дома в этой бурлящей толпе похожих на акул двуногих, танцующих девушек, вооружённых саблями воинов в тюрбанах, драконианских принцев в украшенных драгоценными камнями мантиях, идущих вразвалочку черепах, обезьян и якан, спиридян в пурпурных мехах и марсиан в доспехах. Как объяснял ей утром Доктор, Хисперо был планетой, на которую прибывали ради приключений, романтики и местного колорита. Это было место, где до сих пор можно было верить в магию, где до сих пор были разрешены для ношения мечи. «А шоппинг тут, — добавил он, — просто фантастический». «Будет новый экзотический хлам для консольного помещения ТАРДИС», — подумала Сэм. Корабль, который стал для неё домом, уже и так выглядел как совместная готическая причуда Обри Бёрдслея и Жюля Верна. Так, по крайней мере, однажды с гордостью заявил сам Доктор, осмотрев свой корабль непосредственно после того, как Сэм высказала мысль, что по-настоящему убедительная машина для перемещения во времени и в пространстве должна иметь полностью белый интерьер и

выглядеть более футуристично. Тогда — а это было вчера — она уже не в первый раз задела чувства Доктора. Он с обиженным видом ушёл в соседнюю комнату смотреть на бабочек. Хорошо, что он никогда подолгу не дулся. Она считала, что для настоящей обиды ему не хватало умения сосредотачиваться. А вот ей хватало.



Он улыбнулся и повёл её по бесконечным обходам и проходам рынка. Здесь людей было ещё больше. Торговцы кричали о своих товарах, соревнуясь друг с другом за внимание прохаживавшихся посетителей. Сэм знала, что их гомон должен быть на тысяче разных языков, но к этому времени она уже привыкла понимать практически всё, мгновенно, благодаря телепатическим схемам ТАРДИС. Ей уже почти надоела способность подслушивать кого угодно. Единственным недостатком мгновенного перевода

было, разумеется, отсутствие возможности выучить какой-нибудь инопланетный язык. Как его учить, если всё слышится на её родной речи: английский, акцент южного Лондона, конец двадцатого века. Это ограничивало возможность погружения в экзотику. Эти рыночные торговцы кричали так, что она вполне могла представить себе, что пришла за покупками на Портабелло Роуд. Вот только жарко тут было. Пот лился с неё ручьями. Она чувствовала, как он высыхает на её футболке и на рваных шортах. Песок неровных тротуаров уже попал в её ботинки и, как ей казалось, с каждым новым шагом натирал волдыри.

Доктор выглядел таким удовлетворённым. Он был эксперт по части того, чтобы протискиваться сквозь толпу к прилавкам, выбирать товары, пробовать что-то, пререкаться с полнотелыми зелёными женщинами-ящерицами.

Ковры, обезьянки, кофейники, зеркала — ему было интересно всё. Вот так он и шёл по жизни, — подумала Сэм, — подбирал что-то по пути. Рассматривал и удивлялся. А потом шёл дальше. Он набивал свои карманы мандаринами и фигами, складывал в сумки ветки жасмина и экзотические травы, выбирал самые зрелые сыры. Он очень долго думал (но в конце концов передумал), не купить ли ему яркого длиннохвостого попугая, обученного отвечать грязнейшими ругательствами. Ему удавалось не обращать внимания на ещё более грязные ругательства продавца, который надеялся

спихнуть птицу доверчивому инопланетянину. Доктор просто ушёл, пошёл к следующему ларьку. Сэм смотрела, как он достаёт из своих вместительных карманов мешочек сверкающих монет, и знала, что это окажутся монеты именно этого периода. Он расхаживал с видом ужасно богатого человека, хотя в каком-то смысле у него не было ничего. Ни настоящего дома, ни места в обществе. Ничего, что привязывало бы его к жизни. Это и была одна из вещей, о которых Сэм хотелось его расспросить. Всё, что у него было — старый чудесный нелепый Корабль и множество кратковременных знакомств в самых разных столетиях. Но что у него было такого, что действительно принадлежало ему? Иногда ей было почти жалко его. Он не смог бы нигде прижиться, и почему-то она была уверена, что под своим показным инопланетным изяществом Доктор был недоволен своей отчуждённостью.

Сэм поняла, что он взялся покупать подарки, набирать кучу коробок и завёрнутых сувениров, чтобы сделать вид, будто он так занят, что ему некогда её выслушать.

Всё, что Сэм хотела у него спросить: «В конечном итоге, как ты считаешь, путешествия сделали тебя счастливым?» С этим вопросом она проснулась этим утром. Это был один из тех вопросов, который будет вертеться в голове до тех пор, пока она его не задаст и не получит вразумительный ответ. Иногда она могла быть очень настойчивой, что, как ей казалось, бесило её спутника. Но какой в нём смысл, если не задавать

ему вопросы? Хотя иногда с его настроениями нужно было быть осторожнее. Она много раз видела его неожиданные вспышки. Именно тогда она поняла, что эта приветливая, несколько смущённая наружность была лишь, так сказать, первым слоем. Сэм понимала, что под ним скрывается более сложная личность. И именно это её очаровывало и заставляло продолжать путешествовать с ним, невзирая на хаотичность этих странствий. Она знала, что в конечном итоге, на каком-то уровне у её Доктора есть все ответы. Если она пробудет с ним достаточно долго, он ей всё расскажет. А ещё он, когда хотел, мог быть очень весёлым, а на кухне был просто волшебником, и ради всего этого стоило продолжать путешествия.

Сегодня он выглядел вполне довольным, и она согласилась ходить с ним по базарам и слушать, как он любезничает и торгуется с таким видом, словно каждый встречный незнакомец станет для него другом на всю жизнь. Сэм уже перестала чувствовать себя неловко из-за его открытости с новыми знакомыми. Она просто шла за ним, позволяя его обаянию прокладывать путь.

Пока Доктор вёл в кондитерской вежливую беседу с каким-то кристаллическим существом, одно из этих существ-акул смотрело на него тупым взглядом убийцы, чавкая своими несколькими рядами острых зубов, и Сэм решила вытащить его оттуда, подальше от акулы. Она часто подстраховывала его таким образом. Он должен был быть экспертом в каком-то там венерианском

кунг-фу, или был им когда-то, но по её опыту, как для настоящего бойца, ему не хватало решимости. Если кто-то на него нехорошо посматривал, проще всего было увести Доктора оттуда.

Он возражал, что пытался купить мармеладки.

— Теперь мне придётся жить без них, — голос у него был почти обиженный.

Сэм лишь цокала языком. Она считала его страсть к мармеладкам показной. Не похоже, чтобы он их ел. Он любил предлагать их другим при знакомстве. Это выбивало людей — особенно агрессивных — из колеи. Но, по её мнению, это никогда не срабатывало.

— Та акула смотрела на тебя с угрозой, — сказала она ему.

— Они всегда так выглядят! Они не могут иначе! Бедняжки.

Сегодня было слишком жарко, чтобы спорить или настаивать на своём. В полдень было слишком жарко даже для того, чтобы носиться по улицам города. Ей хотелось сесть где-нибудь в холодке и собраться с мыслями. А ещё у неё кружилась голова от того, что она выпила самый крепкий в своей жизни кофе. И это при том, что её уверили, что он без кофеина. Около часа назад они, по инициативе Доктора, уселись за столик уличного кафе, и Доктор одним умелым глотком опустошил свой стакан. Он вздрогнул, но больше никак напиток на него не подействовал. А у Сэм ужасно разболелась голова. Выйдя на очередную улочку, она увидела, что покупатели и туристы устраивались на сиесту, усаживаясь под яркими

полосатыми навесами и в прохладных глубинах тёмных кафе. Как он мог шляться в этом своём толстом бархатном сюртуке (жилет застёгнут, галстук аккуратно завязан и заколот булавкой с бриллиантом)? Он же, наверное, мокрый уже! Она ни разу не видела, чтобы он ради выхода наружу снимал часть одежды. На фоне его привычного поздне-викторианского щегольства она чувствовала себя почти оборванкой. Её полосатые шорты и футболка с группой «Throwing Muses» привлекли к себе сегодня несколько взглядов. Посмотри на Доктора: элегантен и опрятен. Он чуть не расстроился, когда она спросила у него, зачем он носит такую одежду.

— Таков уж я, — сказал он. — Ты что, серьёзно думаешь, что я надену футболку? Да ладно тебе! Я не должен выглядеть обычно. Я не смогу. Обычность не в моей природе. Неистовый или апатичный — да. Но ничего промежуточного. И уж определённо никакой пляжной одежды.

«Очередная показуха», — подумала она.

В одном из ларьков Доктор перебирал разноцветные рулоны сатина и шёлка, думая, по-видимому, о бирюзовом жилете. Хисперонские купцы были знамениты шелками, которые они привозили из своих путешествий. То, как она высказалась о его манере одеваться, заставило его задуматься. Она считала, что он одет излишне. Возможно, она считает, что он выглядит нелепо. Но ведь долгое время он вообще не обращал внимания на то, как он одет. У его последних двух тел был ужасный вкус по части одежды. Увидев

фотографию одного из них, он каждый раз невольно вздрагивал. О чём он тогда думал? По его смутным воспоминаниям, пара из его предыдущих личностей любила горделиво расхаживать в вечерней одежде эдвардианской эпохи; он, как и они, наслаждался своим анахронизмом, тем, что выделялся из толпы манерой одеваться. Сегодня он несколько раз замечал в засиженных мухами зеркалах своё отражение, и понял, кого он себе напоминает, со всеми этими развевающимися волосами, беспечной походкой, накрахмаленными воротниками. Я сделал из себя Перси Биши Шелли, — не без удовольствия подумал он. — Который разгуливает по Востоку и сочиняет рифмы. А может, я всего лишь Джон Китс?

Я звездочёт, который видит лик
Неведомой планеты чудных стран;
А может быть Кортес в тот чудный миг,
Когда исканьем славы обуян,
С безмолвной свитой он взошёл на пик
И вдруг увидел Тихий океан![1]

***

Несколько секунд экран чёрный. По нему пробегают расплывчатые горизонтальные белые линии. Со стуком и жужжанием появляется звук. Экран светлеет, вспыхивает цветами.

Это снято видеокамерой, которую кто-то держит в руках. Ярко-синее небо. Невозможно синее небо кружится над нами. Тот, кто снимает, не умеет держать камеру ровно. Картинка

---

[1] Перевод стихотворения Игнатия Ивановского.

немного стабилизируется, камера пытается сфокусироваться. Мы видим торчащие на горизонте далёкие размытые горы. В поле нашего зрения то и дело появляются и снова исчезают мили далёких дюн. На экране перед нами тоскливая пыльная пустыня. Песок имеет цвет высохшей крови. В сиянии солнца мерцает солёное озеро.

Смена сцены:

Доктор. Он прикрыл свои серые глаза рукой и щурится в камеру. Его зелёный бархатный сюртук скомкан у него подмышкой. Рукава рубашки закатаны, тёмные волнистые волосы свисают на лицо.

— Айрис, я не собираюсь ничего повторять, — он резко отворачивается от нас. — Я устал, мне нечего тебе сказать. Так что выключай свою камеру. У меня уже вот где ты и твоя…

Смена сцены:

Всё та же пустыня, та же многоцветная суровость, но немного позже. Сэм сидит довольная на камне цвета ржавчины. Она всё в той же футболке «Throwing Muses» и в шортах. На ней солнцезащитные очки, её светлые короткие волосы ослепительны в лучах солнца.

— Ладно, ладно, спрашивай. Я никогда не видела себя в телевизоре. Что? А, представиться. Меня зовут Сэм Джоунс, и это я у чёрта на куличках. Мы находимся на Хисперо, чудесно отдыхаем. Это у нас какой-то квест, и всё это из-за старой сумасшедшей, которая это снимает. Это я о тебе, Айрис. Короче говоря, мы снимаем

домашнее видео в самом жарком месте, в котором я бывала. Что? А, я с Земли. Из Лондона. Я улетела оттуда, сейчас вспомню... в 1997 году. Не знаю, какой год сейчас. Ты всегда берёшь интервью у своих спутников? Да? Надо и мне завести себе камеру. Я за последнее время столько всего видела. А ну-ка, дай сюда. Я сниму тебя.

***

Позже в тот же день они обнаружили, что прошли мимо всех основных ловушек для туристов и оказались в более тёмной, менее привлекательной части города. Здесь разнообразие рас было меньшим. Большинство встречаемых здесь лиц были местные, хисперонские: длинные серьёзные физиономии, бежевые оттенки кожи и скорбные выражения, так свойственные жителям этого города.

— У них тут довольно жёсткий политический режим, — сказал Доктор. — За дисциплиной тут следят довольно грубые военные, которые дали присягу защищать...

Когда он об этом рассказывал, они проходили мимо двери мясной лавки. В воздухе витали тяжёлые, удушливые запахи, собиравшиеся на этой улице, словно джинны. Похоже, что на этой улице *все* магазины были мясные. Доктор словно не замечал эту вонь, а Сэм её с трудом выносила. Посмотрев вниз, она увидела, что все канавы были залиты кровью: тёмно-бордовой, как Каберне Совиньон; она впитывалась в грязный песок. Сэм стало тошно. Она повернулась к Доктору, и мельком заметила, как что-то пробежало мимо них

на уровне коленей. Маленький чёрный ягнёнок, он выбежал из двери ближайшего к ним магазина. Это ободранное, жалкого вида существо юркнуло между ногами Доктора, отчего тот споткнулся. Он нечаянно толкнул Сэм и, пытаясь не растоптать беглое животное, она упала лицом вперёд на твёрдую землю. Она выругалась.

— Сэм! — укоризненно сказал Доктор.

Он выронил все свои покупки. Вокруг Сэм лежали куски разбитых фруктов, салфетки, обломки глиняной совы, которую он купил для кого-то. С глупой ухмылкой он нагнулся, чтобы помочь ей встать.

Ягнёнок стоял в кровавой канаве. Он посмотрел на них, очень не по-овечьи пропищал и бросился в переулок, быстро затерявшись в толпе.

— Повезло ему сбежать, — улыбнулся Доктор.

— Вот и хорошо, — ответила Сэм.

Сейчас, похоже, был подходящий момент для её вопроса.

— Доктор, а ты…

Её перебил выбежавший из затхлой темноты своего магазина мясник. Он был с ног до головы обмотан чёрной сеткой, с которой свисали розовые кусочки мяса. Он что-то нечленораздельно проревел и начал грозить им внушительного размера саблей, держа её возле своего кривого лилового носа и размахивая ею так, что это было опасно скорее для него самого, чем для них.

— Он вне себя от злости, — пробормотал Доктор, помогая Сэм встать.

Она осмотрела свои красные от солнца колени и обнаружила, что они поцарапаны до крови.

Мясник продолжал на них орать, капельки слюны летели из его рта и застревали в его густой чёрной бороде. По какой-то причине Сэм не могла понять ни единого его слова. То ли он ругался как-то необычно, то ли ТАРДИС просто отказывалась такое переводить. И в том, и в другом случае Сэм это устраивало.

— Он говорит, что мы лишили его всех средств к существованию, — кратко подытожил Доктор в свойственной ему восторженной манере. Он схватил Сэм за локоть. — Та лохматая животинка, по его словам, стоила тысячу дирн. Либо мы возмещаем ему ущерб, либо будут серьёзные последствия.

Сэм сглотнула:

— У меня нет денег.

— А я потратил всё, что у меня было, — его пакеты валялись по тротуару. — Я всегда так делаю.

Некоторые из его покупок уже умыкнули прохожие. Даже обломки керамической совы.

Мясник всё ещё продолжал вопить и размахивать саблей, но теперь он звал какую-то Алую Гвардию.

— Алая Гвардия — это та военная сила, которую, ты говорил, все так боятся? — спросила Сэм.

— Да, именно та, — кивнул Доктор. — Ужасные люди.

Сэм попятилась в толпу и потащила Доктора за собой, вцепившись в рукав его зелёного сюртука. Она посмотрела, нет ли свободной улицы, куда можно сбежать. Неожиданно, все пути казались непроходимыми. На шум собирались огромные толпы любопытных недобрых лиц. А затем она увидела переулок, в котором никого не было.

— Не туда, — сказал Доктор, проталкиваясь между людьми. — В этом городе половина улиц заканчиваются тупиками. Это одна из них. Давай сюда.

И он помчался.

Они бежали по душным, благоухающим, хаотическим лабиринтам базаров. А позади себя они слышали завывание какого-то горна.

— Это, должно быть, Алая Гвардия, — сказала Сэм.

— И всё это из-за овцы! — воскликнул Доктор.

— Ты это нарочно делаешь? — спросила Сэм. — Каждый раз, когда я пытаюсь спросить что-то личное?

Они пробежали по пустому, яркому каменному коридору, цокая ногами по раскалённым камням. В городе Хисперо был самый полдень, для беготни было слишком жарко. Он посмотрел на неё и отбросил с глаз волосы.

— Ты меня о чём-то спрашивала?

— Я спрашивала тебя о твоих путешествиях, — сердилась Сэм. — Ты доволен, что всё время с места на место переезжаешь?

— Сюда! — крикнул он, сворачивая в тёмный переулок, где им пришлось на цыпочках пройти

между вонючими лужами, переступая через валявшихся на земле нищих, которые, возможно, уже отдали богу души.

— Понимаешь, я не люблю самокопание, психологию и психоанализ, — сказал Доктор. — Это ненужное любопытство. Поэтому ты и не слышишь, чтобы я исповедовался направо и налево.

— А какие это могли бы быть исповеди! — засмеялась Сэм.

— Да уж, — хмуро улыбнулся Доктор и остановился. — Может быть, отдохнём немного?

Криков сзади не было слышно. Рёв горнов тоже затих.

— Ты знаешь, мне иногда кажется (раз уж мы заговорили о счастье), что я никогда не бываю счастливее, чем когда убегаю от кого-то.

— Мазохист.

— О, не говори так! А то я начну переживать о себе. Вот именно это я и имел в виду, говоря об анализе. Иногда мне кажется, что лучше не знать слишком много.

Он опёрся на грязную стену и глубоко вдохнул зловонный воздух.

Сэм пожала плечами.

— Честно, Сэм, совсем недавно я был ужасным старым простофилей, который не говорил бы тебе том, что происходит, кричал бы на тебя при первом же взгляде, ожидал бы от тебя молчания и послушания, а также того, чтобы ты меня развязывала во всяких подземельях и кричала при виде приближающейся опасности.

— А вот и опасность, — сказала она, когда из-за угла на пустую улицу выбежали мясник и два гвардейца в развевающихся алых плащах.

Сэм мельком посмотрела на их красные одежды и подпрыгивающие в такт шагам лысые головы. Кожа гвардейцев казалась абсолютно синей.

— Татуировки, — сказал Доктор. — У Алой Гвардии татуировками покрыт каждый сантиметр их тел. У всех разные. Ну же, побежали!

И они снова помчались.

— Тут к ворам плохо относятся, — сказал Доктор.

— Да я даже не крала ту овцу! Мне не нужна была овца!

— На этой планете есть литература, которая прославляет отчаянные поступки воров и убийц, — сказал Доктор. — Но только тех, которых не поймали.

Будучи экспертами по удиранию, Доктор и Сэм в конечном итоге смогли оторваться от гвардейцев и мясника. Они спрятались в полумраке магазина со старыми книгами и свитками.

— Мы сбежали? — выдохнула Сэм.

Доктор кивнул:

— Если нам придётся разойтись, ты же помнишь, где ТАРДИС стоит?

Она бросила на него испепеляющий взгляд:

— Сколько я уже с тобой околачиваюсь?

Он тихо извинился и взял со стоявшего у двери стола выцветший, потрескавшийся том.

— А делают ли вас эти путешествия счастливой, мисс Джоунс?

— Мне интересно, не станут ли в конце концов все места и люди на одно лицо. С тобой это ведь бывало несколько раз.

— Если мне это наскучит, — сказал он, — я дам тебе знать.

Они стояли в невыносимой жаре и смотрели друг на друга. Воздух пах древней выцветшей бумагой. Доктору захотелось рассказать Сэм о том, как делают пергамент. О том, что свежуются телята, только что вынутые из матки. О том, что их нужно четырнадцать, чтобы хватило на один манускрипт. О том, что в этом маленьком магазинчике, должно быть просто толпы не успокоившихся душ нерождённых коров. Сэм бы посочувствовала. А затем он увидел, что у неё сейчас нет настроения слушать лекции на интересные темы. Он вздохнул. В последнее время у неё редко бывало на это настроение.

— Ты никогда не отвечаешь на вопросы, да?

— Если честно, мне кажется, что я забыл половину того, что со мной было.

Он рассматривал книгу. Её переплёт был цвета запёкшейся крови. Он понюхал её и почувствовал запах песка и пыли.

— Это рассказ о приключениях, — сказал он, нахмурившись. — А это неплохой магазин. Цены очень низкие.

Затем он вспомнил, что у него нет денег. Он шлёпнул ладонью по лбу.

И тогда Сэм поняла, что за время этой беготни он даже не вспотел.

— И все мои подарки! Остались на той улице.

Сэм знала, что он бы всё равно никогда не собрался доставить эти подарки адресатам. Ей стало больно за него, за то, что он не мог ни к чему привязаться. И в то же время он был такой плюшкин.

Она спросила:

— Что за книга?

В последнее время у него появилась привычка покупать повсюду книги, заносить их в ТАРДИС и складывать их повсюду, где было хоть какое-то свободное место. Но при этом она не помнила, чтобы за последние несколько месяцев он хоть раз сел и что-нибудь прочёл. Он просто собирал их, ему нравилось заставлять ими столы и стулья. Может быть, он читал их, когда её нет рядом? Она была вынуждена признать, что она была не лучшей компанией для чтения. Сэм не знала, чем ей в это время заняться, ей хотелось поговорить или куда-нибудь пойти. Она хотела спросить у него, не изобрёл ли кто-нибудь в будущем что-то вроде шприца, которым можно было делать инъекцию информации, книг, знаний. Наверное, нет.

— Она называется «Аджа'иб». Это книга о странных чудесах, — он наугад выбрал главу и прочёл: — «...в которой наш злополучный герой отправляется под море, в утерянный город, убивает там царя и освобождает силу гигантской белой птицы, которая управляет течением времени».

Сэм фыркнула:

— Глупости какие-то.

У него был озадаченный вид:

— Как жаль, что я не оставил хоть немного денег.

— Укради её.

— Сэм, я не могу!

Она осмотрелась по сторонам. Хозяина не было. В маленьком магазинчике не было вообще никого. От этого уединённого интерьера у неё мурашки по коже бегали. Тут что угодно могло притаиться. Она отобрала у него старый том и засунула его себе в рюкзак.

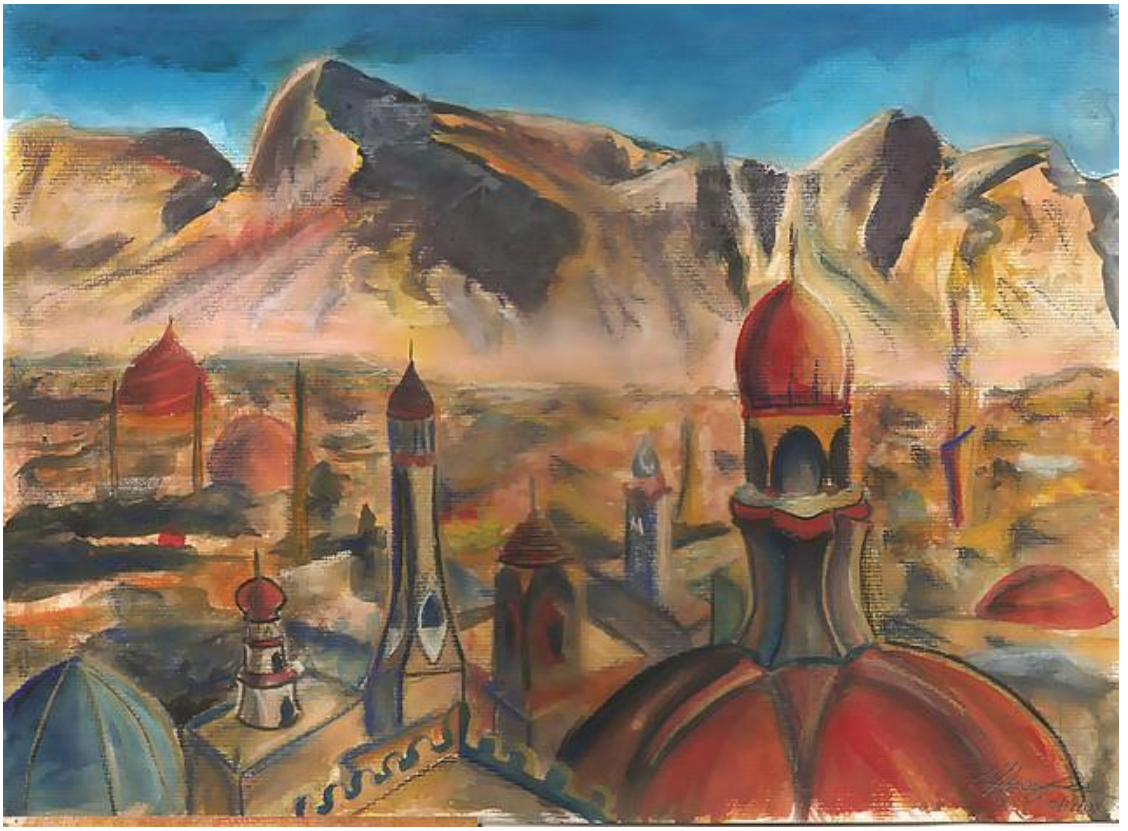
— Рискни разок. Считай это подарком.

Когда они поспешно уходили по улице, у Доктора был возмущённый вид. Теперь они действительно были ворами. Он думал, не распространяют ли уже среди гвардейцев их словесные портреты. Он слышал об алых солдатах ужасные вещи. Его предыдущие визиты на эту планету были на удивление спокойными, с татуированными гвардейцами он тогда не сталкивался. Может быть, пора уже улетать отсюда?

***

На Хисперо постепенно опускалась ночь, и Доктор вёл Сэм на одну из верхних точек городской стены. У них под ногами крошилась каменная кладка. Когда они поднимались, древние кирпичи раскачивались, ступени тоже не выглядели надёжными. В тишине Доктор снова успокоился. Это был исключительно древний город на очень старой планете. Как всегда во время пребывания в местах с почтенным возрастом,

Доктор словно купался в обстановке, впитывал её старину.



Отсюда они могли смотреть, как убывает и угасает розовый свет на ветхих башнях и дворцах, на храмах и жилых кварталах. Бессмысленно запутанные улицы города темнели, казались пустыми и остановившимися. Было впечатление, что вступал в силу комендантский час. Улицы превратились в огромные каньоны. Всё замерло.

Затем начали зажигаться лампы: неясное, мерцающее единство города. Город Хисперо снова оживал, начинались ночные дела.

Доктор и Сэм сидели высоко на городских стенах, опираясь спинами на нагревшиеся за день камни. Они лакомились фигами, персиками и мандаринами, которым удалось уцелеть в его карманах. Они увидели, как одетый в лучшее ночной народ прогуливался по тротуарам, неся в

руках бумажные шары со свечами внутри. Было впечатление, что происходит какой-то большой фестиваль. Из-за всех занавешенных дверей доносилась странная музыка. Существа любого вида танцевали на дорогах, но это не было похоже на организованное веселье Марди Грас. Каждый из вышедших ночью на улицу людей, казалось, танцевал под собственный неровный мотив, по собственным соображениям. Странное зрелище предстало перед Доктором и Сэм этим вечером. Улицы охватила атмосфера веселья украдкой. Другие инопланетяне тоже вышли и, похоже, принимали участие в этом безрассудном отрыве. В этом секторе космоса планета Хисперо была известна как место, где можно найти абсолютно всё, чего пожелаешь, в некоторых квадрантах его даже называли планетой, которая изобрела желания. Когда Доктор рассказал об этом Сэм, она очень удивилась. Он всегда казался ей такой цельной натурой. Она рассмеялась, а он покраснел.

Потом они какое-то время молчали, просто наслаждаясь вечером. Доктор лениво листал книгу, которую ему украла Сэм. А Сэм захотелось снова спуститься в город и посмотреть, чем там занимаются местные. Нарастающее возбуждение, носившееся в пропитанном специями ночном бризе, было заразительным.

— Тут всё об ужасном мерзавце, — сказал он, цокая языком. — В этом рассказе он вызывает Дьявола! Обманывает всех. А затем вызывает злых морских чудовищ. У них головы рыб и тела людей.

Он вербует чудовищ, мошенников и джиннов для того, чтобы погубить своего ненавистного идеального брата. Которому всегда, — Доктор улыбается, — удаётся уйти невредимым.

Сэм заставила себя вежливо улыбнуться. В данный момент истории о приключениях её не интересовали. Она вспомнила, как пару недель назад они несколько часов болтались между двумя точками разворота. Доктор сидел в кресле с высокой спинкой, забросив ноги на консоль, и лениво перелистывал комиксы Марвел. Оказалось, что он большой фанат «Людей Икс». Сэм это злило, она начала задыхаться в спёртой атмосфере корабля. Последнее время ей казалось, что он не хочет ввязываться ни во что, что может оказаться опаснее рассказов. Она доела последний фрукт, облизала пальцы и посмотрела на Доктора.

Доктор полностью погрузился в свою древнюю книгу. Он то и дело говорил «Послушай вот это!» и читал вслух. Уже не в первый раз у Сэм возникало подозрение, что у Доктора была тайная слабость к отъявленным мерзавцам этой планеты.

— А теперь он продал своего доброго брата его худшим врагам! Железным автоматам, одержимым злыми духами!

Постепенно темнело, и Сэм пыталась отвлечь его от книги:

— Так ты говоришь, что вся эта планета — пустыня, за исключением города?

Он с отсутствующим видом покачал головой:

— С точки зрения географии, это место — полная дрянь. Вот, посмотри, — он бросил ей что-то, похожее на старый носовой платок.

Это была карта всей планеты, нарисованная на куске выцветшей ткани. Карта была весьма условная. Сэм положила её в карман.

— Я, наверное, спущусь вниз и немного осмотрюсь, — сказала она.

Она встала, ожидая, что он попытается остановить её. Он не сказал ни слова. Она пнула ногой его ботинок. Никакой реакции. Она приняла решение: она пойдёт гулять по другую сторону городской стены, где они ещё не были.

— Хм?

— Пойду разомну ноги.

— Хорошая идея, — он перевернул страницу. — Не делай ничего такого, чего бы не стал делать я.

Она закатила глаза и слезла по крошащейся стене вниз, в очередной тёмный переулок. Что же, — подумала она, отряхивая с себя пыль и скривившись при виде новых царапин, — приключения, вот и я! Дайте мне порок, дайте мне скандал. Давайте мне мир, который изобрёл желание.

На улицах было темно и пусто. Может быть, всё веселье уже закончилось? Сэм побежала по переулку. Она была настроена решительно. Если этой ночью в Хисперо что-то происходит, она примет в этом участие.

***

Доктор сменил позу и продолжил читать, вглядываясь в страницы при свете луны. На чём

он остановился? Ах, да: железные автоматы. Они, оказывается, умели изрыгать огонь и сжигать своих соперников на месте. А в каждом автомате жил скрытый от всего мира злой и жестокий джинн, стремившийся сеять повсюду разрушение.

Он нахмурился. Может быть, не стоило отпускать Сэм одну? Но ведь совсем недавно он решил, что не стоит слишком бесцеремонно опекать её. Она уже не школьница. Если что, она сможет найти его здесь. Она знала, где она. Ей нужно позволять совершать собственные ошибки. О, Доктор, — выругал себя он. Почему ты постоянно позволяешь сопровождать тебя молодым женщинам? Да ещё таким упрямым? Столько времени прошло, столько было спутниц, а он до сих пор не знал, как ему себя вести в подобных случаях. Но сильнее всего он был уверен в одном. Что в какие бы неприятности ни впуталась Сэм, это будет просто ерунда по сравнению с тем, что было бы, если бы он попытался ей это запретить.

К тому же, это же Хисперо. Они оба бывали в гораздо более опасных местах.

Глава 2
Я был чародеем

Сэм гуляла. Она любила бродить по новым местам, чтобы разобраться со своими мыслями. Она никогда не боялась заблудиться. Её мама часто говорила ей: «Язык у тебя не отсох? Спрашивай дорогу». Впрочем, на самом деле её мама говорила о том, как не заблудиться в воскресенье в торговом центре. Но смысл был в том, что она не была беспомощной, даже если заблудится. К тому же у неё ещё и карта была, хотя от неё вряд ли будет толк.

По эту сторону городских стен переулки были более узкими и грязными. Она подумала, что это та часть города, которую не предполагалось показывать туристам. Здесь не было ни светящихся сфер, ни бумажных транспарантов, ни экзотического уличного театра. Здесь переплетение улиц было ещё более запутанным, чем там, где они были днём, как будто бы их предназначение было в том, чтобы поймать тебя и не выпускать. Это был унылый, запущенный район.

Сэм воспользовалась одним из множества советов Доктора и рационализировала своё движение. Поскольку у неё не было ни бесконечной верёвки, ни даже невероятно длинного шарфа, который можно было бы распустить, она внимательно выбирала маршрут. Она сворачивала исключительно налево, и лишь

зайдя в тупик, сворачивала направо. Это наверняка будет легко запомнить и потом вернуться.

Было удивительно тихо, но она была уверена в том, что она здесь не одна. Скорее казалось, что здесь все события происходят в помещениях. На каждой из чёрных дверей, мимо которых она проходила, висели старые драные занавески, и она готова была поклясться, что некоторые из них шевелились: алчные глаза косились на неё… Она качала головой и быстро шла дальше. Она же сама себя запугивает!

Она свернула на улицу, которая упиралась в широкий ветхий белый храм. Было в его виде что-то органическое, он был похож на выпуклость черепа, который в какой-то момент раскололся и оброс шишками. Весь этот заброшенный фасад создавал необычную меланхоличную атмосферу. Сэм была уверена, что забрела на самую малообещающую улицу города.

Но почему-то её тянуло к этому уродливому храму, он словно звал её. Там было что-то, что она должна отыскать и обнаружить. Словно какой-то голосок подначивал её. В последнее время она часто брала себя на слабо. Суеверие не позволяло ей отказаться от собственного вызова.

Сэм перешла пыльную улицу и зашла под густую тень храма. Затаив дыхание, она прошла между крошащимися исписанными колоннами в освещённый лунным светом двор. Казалось, что она вошла в другой мир. Здесь были классицизм, чистота, спокойствие. Вот такие впечатления

должен получать путешественник, — удовлетворённо подумала она. Это было неслыханное место, это было скрытое сокровище. Этот маленький красивый оазис принадлежал только ей. Тёмные деревья шуршали, прижавшись к холодному камню. Она слышала журчание и плеск воды на камнях. Она вышла на лунный свет.

На краю зацветшего зелёного бассейна старый нищий развёл себе небольшой костёр. Значит, это место принадлежит всё-таки не только ей. Это был уроженец этой планеты, у него было меланхоличное лицо с широкими глазами, такого типа, к которому она тут уже привыкла. Грива седых волос свисала прядями на грудь, прикрытую грязным халатом, об который он брезгливо вытирал руки. Сэм подумала обойти его, идти дальше, делая вид, что её одиночество не нарушено, но старик посмотрел на неё. Она не выдержала и вздрогнула. Эти хисперонские глаза, казалось, могли видеть насквозь. Они могли видеть все твои желания. Понятное дело, — подумала Сэм. В конце концов, это был мир, который утверждал, что изобрёл само слово «желание». Осматривающие её глаза были полны тоски. Сэм на мгновение словно окаменела.

Он жарил на шампуре что-то усохшее и почерневшее, подозрительно похожее на змею. В тишине было слышно, как потрескивает и лопается прожаривающаяся корочка. В пламя с шипением капал жир. Запах был гадкий. Он не отводил взгляда, а когда заговорил, его высокий

льстивый голос мгновенно пробудил в ней недоверие.

— Ты пришла поесть со мной? — спросил он. — Ты примешь последний ужин старика?

— Нет, спасибо, — вздрогнула она.

— Меня зовут Брюис, — сказал он. — Давно уже никто не заходил в мой храм.

— Ваш храм?

Он пожал плечами:

— Никому другому он не был нужен. Я на самом деле не местный, — признался он. — Я с другой планеты.

Сэм смотрела на его грязную, нечёсаную бороду. Ей он казался стопроцентным хисперянином. Впрочем, пускай говорит, что хочет. Неожиданно для себя она ввязалась в беседу с ним. Путешествия с Доктором сделали её гораздо разговорчивее.

— Я тоже. Мой друг Доктор говорит, что большинство жителей Хисперо прибыли сюда ради достопримечательностей и ради того, чтобы поучаствовать в…

Брюис запрокинул голову и захохотал. Он начинал действовать Сэм на нервы. Она ненавидела, когда её перебивали.

— Мы прибываем сюда с мыслью, что нашли, где нажить состояние. Планета, где все наши скрытые желания проявятся и исполнятся. Вот мы и прибываем из всех девяти углов космоса. Негодяи, в большинстве своём.

— А кем был ты, Брюис?

Он выглядел подавленным:

— Я был артистом. Я был чародеем.

Сэм засмеялась:

— Не сомневаюсь.

— Заклинателем змей.

Раздалось жалобное блеяние, и из тени возникла та самая чёрная овца, которую Сэм нечаянно спасла днём. Сэм не верила своим глазам. Овца стояла там, смотрела на неё и издавала что-то вроде ироничного мяуканья.

— Эта тварь меня преследует, — сказала Сэм. Она решила, что пора уходить. Хисперо не оправдывал своей славы. — Ну, ладно. Мне нужно возвращаться к Доктору.

— Возвращайся к Доктору, — кивнул старик. Он снимал с шампура кусок белого змеиного мяса и предложил мясо любопытной овце. — Не задерживайся в этом храме дольше, чем необходимо. И среди могил тоже. Могилы тут принадлежат отбросам этого мира. Там имеешь дело с низшими из низших.

— Честно говоря, к этому мне не привыкать.

— Кладбища защищаются духами, джиннами. Тёмной ночью с ними лучше не встречаться.

Сэм вытаращила глаза: овца ела из рук старика жареное змеиное мясо. У неё были крохотные, но очень острые зубы.

— Да, — сказала Сэм, сойдя с места. — Я буду осторожна.

Она оставила его и поспешила подальше от запаха пригоревшего жира. Но почему-то она не стала выходить так же, как пришла. Она ещё не увидела всё, что хотела увидеть.

Войдя в первую же открытую арку разрушенного храма, она оказалась в углу лабиринта. На её пути лежали статуи, колонны и полуразвалившиеся стены. Повсюду валялись грубые могильные камни. Казалось, что на этой твёрдой земле без зелени недостаточно места, чтобы похоронить столько людей. Протискиваясь между камнями и стенами, она жалела, что не вышла так же, как пришла. Она подумала о предупреждении старика о злых духах, но решила прогнать эту мысль. Она подумала о Докторе, который сейчас предавался чтению на городской стене. Она чуть не пожалела о том, что не осталась с ним. В последнее время он стал самодовольным. Жуткие места вроде этого раньше были именно тем, что он искал. Она же всего лишь делает то, что обычно делает он, а с ним в конечном итоге всегда всё в порядке, так?

По крайней мере, тишина была не такая жуткая. Это кладбище (скорее похожее на свалку, столько тут всего было набросано) должно вывести на людную ночную улицу. Когда она прислушивалась, она была уверена, что слышит крики торговцев, смех и гам пьяной толпы, музыку из баров и клубов. Она даже фейерверки услышала. Кажется. Возможно, они недалеко. Звуки необычной, но всё-таки жизни. Она пошла на звук. Лучше быть в опасности среди живых, чем среди мёртвых.

И тут у неё возникла мысль. А что если воспользоваться этими фейерверками? Таких больших и ярких фейерверков, как здесь, она

больше нигде не видела. Небо светилось золотом и серебром по несколько секунд за раз, делая чёрные крыши жёлтыми, создавая странное подобие дневного света. Сэм вскарабкалась на мавзолей с плоской крышей, который был высотой ей по макушку, и дождалась, пока город осветится. Тогда, за несколько секунд света, она поймёт, куда ей идти. Она дождалась. Она ахнула.

Она понятия не имела, как отсюда выйти. В сиянии непостоянного света она увидела то, что никак не ожидала увидеть.

Возле ограждения, которое вполне могло быть концом кладбища, стояло очень знакомое транспортное средство. Оно было старое и грязное, в его окнах было темно. Некоторые из окон были разбиты. Но оно выглядело в точности как лондонский автобус. Двухэтажный автобус цвета томатного кетчупа. Быть может, это была реликвия, древность, или его перевезли сюда с Земли шутки ради? Уж что-что, а *это* она здесь увидеть не ожидала. У неё даже появилась лёгкая ностальгия. Спрыгнув с массивной гробницы и подойдя к автобусу спереди, она увидела, что его номер — двадцать два. На белой табличке с чёрными буквами (теперь она точно затосковала по родине) говорилось, что он направляется в Патни Коммон.

Подходя ближе, она увидела, что у автобуса не было никакой возможности заехать в этот угол кладбища. Просто не было для этого места. Либо его по каким-то экстраординарным причинам опустили сверху, или же могилы сползлись к нему

со всех сторон, не давая выехать. Необъяснимый красный двухэтажный автобус стоял там словно памятник, бросая вызов всем логическим объяснениям.

Наконец-то было что-то, достойное исследования. Её сердце начало биться чаще. Она крепче сжала свой рюкзак.

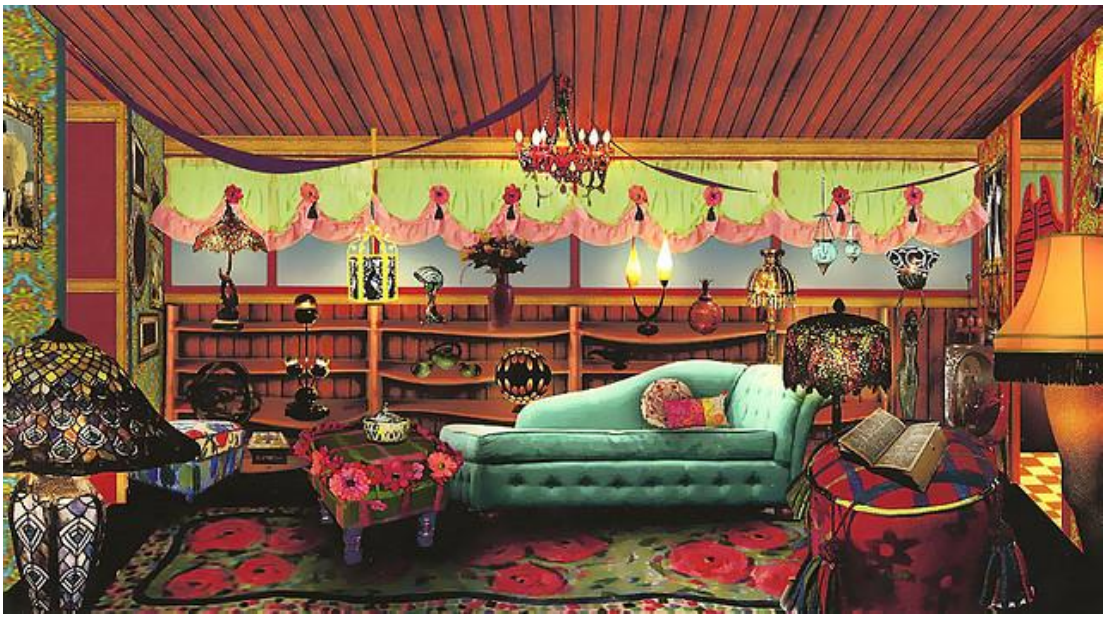
Нет смысла откладывать. Нет смысла возвращаться и звать Доктора. Он сделал бы то же самое, что сейчас сделает она — залез бы вовнутрь и рыскал бы там по всем углам, громко заявляя о своём присутствии. С этим она и сама справится.

Из оставшегося позади неё храма донёсся ужасный вой. Он резко оборвался, но затем снова начался, постепенно перерастая в какое-то бульканье. Старик. Это, должно быть, он, но по каким-то причинам её это только подстегнуло. Ни за что она не пойдёт узнавать, что он с собой сделал. Сэм пошла в автобус.

Двери перед ней раздвинулись от малейшего касания её пальцев. Воздух внутри был очень затхлый. Лунный свет проникал и сюда, но различить можно было только крупные силуэты. Но было понятно, что это необычный автобус. Она всматривалась во мрак.

Автобус слегка качался под её весом, словно умел чувствовать пассажиров. А когда она поднималась по ступеням, его освещение мигнуло, кашлянуло и неохотно ожило. Нижний этаж залил тёплый золотистый свет. Сэм стояла возле кабины водителя и смотрела.

Автобус был переделан мастером с дорогим и необычным вкусом. Кресла из кожзаменителя были сняты, и весь нижний этаж был оформлен как гостиная. Старомодная, заставленная мебелью гостиная с диванчиком, шкафом-минибаром, на котором было полно бумаг, диаграмм, раскрытых романов. На окнах висели пыльные шторы, и повсюду были лампы, которые загорались одна за одной прямо у неё на глазах. Красивые лампы в стиле арт-нуво, из кусков разноцветного стекла. Повсюду висели бахрома и бисер. В беспорядке были разбросаны маскарадные костюмы: перья, ткань с блёстками.



Но никого внутри не было видно. Это была своего рода «Мария Селеста» лондонского транспорта.

Сэм подошла к лестнице и осторожно пошла по ступенькам вверх.

На втором этаже всё было примерно так же. Здесь было ещё меньше свободного места, стояли несколько рядов с вешалками для одежды. Это было похоже на второй этаж театрального

костюмера. На окнах тоже висели платья и наряды. Странно, но среди блуз, пальто, странных туфель и рваных колгот встречались куски электронных плат, полуразобранных кусков какой-то электроники.

Сэм развернулась, чтобы уйти.

— Постой! — попросил густой, зычный голос.

Сэм вздрогнула, но постаралась не показать удивление.

— Кто тут? — спросила она, сердясь на себя за то, что сразу вспомнила о джиннах и злых духах, о которых говорил старик.

— В передней части... этого транспортного средства, — в голосе были отвращение и смирение. — Меня отсюда не выпускают уже три дня.

Она протиснулась между рядами одежды, раздвигая в стороны плечики с необычайно тяжёлыми шубами. Похоже, тут было как минимум по одной шубе из каждого вида экзотических кошек, причём все меха были настоящими.

В передней части автобуса на полу скрючился закованный в прочную цепь мужчина.

— Ты всего лишь девушка, — пренебрежительно сказал он. — И пилы, я так понимаю, у тебя с собой нет?

Сэм ничего не сказала. Она просто открыла рюкзак и вынула из него полотно с мелкими острыми зубьями. Она носила его с собой уже несколько недель, решив, что звуковая отвёртка Доктора слишком беспомощная против настоящих

железяк. Последнее время их довольно часто запирали в подвалах.

Она подумала, что нужно проверить, кто это такой, прежде чем освобождать его. А ему не терпелось:

— Забудь о знакомстве, милая. Просто освободи меня.

В тусклом свете она его почти не видела. Она решила, что нужно поторговаться.

— Если я тебя отпущу, с тебя будет причитаться. Меня зовут Сэм.

Он свирепо посмотрел на неё. Его глаза были узкие, недобрые, зелёные. Теперь, с близкого расстояния, она увидела, что его тело было покрыто анемично-белой чешуёй. Его тело прикрывал испорченный комбинезон. Длинная фигура с потрескавшейся кожей свернулась почти в клубок.

— Я Хила, — тихо сказал он.

— И ты в таком состоянии уже три дня?

Он вздохнул:

— Меня заковала ужасная старая ведьма. Я не знаю зачем, — он добавил своему голосу мольбы: — Ты не выпустишь меня?

Но полностью прогнать из своего голоса надменность у него не получалось. А ещё он немного шепелявил, и Сэм это казалось насмешкой. Она хотела взяться его освобождать, но потом передумала.

— У меня есть друг, он сможет помочь, — сказала она и встала. Она вставила обломок

полотна пилы в его руку. — Начните пока без меня.

А затем она попятилась от него.

Он застонал:

— Вернись! Освободи меня сама!

Сэм покачала головой:

— Нет уж.

— Не уходи! Как тебя зовут?

— Сэм. Я уже говорила. Послушай… Я пойду за Доктором.

— Мне не нужен доктор, Сэм! — сказал он и вдруг разразился ужасным смехом. — Мне нужна ты!

Пока Сэм быстро шла к лестнице, его смех превратился в приступы кашля и мучительные всхлипы.

Итак, ей нужно быстро вернуться и найти Доктора.

И что она ему скажет? Она нашла на кладбище двухэтажный автобус, в котором держат в плену человека-ящерицу. Доктор в ней разочаруется.

Она осторожно прошла между могилами обратно в храм. Ей не хотелось снова повстречаться со стариком Брюисом.

Но, проходя мимо, она не могла не заметить его, лежащего в свете затухающего костра. Должно быть, он заснул. Чёрная овца тыкалась носом в его подбородок. Повернувшись на звук шагов Сэм, овца предупредительно заблеяла, а затем ускакала в темноту. И тогда Сэм поняла, что животное там пожирало тонкие скользкие

внутренности глотки старика. Вскрикнув, девушка повернула и побежала на улицу.

А теперь нужно повторить свой путь.

Людей на улицах стало больше. Всюду кишели артисты, рассказчики, жонглёры, ходоки по огню, бандиты, шлюхи, астрологи, нищие и укротители медведей. Казалось, что это совсем не те улицы, по которым она шла меньше часа назад. Казалось, что в какое-то определённое время кто-то раскрыл ящик, и оттуда вывалила вся эта толпа. Прибывших с других планет в толпе тоже было много, словно они вдруг решили, что в этой части города им будет безопаснее. Несколько инопланетных рас она узнала и была уверена, что все они тут ради чего-то плохого. Но сейчас она считала, что некогда всё это рассматривать.

И вдруг она оказалась перед крутой стеной, с которой она соскальзывала. Странно, но стена была не там, где Сэм ожидала её увидеть.

Тем не менее, это была она. Запрокинув голову и осмотрев изрезанный силуэт городской стены, Сэм увидела Доктора. Он сидел всё в той же позе, с книгой на коленях. Она увидела, как он рассеянно провёл рукой по волосам и перевернул страницу.

Она свистнула ему:

— Слезай, Доктор! А то всё пропустишь!

Она услышала его грустный смех. Он встал, зевнул, потянулся и опустил Аджа'иб в свой вместительный карман.

— Скажи мне, Сэм, — сказал его тёмный силуэт. — Ты нас, часом, не впутала во что-то опасное?

Она широко улыбнулась:

— И что бы ты сказал, если бы впутала?

— Я бы сказал: молодец! Чем дольше читаешь о чьих-то приключениях, тем сильнее хочется и самому ввязаться в какую-нибудь ерунду.

Одним внешне простым движением он соскользнул с крыши, а затем по стене. Но при приземлении на твёрдую землю переулка подвернул голень. Сэм пришлось поддержать его, пока он стонал.

— Так что там? — наконец, сердито спросил он. — Что ты там нашла для меня?

— Ты идти можешь?

— Конечно, могу! — он перенёс вес на повреждённую ногу и скривился. — Только не мчись вперёд слишком быстро, хорошо?

Она повела его.

— Я нашла кого-то, кого держат в плену. Но на вид он опасен. Я не хотела освобождать его сама.

— Где он?

— На кладбище.

— Здорово. Ай!

— Доктор, ты веришь в злых духов?

— Конечно, верю. А что?

— Ничего. Слушай, он связан в двухэтажном автобусе, на втором этаже, и...

— Где-где? — Доктор остановился, как вкопанный.

— В автобусе. Судя по табличке спереди, это номер двадцать два до Патни Коммон.

Доктор издал тяжёлый, медленный вздох:

— Айрис, чертовка старая.

— Кто?

***

Снова помехи. Эта камера обошлась в кучу денег. За такие деньги можно было ожидать лучшего качества. Между съёмками всегда были треск, стук, вспышки белых молний.

Смена сцены:

Человек-Ящерица (он же Человек-Аллигатор, он же Хила) прилёг на диванчике в конце автобуса. Позади него из-под автобуса бесконечно выползает в сторону горизонта пыльная дорога. Он усталый и сердитый. Он пытается спрятать лицо за подушкой.

— Айрис, я не хочу, чтобы меня сейчас снимали, ясно? Что я, по-твоему, могу сказать? Что я чудесно провожу время? Я здесь против своей воли! Если бы не ты, меня бы тут не было. Вся моя жизнь осталась в Хисперо. Все мои… инвестиции, мои задумки и планы… Я потеряю целое состояние из-за того, что участвую в этом сумасшедшем плане. Я уже прекратил заниматься этой беготнёй и спасением людей. А ты испортила мой заслуженный отдых. Моя жизнь была налажена. Мне было уютно. А теперь всё это наверняка пошло псу под хвост, причём из-за тебя!

Из-за границ экрана доносится хриплый смех.

— Хорошо! — смеётся кто-то, и экран темнеет.

Глава 3
Ей всегда были свойственны чары

Может быть, он стал сентиментальным, но в последнее время, когда он думал об Айрис, он уже не чувствовал злости. Когда-то раньше она казалась ему назойливой, глупой, болтливой старухой. И он неоднократно говорил ей об этом. За долгие годы их пути пересекались много раз, и некоторые из прежних Докторов теряли с ней терпение. Но сейчас — лишь сейчас — Доктор вспоминал об Айрис почти что с нежностью.

Прошло много времени. Так что, возможно, он таки стал сентиментальным. Или же последние годы были настолько напряжёнными, что он смог увидеть Айрис такой, какой она была на самом деле: безобидной, весёлой, беззастенчиво флиртующей дилетанткой.

Всю дорогу до кладбища Доктор отказывался отвечать на вопросы Сэм. Он обнаружил, что его начинает радовать перспектива снова увидеть Айрис. Он даже не мог вспомнить, где они с ней виделись в последний раз. В любом случае, эта встреча была не из приятных. Кажется, они расстались не самым лучшим образом.

Он пожалел, что его память была такой слабой. Иногда, когда он пытался вспомнить что-нибудь из своих предыдущих жизней, он словно вспоминал что-то, что ему рассказали или приснилось, или он прочёл об этом в книге. Из-за

этого он чувствовал себя очень молодым. Очень маленьким на фоне величия своей жизни. Иногда не стоило утруждать свой разум, чтобы мысленно вернуться в какой-нибудь момент до Скаро, Лондона, Сан-Франциско, Лангбэрроу. Пускай прошлое приходит тогда, когда само того пожелает, — считал он. Так лучше всего. Потому что рано или поздно оно всё равно вернётся.

Странно, что оно вернулось в виде Айрис Уайлдтайм. Айрис, которая вела дневник о своих странствиях и шла по пятам за Доктором. Она знала все его воплощения, все. Для неё его прошлое будет более реальным, чем для него. Она любила предаваться воспоминаниям. Быть может, поэтому он и был рад тому, что она была здесь, на Хисперо.

«Я была влюблена в тебя, дурак!» — вспомнил он её слова. Долгие годы она скрывала, но однажды не выдержала и крикнула ему об этом посреди ночного леса. Но она знала, что это невозможно. Сколько бы импульсивных признаний она ни делала. После того признания Доктор избегал её ещё сильнее, чем раньше. Иногда он не знал, как противостоять её вульгарному напору.

После каждой из их непредсказуемых встреч он был немного не в себе. А вот и автобус!

— Очаровательное место, Сэм, — улыбнулся он. — Ты меня просто балуешь.

В автобусе горел свет. Внутри казалось почти уютно.

Он вспомнил о том, как бывал в этом автобусе, и испытал лёгкий приступ ностальгии.

Рождественский ужин с Айрис, Тиган и Тёрлоу. Одна из их неплохих встреч.

Доктор спросил:

— Так ты говоришь, что не видела здесь пожилую женщину, разодетую, примерно вот такого роста?

Сэм покачала головой:

— Ты знаешь, чей это автобус, да?

Он прикусил губу и кивнул:

— Но та Айрис, которую я знал, ни за что не оставила бы свой автобус вот так, незапертым, — он вздохнул. — Должно быть, случилось что-то ужасное.

Айрис почему-то всегда очень гордилась своей ТАРДИС. Его эта гордость смешила. Он вспомнил первый раз, когда ему было позволено подняться на борт. Тогда это случилось лишь потому, что она была так пьяна, что не могла вернуться домой самостоятельно. Он тащил её через лес и когда наконец-то оказался внутри автобуса, рассмеялся. Её ТАРДИС была изнутри в точности такого же размера, как и снаружи. Вот почему она не хотела пускать его в автобус.

Сэм спросила его:

— Кто она?

— Она опасность, — сказал он.

— Ты давно с ней знаком?

— Не знаю. Она то и дело появляется во всех моих жизнях. Я всё время путаюсь, а она знает обо мне гораздо больше, чем я о ней.

Сэм это ничего не объяснило. Она провела его к автобусу.

— Тут всё по-прежнему, — задумчиво сказал он.

Со времени его последней встречи с Айрис тут почти ничего не изменилось. Появились новые украшения: на минибаре стояли статуэтка испанки, развевающей своими юбками, и тихо красиво булькал масляный светильник. Значит, её вкус с тех пор не улучшился, — подумал он. Старая Айрис была всё той же, а подумать только, сколько всего произошло за последние годы с ним!

Он повернулся к кабине водителя, надел очки и посмотрел на приборную панель. Органы управления были почти как в его ТАРДИС: та же смесь вяза, латуни и огнеупорного пластика. Моргали лампочки, мерцали наборные диски. На дисплее светилась надпись: «ХИСПЕРО. АББАСИДСКАЯ ЭРА. ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ».

Сэм заглянула через его плечо.

— Это же ТАРДИС! — ахнула она. — Она повелительница времени!

Он ухмыльнулся:

— Ну, сама Айрис не сказала бы тебе спасибо за то, что ты её так назвала. Для неё это звучит слишком благородно. Скажем так, по её утверждению она с моей планеты. Она очень, очень уклончива.

— Странно слышать такой упрёк от тебя…

Он пощёлкал несколькими тумблерами.

— Интересно, сможет ли её корабль найти её… Знаешь, они находят дорогу. Как голуби.

Кабина водителя казалась особенно заброшенной. В приборной панели был кассетный

магнитофон, втиснутый туда, где должны были быть размерностные стабилизаторы. Валялись старые кассеты: Motown, Abba, Shirley Bassey. Доктор легко представил себе Айрис сидящей за рулём, вынужденной пилотировать корабль в пространственно-временном вихре вручную. Что за суета! Он ей не завидовал. Ему хватало и того, что приходилось делать в его Корабле: задавать координаты, садиться с чашкой чая, ждать. По крайней мере, ему не приходилось заниматься вождением. Он мог представить себе Айрис сидящей здесь, с музыкой на полную громкость, одетую в самую гадкую шубу, с высоко поднятым воротником, потому что леденящие Ветры Времени проникают вовнутрь сквозь щели в окнах и под раздвижные двери. Этот корабль не отличался безопасностью. Боже её храни: упрямо держать руль, дрожать на скользкой обивке, спасаться от головокружительных ужасов Вихря. Бедняжка. Не удивительно, что ей нравилось иметь дом в каждом порту, на каждой планете, в каждой эпохе, где она бывала. Она коллекционировала дома как Доктор спутников.

— Знаешь, она мне как-то раз сделала предложение, — сказал он.

— Правда?

— В Венеции. Это было очень романтично. Я не помню, на какой я тогда был стадии, какое на мне было лицо… но я был потрясён. Она сделала предложение на рассвете, на Мосту Вздохов. Она тогда была крупной женщиной за шестьдесят, с длинной седой косой, волочившейся сзади. Когда

люди спотыкались через косу, она оборачивалась и кричала на них.

— Похоже, она удивительная.

— Пожалуй, да. Она тогда меня чуть до смерти не напугала.

— Надо было тебе принять предложение.

— Она была как Колетт, — размышлял он. — Было видно, что в молодости она была красавица, и она не могла расстаться с этим. Она вся была в пудре, румянах, пурпурная губная помада. Ужасно эффектная, словно она много лет актрисой была. А поскольку она вела себя как красавица, то она и была ею.

— Что это было? — Сэм указала на что-то за окном.

— Хм?

— Там что-то движется.

— О боже. Это же кладбище, да?

— Какой-то старый нищий говорил мне о злых духах среди могил.

Она вздрогнула.

Доктор выглянул в окно. Там, между тёмными каменными плитами и измученными деревьями, действительно что-то двигалось.

— Джинн, — сказал Доктор.

— Так старик и сказал. То есть, это правда?

— Они на этой планете повсюду встречаются. Это не совсем духи. Упыри — они выбираются, чтобы поесть мертвечины.

Сэм отпрянула от окна:

— Я закрою двери.

— Билеты, пожалуйста! — крикнул Доктор. — А я не прочь побыть кондуктором автобуса. Можно посмотреть мир. Никаких монстров, никаких одержимых властью маньяков.

— Ни пожирающих мертвечину упырей.

— Их называют «ифриты», — он начал загибать пальцы: — Ифриты — это упыри; джинны — они скорее духи; кутрубов ты бы скорее назвала оборотнями, ну и кабикаджи — духи, обладающие властью над миром насекомых. Они могут насылать нашествие саранчи или…

— Ты опять привёз меня в жуткое место!

Его это задело:

— На мой взгляд, Хисперо — сенсационная планета.

Она качала головой.

— Разве тебе тут было скучно?

— Не в этом дело!

— Думаю, нам лучше пойти и взглянуть на этого твоего пленника.

Внезапно раздался стук: пленник уже сам спускался с верхнего этажа по лестнице.

— Вы, я полагаю, Хила, — сказал Доктор и шагнул навстречу с протянутой рукой.

Пленник его проигнорировал. Он сердито смотрел на Сэм:

— А ты не спешила.

Затем он принялся рассматривать беловатую чешую на своём теле. Он был покрыт ею полностью. Доктор подумал, что это какая-то генетическая мутация.

— Моя кожа в ужасном состоянии, — сказал Хила. — Она не пускала меня к воде, — он осмотрелся. — Вы нашли её?

— Кого? — спросила Сэм. — Ведьму, которая держала тебя в плену?

— Он что, ведьмой её называл?

— А как иначе она смогла бы меня удержать, — стонал Хила, — если бы не чародейство?

— Айрис всегда были свойственны чары, — улыбнулся Доктор. — Но она не ведьма.

Хила пробормотал что-то себе под нос.

— Ты знаешь, где она?

— Нет, — резко сказал Хила.

Доктор внезапно почувствовал беспокойство. Вот он снова на борту её корабля, среди всех её пышных дурацких штучек, но почему-то он не рассчитывал увидеть её во плоти.

— Доктор! — закричала Сэм. — Они нас окружают!

Они слетались на необычный свет автобуса. Эти мертвенно-бледные, полупрозрачные, синеватые существа не привыкли к тёплому, дружелюбному свету. Они плавно кружили вокруг автобуса, о чём-то бормоча и тараторя. Их шум стал громче, когда те, кто был в автобусе, поняли, что за ними наблюдают.

— Ифриты, — сказал Доктор.

Они касались окон. Мимо пролетали мягкая рваная плоть и кожаные крылья. Раз или два Сэм замечала стрекочущую мёртвую голову. Глаза без век озадаченно смотрели на Сэм.

— А нельзя их прогнать?

— Они вам ничего не сделают, — ленивым голосом сказал Хила. — Я просидел тут несколько ночей, закованный в цепь, и ничего плохого со мной не случилось.

— Всё равно, — сказал Доктор. — Не нравится мне, когда на меня зомби смотрят.

— Мы не мертвы! — сказал Хила. — Мы им не интересны!

Доктор возился у консоли корабля.

— Я пытаюсь навестись на Айрис. Её телепатические контура работают замечательно… А, вот она. Она жива!

— Ура, — едко сказал Хила и посмотрел на носившихся снаружи упырей.

— Мы отправимся за ней? — спросила Сэм.

Доктор кивнул, решительно нажал пару кнопок, и весь автобус боком вошёл в Вихрь.

— Ну, теперь хоть этих существ не видно, — сказала Сэм.

— Держитесь! — сказал Доктор. — Я не знаю, насколько хорошо у неё…

Они вернулись в реальное время на вершине большого крутого холма, нависавшего над пустыней. Всё ещё была ночь и жара как в духовке.

— Она где-то здесь, — сказал Доктор, когда всё замерло и затихли вой со скрежетом.

— Это поразительная машина! — сказал Хила.

— Неплохая, — высокомерно сказал Доктор. — Но моя мне больше нравится.

Он опустил с потолка кабины телевизионный экран. Тот висел на болтающемся, ненадёжном на

вид проводе. Доктор повернул пару ручек, и появилось изображение. Чёрно-белое, как старый кинофильм.

— Может быть, мы сможем узнать, почему Айрис начала похищать молодых людей. Ага, а вот и изображение.

Пустыня. Вот что было снаружи, судя по нечёткому инфракрасному изображению. Чёткость картинки повысилась, и стало видно трёх огромных собак, охраняющих вырытую кем-то в пустыне яму. Они рыли лапами песок и рычали, обнажая в лунном свете свои клыки.

— Вот где она, — сказал Доктор. — На дне этой ямы.

Глава 4
После всего, через что я прошла!

Она была женщиной, привыкшей к одиночеству. Многие годы она путешествовала одна, считая саму себя отличной компанией, лучшей, на которою она могла рассчитывать. Её собственные шутки казались ей смешными, у неё был чудесный вкус относительно музыки, искусства, одежды, еды, вин, поэзии, прозы и мест, её комментарии всегда были уместны, она всегда могла выдать подходящую случаю цитату. Ни один из потенциальных спутников не имел ни единого шанса в сравнении с теми качествами, которые она видела в себе самой.

Раз или два она пробовала путешествовать со спутником, чтобы было с кем разделить затраты и нервное напряжение, чтобы облегчить духовную и психологическую нагрузку долгих странствий в пространстве и времени. Но эти люди, которых она приглашала в свою ТАРДИС, в конечном итоге лишь действовали ей на нервы. А она, что не удивительно, действовала на нервы им. Они чаще всего были людьми, и она сетовала на их ограниченные возможности. Все эти их вечные «что же теперь делать» и «ой, спаси меня». А ещё она путешествовала с тупым оборотнем, который обожал иметь форму болтливого пингвина.

Последние годы Айрис была одна.

Но был, однако, один спутник, которого ей всегда хотелось. Тот, которого она хотела обоими своими сердцами с самых первых своих путешествий. То существо, чья история странничества не уступала её собственной и была странным образом параллельна. Чьи приключения забрасывали его примерно туда же, куда и её, и чей усеянный страданиями путь она иногда пересекала намеренно.

Он был здесь, где-то на Хисперо. Что-то витало в воздухе. Она чувствовала, что он рядом.

Но, тем не менее, спасать её он не спешил. Так близок, и так далёк.

Никогда ещё она не чувствовала себя такой одинокой, как сейчас, в глубоком колодце, пробитом посреди пустыни в крошащемся песчанике. Она подумала о том, устойчив ли этот камень, в каком он состоянии? Она представляла мрачные картины того, как всё может стать гораздо хуже: огромная трещина раскроется под её ботинками и поглотит её навеки в недрах пустыни. Но это никуда не годится. Думай о хорошем, Айрис.

Она была так глубоко под землёй, что ночное небо уменьшилось до размера хисперонской монеты. Задрав голову, она могла увидеть его пронзительную синеву и дразнящее мерцание звёзд. Она печально сидела на дне колодца и всю ночь горько плакала.

Скоро, — думала она, — я истощусь от голода, и это будет конец всему. После всего, через что я прошла! Гигантские пауки на Метебилис-3,

гробницы киберлюдей на Телосе, неистово жрущие драшиги на своей вонючей болотистой планете.

Она съёжилась, услышав, как одна из собак наверху завыла на луну. Две другие стали подвывать. Значит, они всё ещё тут. Даже если бы ей удалось вылезти, её бы порвали на части голодные псы. Они напоминали ей собак из сказки Ганса Христиана Андерсена, которые охраняли сокровища старой ведьмы, у которых глаза были размером с колёса телеги, чтобы видеть в ночи.

А потом она вспомнила, что у неё в сумочке есть шоколадный батончик. Припрятанный на всякий случай. Она принялась есть его.

Повезло, что мой журнал со мной, — подумала она.

Айрис писала в толстых блокнотах с разноцветными жёсткими обложками, на кремовой не разлинованной бумаге. У неё их были уже сотни: заполненные её неразборчивым почерком, её иносказательной, цветистой прозой. Её текущий том был относительно новым, он начинался с записей, которые она успела сделать во время недавнего побега с Ксерофаса. Дальше текст продолжался с момента её прибытия в суетный, знойный Хисперо, неделю назад.

***

Она сидела в кафе, в столице, над её головой вращались лопасти вентилятора, перед ней стоял стеклянный графин охлаждённого кофе. Она размешала в графине толстую пену и кусочки льда и посмотрела на составленный ею короткий список.

Человек-Аллигатор.

Киборг.

Бородатая Дама.

Псевдо-Черепах.

Целых десять минут Айрис смотрела на улицу. Мимо проходила разноцветная толпа, а она почти ничего не замечала.

«Я получила инструкции», — писала она, — «и никогда ещё я не была осторожнее, отправляясь в путешествие. Никогда я ещё не отправлялась в путь с большей тревогой, не говоря уже о явном намерении лишить кого-то свободы.

И неважно, кто они такие. Это предложение противоречит моей сущности. Ни за что бы я не впуталась в такое сомнительное предприятие, если бы не была в таком отчаянии. Да, буду откровенна: я в отчаянии. Итак, я получила инструкции».

Кофе со льдом был тепловат.

«И не будем обращать внимания на то, что я в ужасе от женщины, на которую работаю. За свою жизнь мне доводилось встречать леденящих душу личностей. Врагов, от которых волосы на голове становились дыбом. Я не преувеличиваю, когда говорю, что боюсь Алой Императрицы.

Но, тем не менее, у меня есть задание. Я знаю, что должна сделать. Мне просто нужно не опускать руки. Если я справлюсь, мне нечего будет бояться Императрицы. Я надеюсь, что тогда всё будет наоборот. Я хочу получить наивысшую награду, которую может предложить Императрица.

А пока что у меня есть всё, что мне нужно: моя хитрость, мой ум, моя внешность».

***

Это была последняя запись в её блокноте, если не считать двух адресов: «1/7 №62 Abss.» и «Nilt.6.12 (сзади)».

Айрис посмотрела на часы и увидела, что пора принять ещё болеутоляющих. Запивать их, разумеется, нечем. Боли становились сильнее, а из-за местного климата и всех этих лишений терпеть их было не легче. Она надеялась лишь на то, что её старые кости выдержат до конца. Даже если ей удастся выбраться из этого колодца.

Может быть, он придёт. Он однозначно где-то рядом.

***

Она думала, что им нужно быть вместе просто потому, что они оба знали, что такое жить рискованно. Большую часть своих жизней они держались задворок, крались или мчались вдоль различных щелей, опутывающих мир. Они находили себе дом в кафе, космических кораблях, на улицах, в кабинетах, в джунглях, в книжных магазинах, в вулканах, в запасных военных штабах, в застенках, в пустынях, в сверкающих центрах управления и в затхлых сырых тоннелях. Они жили за счёт своих умов и прошли через ужасно сложные эскапады.

В то время как он не написал о том, что с ним было, почти ни строчки, Айрис документировала почти каждый час. После того, как его не станет, о нём не будет по чём вспомнить. Разве что по

преходящему следу в непрочных воспоминаниях друзей и врагов. Возможно, он исправил несколько несправедливостей, или вызвал ещё большую неразбериху. Но ему удавалось быть незаметным.

Айрис всё это записывала за него.

Он был и её музой, и её читателем: однажды она усадит его и заставит прочесть всё, что она записала. И тогда, когда она, наконец, заставит его слушать, она сможет спросить его о том, что заставляет его жить. На что он возлагает свои надежды? Что делает его по-настоящему счастливым? Ей хотелось знать, был ли он когда-нибудь доволен. Её очаровывал его стиль сорви-головы, та ужасная энергия, которой питалась его жизнь, но ещё сильнее её притягивали странные пробелы в жизни Доктора. Когда он занимался обычными вещами? Когда он ел, спал, пил, читал? К кому он прижимался после приключений?

Не удивительно, что этот его чудесный Корабль имел скрытые размерности и встроенные бесконечности. Вот где он скрывал всё то, что хотел утаить от других. Своего рода фрейдистская трансразмерность, если говорить аллюзиями его любимой планеты.

В каком-то смысле Айрис считала себя его прямой противоположностью. Она хваталась за самые обычные вещи и наслаждалась ими. Именно ради них она покинула Галлифрей. Она хотела пропахнуть запахом повседневности. И она боготворила древнеримского поэта Теренция,

который сказал: «Ничто человеческое мне не чуждо».

Айрис подозревала, что всё человеческое было чуждо Доктору. А вот у неё никогда не пропадал аппетит к этому.

И вот она, самая жизнелюбивая, яркая, умная, красивая и полнотелая женщина на этой планете, умирает от голода в этой дыре, и ей даже поговорить не с кем.

Она взяла в руки сумочку и поискала в ней сигареты. Первая затяжка, как всегда, была блаженством. Она смотрела, как синий дым выписывает на фоне тёмного неба арабески. Он поднимался узким столбом и без усилий выходил из дыры, в которую она попалась. Её дым, выпущенный как поцелуй, небрежно пролетит мимо троих псов, которые сторожили её у врат ада. Её дым зависнет пеленой над пустыней, над просторами диких земель. На самом деле Айрис не нравились пустыри. Город, бульвары, бурлящие автострады — вот её естественная среда обитания. Дым её сигареты поднимется над всем этим и зависнет как джинн, способный осмотреть весь сверкающий, испорченный Хисперо на западе, наклонившиеся башни дворца Алой Императрицы на севере, а на юге — обрывистый, опасный горный хребет, который она пообещала пересечь. Когда она тушила окурок об камень, она услышала, что наверху что-то происходит. Собаки разлаялись. Кто-то пришёл спасать её.

***

Снова пустыня. Вид снаружи на ярко-красный автобус. Пышная фигура в старом пальто протирает пыльные окна носовым платком. Её лицо не видно за зелёным мехом воротника. Камера дрожит, изображение приближается. Мы видим, что на ней большие солнцезащитные очки, её ярко раскрашенные губы сосредоточенно сжаты. Она улыбается камере и показывает язык. А затем смотрит поверх очков.

— Решила отомстить мне, Сэм? Что же, я не против того, чтобы меня снимали. И никогда не была против.

С экрана доносится голос Сэм:

— Если нам нужно опасаться Алой Гвардии, не следовало ли нам путешествовать в чём-то менее заметном, чем лондонский автобус?

— Я никуда не отправляюсь без своего корабля. Он — моя единственная утеха. Да и вообще, — Айрис снова широко улыбается, и её морщинистое лицо заполняет весь экран, — я считаю, что быть заметным — это превосходно. Я не выношу скрытных!

THE SCARLET EMPRESS
'IRIS' WILDTHYME
Jane Hudson

Глава 5
Сидеть!

Три чёрные собаки так увлечённо выли на луну, что не заметили ни появления Доктора, ни вышедших за ним из автобуса Сэм и Хилы.

Засунув руки в карманы, Доктор размышлял над тем, что ему делать. С собаками у него никогда отношения не складывались. А эти… Только посмотрите на них! Он сглотнул. Они были размером с лошадей, и он не мог не подумать о тех псах, которые разорвали на части Актеона, наткнувшегося в лесу на купающуюся Диану. Почему мне никогда не приходят в голову приятные классические земные аллюзии? — думал он. — Почему всегда ужасные?

— Нам нужно пройти мимо них? — спросила Сэм.

— За ними расположена наша цель, — кивнув, сказал Доктор. — Видишь вон ту яму?

— Кто её туда посадил? — спросила Сэм.

— Собаки, — со злобной улыбкой прошипел Хила.

Теперь Доктору всё стало ясно. Огромные тёмные существа — тусклая шерсть, сильные тела — получили приказ, и их не прогонишь. Приказ они получили от своего хозяина, и втроём они загнали перепуганную Айрис сюда, в эту пустыню, где есть только пыль. Там, на кладбище, они её окружили, с рычанием подбрасывали в воздух как моток тряпок.

— Они ведь твои, не так ли? — сказал он Хиле. — Это ты их на неё натравил.

Хила скривился и равнодушно пожал плечами.

— Отзови своих псов, Хила, — голос Доктора стал жёстче. — Она пожилая женщина.

Даже старше меня, — подумал он. Она его называла «мальчик мой».

— Она держала меня на мушке!

— Должно быть, у неё были на это причины.

— Я хотел бы узнать эти причины.

— Если она ещё жива, возможно, она их объяснит.

— Ладно.

Хила сбежал по склону к своим собакам. За ним в песке оставались глубокие борозды.

— Ты знаешь, — сказала Сэм, — я бы ему ни на капельку не доверяла.

Иногда ей казалось, что Доктор излишне слабохарактерный.

— Да нормальный он, — сказал Доктор. — Идём за ним? Просто нужно уметь общаться с такими людьми.

Хила позвал своих псов. Они повернули в его сторону свои огромные красные глаза.

— Теперь можете уходить… Идите домой!

На их фоне его тело казалось бледным и тощим. Они его не слушали.

— В чём дело? — крикнул Доктор. — Почему они не…

Самый большой из псов оставил своих товарищей и помчался к ним.

— Эм… Доктор… — сказала Сэм.

— Отойди.

Сэм отошла.

Мчась к ним, пёс выл от ярости. Доктор стоял у него на пути и в последний момент отпрыгнул в сторону и упал на землю. Ловкостью животное не отличалось — оно промчалось мимо, не сумев повернуть. Вместо него бежали другие два. Приближаясь, они громко лаяли. Для них это игра, — подумала Сэм, — а Доктор — игрушка.

Подбежав к нему, она увидела, что падая он ударился головой о большой плоский камень. Он плохо соображал, на виске у него выступила кровь, галстук развязался. Она встряхнула его.

— Они нас на части порвут! — закричала она.

— Что делает Хила? — устало спросил Доктор.

— Практически ничего, — сказала она, оглянувшись.

Три собаки приближались к ним с разных сторон.

— Сидеть, — слабым голосом сказал Доктор. А затем заорал: — Хила! Отзови их! Если я умру, ты никогда не узнаешь, чего добивалась Айрис.

— Не всё ли мне равно? — ответил Хила.

— Тебе не всё равно! — сказал Доктор. — И если на мне или Сэм будет хоть одна царапинка... ты никогда не узнаешь.

— Стоять! — сказал Хила собакам и побежал к Доктору и Сэм. Его чешуя сверкала в лунном свете.

— Айрис богата, — сказал Доктор.

— Насколько богата?

— Богатая как Крёз. Богаче, чем ты можешь себе представить.

— Ну, не знаю. У меня неплохая фантазия.

Некоторое время все молчали.

Доктор тихо сказал Сэм:

— Он получит по заслугам. Такие негодяи всегда получают.

— Ты думаешь?

— Ладно, — Хила проревел собакам что-то вроде команды. Они зарычали от возмущения, но послушались его: успокоились и прекратили лаять. Развернувшись, они со всех ног бросились обратно в Хисперо.

Сэм отряхнулась:

— Ну что же. Нападение собак. Эти дни такие насыщенные, правда? Как твоя голова?

— О, всё в порядке. Голень, правда, до сих пор болит.

Она сокрушённо покачала головой и повернулась к Хиле:

— Почему ты их раньше не отозвал?!

Он пожал плечами. Ей хотелось плюнуть в его рожу.

Доктор не стал утруждаться обвинениями. Он всегда говорил, что на это нет времени.

— Давайте вытащим Айрис, — сказал он, улыбнувшись.

Он побежал обратно к автобусу и нашёл там её ящик с инструментами. Через несколько минут он вернулся с верёвочной лестницей.

— Старой бедняжке придётся лезть.

Они спустили лестницу, лихо размотав её вниз. Из глубины колодца донёсся довольный крик. Значит, длина лестницы оказалась достаточной.

— Айрис? — позвал Доктор, сложив руки рупором.

— Это тот, о ком я думаю? — донёсся издалека её голос.

— Не знаю… А о ком ты думаешь?

А затем десять минут она молчала, потому что все её силы уходили на то, чтобы лезть вверх. Затаив дыхание, они смотрели в темноту колодца. Её стоны и ругательства становились громче.

Она появилась: грязная, растрёпанная и безумно счастливая. Широкополая шляпа на ней сидела набекрень. Даже не посмотрев на лицо Доктора, она упала ему на руки.

— Это я! — вскрикнула она.

***

Первое, чем им пришлось заняться после того, как Айрис отдышалась — не дать ей и Хиле вцепиться друг другу в глотки.

— Это были твои собаки!

— Ты заковала меня в цепи!

— Иначе ты не соглашался содействовать!

— Ты обманула меня, старуха!

Доктор вклинился между ними:

— А нельзя ли разобраться в этом по-хорошему?

— Честное слово, Доктор, — сказала она, — я думала мне конец. Я думала, что они меня отправят в Преисподнюю.

— И скатертью дорога, — огрызнулся Хила. — Спросите её, спросите, почему она меня заковала в цепь.

Айрис надула губы.

— Почему, Айрис? — серьёзным голосом спросил Доктор.

— У меня задание, — беспечным тоном сказала она. — И мне нужна его помощь.

Доктор покачал головой:

— Что-то тут не так.

И Айрис, и Хила молчали.

— Послушайте, — сказал Доктор. — Мы можем договориться о перемирии и разобраться с этим? Судя по нашему виду, нам бы всем не помешало бы немного посидеть. Нам с Сэм так уж точно.

Какую-то секунду казалось, что Хила сейчас развернётся и убежит в ночь. Но, видимо, он вспомнил, что ему сказали о богатстве Айрис, и остался.

— Я вполне готова разговаривать, — фыркнула Айрис. А затем вдруг её настроение изменилось, и она улыбнулась: — А давайте все выпьем и поболтаем?

Она посмотрела на Доктора:

— Какая регенерация?

— Седьмая, — сказал он. — Это моё восьмое тело.

— Ты просто мчишься сквозь регенерации, да? А я, как видишь, всё в том же восхитительном, удобном старом теле.

Это была правда. Где бы они ни пересекались, она ни капельки не менялась. Но когда она

сорвала с себя шляпу, он увидел, что она сделала себе перманент.

— У меня были ужасные несколько лет, — сказал Доктор. — А предыдущее тело было у меня очень долго. Я был одним и тем же, казалось, целые десятилетия.

Чего это я перед ней оправдываюсь? — думал он. А затем встал и пошёл разводить костёр.

— Я принесу выпивку! — крикнула ему вслед Айрис. — И закуски.

— Как хочешь, — сказал он.

— Зачем ты разводишь костёр? — спросила Сэм. — Тут жара как в духовке!

— Это не греться, — сказал он, складывая пирамидкой сухие палки. — Это защита. Чтобы разные существа не приближались.

— О.

Доктору не удавалось разжечь огонь.

— Отойди, — сказал ему Хила, стал перед хворостом и начал свистеть.

Из его рта вырвалось голубое пламя, и через несколько секунд лагерь возле двухэтажного автобуса был освещён сапфировым пламенем.

— Хороший огонёк, — скромно сказал Хила.

— Вот так талант, — неохотно признала Сэм.

Хила пожал плечами.

Из автобуса донёсся крик.

— Это Айрис, — сказал Доктор. — Она всегда излишне эмоциональна.

Он побежал к её кораблю и нашёл её там склонившейся над открытым мини-баром; она прижимала к груди бутылки и рыдала.

— В чём дело? — спросил Доктор. — У тебя закончился тоник?

Она проигнорировала его сарказм и указала на диванчик. Среди разбросанного барахла там возникла блестящая комковатая масса.

— Наверное, оно пролезло на борт на кладбище, — тихо сказал Доктор.

Ифрит повернул свою жуткую голову к нему. Его аморфное тело дрожало от удовольствия.

— Братство собирается, — иронично сказало оно. — Вы уже, должно быть, почти готовы начать свой квест.

Айрис возмутилась:

— Если тебе это так интересно, квест уже начался!

— Ты же знаешь, что у тебя ничего не выйдет, — сказал ифрит.

Глаза старой женщины прищурились:

— А ты тут вообще при чём?

— Смерть нельзя удержать, Айрис, — дух поднялся в воздух и облетел вокруг них. — А когда ты умрёшь, я буду рядом. Чтобы нажраться твоей изобильной плотью.

Она так разозлилась, что швырнула в видение бутылку джина. Но призрак уже исчез, и пригнуться пришлось Доктору. Бутылка разбила одно из окон.

На мгновение наступила тишина.

— Во что ты впуталась, Айрис? — без злости спросил Доктор.

— Тебе лучше не знать.

— Я должен знать. Ты уже впутала в это и меня, и Сэм.

— Вы можете уйти.

— Что с тобой произошло, Айрис? Раньше ты никогда не угрожала людям оружием.

Она опустилась на мягкий диван и вздохнула:

— Бывало, Доктор, бывало. Я много чего делала такого, о чём ты не знаешь, — она вздохнула и посмотрела в темноту, на голубой костёр, возле которого разговаривали Хила и Сэм. — Это ты был добродетельный, забыл?

Он посмотрел на неё:

— Мне кажется, ты в беде. Не так ли?

— Даже не спрашивай, — она встала. — Надеюсь, у меня где-то есть ещё джин.

***

Было поздно. Сэм долго сидела, слушая разговоры остальных. Под влиянием выпивки и разговоров даже Хила стал общительным и не таким сварливым. Из автобуса доносилась музыка — видимо, один из сборников Айрис, под которые она водила автобус. Скоро Сэм начала клевать носом.

— Вы оба поможете мне? — услышала она слегка заплетающийся голос Айрис, который доносился словно из ниоткуда.

Голос Хилы был угрюмый:

— Возможно, если бы ты сразу всё мне объяснила, я бы помог тебе по собственному желанию.

— Отчаянные обстоятельства, — сказала Айрис.

Сэм выругалась про себя и легла. Она заснула и не слышала, как оправдывалась Айрис.

Доктор говорил:

— Связаться с Алой Императрицей… Айрис, что ты делаешь? Она же тиран! Деспот! Ты слышала о нарушениях прав людей на Хисперо? Это ужасно. Она навлекла ужасный позор на всю династию Алых одним только…

— Я знаю, Доктор, — сказала она сквозь зубы. — Но иногда приходится портить нашу безупречную репутацию, не так ли? Вспомни о тех, с кем ты сам сотрудничал.

— Исключительно с лучшими намерениями…

— Даврос, Наполеон, Аль Капоне, Рани, Гитлер… Доктор, у тебя нет права обзывать меня.

— Возможно.

— И, кроме того. Я в её руках.

Раздался звон стекла и бульканье наливаемого джина.

— Льда нет, — с грустью сказала Айрис.

Хила сказал:

— Я помогу тебе.

— Поможешь? — внезапно в её голосе стало меньше депрессии.

— Твоё задание — собрать Четвёрку. Без меня не получится. Это будет интересно. А если кто-нибудь и может разобраться с Императрицей, так это мы.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Значит, решено.

— Ты тоже мне поможешь, Доктор?

— Конечно.

— Тогда отправляемся завтра, — сказала она. — На рассвете.

Сэм снова начала засыпать.

Она услышала, как Доктор сказал:

— Тост! За безопасное и ничем не примечательное путешествие!

Хила насмешливо фыркнул:

— Ага, конечно.

***

На экране снова Хила.

— Я был одним из Четвёрки. Мы были крутыми. Мы могли всё. Кого угодно спасти. Кого угодно похитить. Развязать небольшую войну или завершить её. Нас было четверо, и у каждого были свои уникальные сильные черты, умения и способности. Я, Бородатая Дама, Герцогиня-Киборг и Псевдо-Черепах. Десять лет назад за нашими услугами была очередь. Мы были знамениты.

— Что произошло?

— Мы расстались. Разбрелись по Хисперо. Мы не думали, что снова увидимся.

Глава 6
Ещё один день, ещё одно чудесное приключение

Доктор проснулся первый. В задней части автобуса Айрис он нашёл небольшую кухню и взялся готовить завтрак. Сэм проснулась на песке под кучей одеял; её разбудили запах жареного бекона и громкие попытки Доктора напевать Пуччини.

За угасающим костром она видела всё ещё крепко спавших Хилу и Айрис. Вокруг Айрис валялись окурки; натянув на лицо сине-зелёную шляпу, она храпела и бормотала что-то во сне. Что-то о сонтаранах и о недопущении изменения хода человеческой истории. Хотя её такие вещи вроде бы волновать не должны были.

Сэм пошла искать Доктора.

Он был без сюртука, нарезал в маленькой кухоньке хлеб и размешивал в кружках сладкий чай с молоком.

— Так мы, значит, отправляемся в какое-то приключение, — сказала из дверей Сэм, заставив Доктора вздрогнуть.

— А, — сказал он. — Я ночью вроде как посулил нашу поддержку. Варёные или жареные?

— Ненавижу варёные, они похожи на глазные яблоки. Так ты знаешь, о чём идёт речь?

Она смотрела, как он нагрел масло, пока то не начало шипеть, а затем начал разбивать яйца.

— Угу. Примерно. Айрис отправили собрать членов… команды — так, наверное, можно это назвать — мутантных наёмников. Или наёмных мутантов. Хила лет десять назад был одним из них. Они все разошлись и прекратили наниматься… боевиками, террористами, зачинщиками беспорядков и чем там ещё занимаются такого рода люди. Ай! — он обжёг палец об сковороду.

— Опусти его в воду. А кто хочет их собрать?

Поморщившись, он подставил руку под кран.

— Собрать их хочет Алая Императрица, аморальная правительница этой планеты. А зачем ей это нужно, я не знаю. Всё, что я знаю: по мнению Айрис, она окажется в ужасной беде, если не соберёт их всех вместе.

— А почему просто не пойти к этой Императрице и не спросить?

— Я бы предпочёл с ней общаться лишь имея на своей стороне друзей Хилы. Ты знаешь, они тут были довольно знаменитыми. Кроме того, тут что-то происходит, и я хочу об этом знать, — он протянул ей тарелку с тостом и жареными яйцами. — Годится?

— При условии, что я знаю, во что мы ввязываемся.

— Просто путешествие, — улыбнулся он. — Мы же команда, не так ли? А ещё мы таким образом посмотрим эту планету. Пойдём будить остальных.

***

У Айрис было ужасное похмелье. Она отмахнулась от поданного Доктором завтрака.

— Не могу я есть эту жирную гадость! — вскрикнула она. — Моя фигура!

Она протолкнулась мимо него в автобус и пошла рыться в шкафу в поиске сигарет.

— Новый день, новые приключения, — проворчала она. — Сэм, дорогая, ты не принесёшь мне из кухни парацетамол? Он в холодильнике.

Сидя в проходе за раскладным столиком, Хила уплетал двойной завтрак.

— Так что, с чего начнём?

— Карту, Сэм! — сказал Доктор.

Она нашла в рюкзаке карту и кинула её ему. Он с гордостью развернул эту грубую карту Хисперо на столе, за которым они завтракали. Айрис посмотрела на неё осуждающе.

— Это ерунда, — сказала она.

Доктор обиделся:

— Это лучшая карта Хисперо, которую мне доводилось видеть.

— Свет! — сказала Айрис своей ТАРДИС, и тут же лампы погасли, а на окна автобуса опустились шторы. На ближайшее к ним окно опустился проекционный экран, и на нём появился разноцветный слайд древней карты Хисперо.

— Впечатляет, — сказал Доктор.

Хила всмотрелся в подробные детали карты.

— Тут есть картинки людей и существ, примечательных мест и зданий…

Доктор взял свою карту и спрятал её в карман. Много лет назад он нарисовал её сам во время своего первого визита сюда. Разумеется, она не могла сравниться с картами Айрис.

— Первое, что нам нужно сделать, — сказала Айрис, — это преодолеть этот горный хребет, — она посмотрела на Хилу. — Остальные трое все отправились на юг, за горы.

— Так мы попадём в Лес Кестхевен, — сказал Хила. — Из пустыни и гор — в леса. Значит, вначале мы будем искать Анджелу. Когда я в последний раз о ней слышал, она всё ещё жила в этой глуши. Вернулась к природе.

— Значит, едем через горы, — сказала Айрис. — Свет!

Яркие, довольно безвкусные лампы снова включились, а шторы снова поднялись.

— Доктор, а ты кофе не заваривал? Что-то я запаха не чувствую.

— Ещё нет, — сухо ответил он, собирая тарелки.

— Доктор, — сказала Сэм, — пускай она себе сама кофе сделает! Зачем ты за всеми бегаешь?

— Я не знаю! — он попытался самоутвердиться: — Предлагаю отправиться через горы... прямо сейчас.

— Именно так, — сказала Айрис. — Это уже решено, — она встала и прошла мимо него на кухню. — Поставлю себе кофе. Сэм, дорогая, ты водить умеешь?

— Нет, двухэтажные автобусы она водить не умеет, — сказал Доктор. — Сэм, ты не составишь нам расписание? Не больше чем по три часа за рулём каждому.

Сэм спросила:

— Если это ТАРДИС, то почему ты просто не переправишь нас в этот лес?

Айрис вытряхивала из чашки кофейную гущу прямо в мойку, поверх немытой посуды.

— Что? И приземлиться чёрт знает где? Соваться в воду не зная броду? — Айрис рассмеялась. — Ты слишком много времени провела с ним, дорогуша.

Сэм засмеялась, а Доктор недовольно посмотрел на неё.

Через час посуда была вымыта, Айрис докурила пятую утреннею сигарету, и они отправились в путь. Айрис взялась за руль и с трудом вывела автобус на неровную дорогу, петлявшую по равнине.

***

Днём Сэм села впереди, рядом с Айрис, которая согнулась над рулём, глядя вдаль. Сэм поставила рядом с кабиной шезлонг и выполняла важные (по словам Айрис) поручения: помогала ей прикуривать, меняла кассеты в магнитофоне.

— Сэм, будь дорогушей, подержи руль.

В сумочке у Айрис была древняя видеокамера, которую она то и дело вынимала, чтобы снять заинтересовавший её вид за окном.

Примерно через час Сэм вдруг поняла, что ей это нравится. Большую часть времени они либо сидели молча, либо подпевали вдвоём — сперва нерешительно, а потом всё громче — песням Beatles, Carpenters и Beach Boys. Сэм удивилась тому, что знала все эти песни. А ещё более удивительным, вообще-то, было то, что их знала Айрис.

— Их просто впитываешь, скажи? Наверное, это осмос.

Вообще-то, Сэм была уверена, что знает слова этих песен благодаря пластинкам родителей. Ну, хоть Pink Floyd Айрис не ставила.

От мух не было спасения: они проникали в автобус и ползали по всем открытым участкам кожи. Сэм всё ещё была одета во вчерашние футболку и шорты. К счастью, она не забыла положить в рюкзак запасные трусы и лифчик (с леопардовым узором, который одобрила Айрис). Путешествия с Доктором научили её тому, что нужно быть готовой к нескольким дням автономной жизни. Её мать с детства внушила ей страх перед отсутствием чистого белья. Когда Сэм сказала об этом Айрис, та согласилась.

— Думаю, это психологическое, — рассудила она. — Я ношу только лучшее бельё. Я постоянно покупаю новое.

Сэм набиралась храбрости попросить у Айрис разрешения порыться в её роскошном гардеробе на втором этаже. Но сейчас она была не готова к этому. Возможно, позже. Доктор очень гордился гардеробом на борту ТАРДИС, в котором были костюмы со всей галактики, но Сэм он не впечатлял. Айрис это рассмешило:

— А этот приятель, в которого он превратился, выглядит таким… франтом!

— Франтом? — улыбнулась Сэм.

— Какое-то время назад он себя так запустил. Надевал любое старьё. Кризис среднего возраста, наверное. Приятно видеть, что он снова прежний,

— Айрис что-то вспомнила: — А он тебе не рассказывал о том, как мы с ним наткнулись в Париже на Уайльда? После того, как Уайльд из тюрьмы вышел?

Сэм покачала головой:

— Он мало мне рассказывает о прошлом.

— Мы познакомились с ним, одним из лучших умов твоей эры…

Моей эры? — подумала Сэм.

— И они просидели весь день, попивая абсент и разговаривая о том, где они заказывают себе рубашки, — Айрис покачала головой. — Я слушала и удивлялась. Разумеется, им удавалось представить идею ношения красивой рубашки метафорой чего угодно. Жизнь, искусство, любовь — всё. Тот ещё был разговор. Меня после него аж шатало.

— Так значит, Доктор встречался с Оскаром Уайльдом?

— Дорогая, Доктор встречался со всеми. Хотя он это и плохо помнит, — Айрис оглянулась в проход: — А где он, кстати?

Хила крикнул:

— Наверху, читает. Он хотел побыть один.

— Не подслушивай, — сказала ему Сэм.

Хила зашипел на неё. Он играл в какую-то компьютерную игру. Что-то про размахивающего мечом воина, из-за которого он время от времени вскрикивал.

Сэм спросила:

— А ты правду сказала о причине того, почему просто не материализуешься в пункте нашего назначения?

Айрис захихикала:

— А ты не из глупых.

— Просто спросила…

— Ты думаешь, что я стараюсь изо всех сил продлить время с Доктором, не так ли?

— А это не так?

Айрис призналась:

— Частично так. Но я сказала правду. Этот лес, в который мы направляемся, не самое дружелюбное место. И корабль мой ненадёжный. Он не захочет приземляться в ужасном месте. Я предпочитаю подкрасться к своей добыче.

— Это не в духе Доктора.

— Придётся ему смириться с этим. Он всего лишь пассажир.

— А тебе он очень нравится, да?

— Кому, мне? Нравится Доктор? — Айрис широко улыбнулась. — Ты представляешь, как редко я его вижу? Почти каждый раз он становится кем-то другим. Это огромное упущенное время, Сэм. Сотни лет, — она оторвала взгляд от дороги и посмотрела на неё: — Ты не подержишь руль минуточку? Я хочу кофту снять.

Под кофтой на ней была серебристая блузка с невероятно широким воротником. Прежде чем снова взяться за руль, она разгладила блузку и поправила волосы.

— Спасибо, дорогая. А теперь сбегай наверх и спроси у Доктора, что он собирается на ужин готовить!

***

— Что, моя очередь садиться за руль?

Он сидел на длинном переднем сидении второго этажа автобуса. У Сэм это место в автобусах всегда было самым любимым. Особенно на пути из школы или в субботу из города. Доктор закинул ноги на поручень и смотрел на мелькавшую за окном бесконечную пустыню.

— Я просто зашла проведать. Ты что, опять этот Аджа'иб читаешь?

— Да просто полистываю. Мысли что-то рассеянные. Тут всё ещё рассказывается об этих ужасных автоматах из бронзы и стали, о том, как они носятся, одержимые духами, и убивают всех подряд. Теперь они открыли какой-то способ становиться невидимыми на планете, жители которой невидимы от природы и видят друг друга лишь благодаря тому, что надевают огромные шубы из пурпурного меха, — он засмеялся и захлопнул книгу. — Глупости.

— Айрис мне рассказывала о том, как вы познакомились с Оскаром Уайльдом.

— Да? У неё память как у… как у слона. Так ведь говорится, да?

Сэм кивнула:

— Она просила узнать, что ты хочешь на ужин.

— Что угодно, наверное. Хила себя хорошо ведёт?

— Да, нормально.

— Она сказала тебе, кого мы ищем следующим? — Доктор откатил рукава. — Анджелу, Бородатую Даму. У неё сила десяти мужчин и она исполняла трюки на трапеции. У меня такое чувство, будто я в цирк вступил.

Он выглянул в окно. Перед ними было низкое деревянное здание. Оно стояло посреди глуши.

— Оазис! — сказал он и нажал на кнопку звонка. — Посмотрим, выпустит ли она нас погулять.

***

— Зачем строить такое кафе посреди пустыни? — спросила Сэм.

Она ожидала увидеть что-то более грубое, более бедное. А тут их ждали скатерти, бутылки с томатным соусом в виде помидоров, холодильник для вина.

— Тут когда-то проходило много походов со стороны Хисперо, — сказала Айрис. — Одно время это шоссе было битком набито отрядами, ищущими наживы. Это были более авантюрные времена.

Она выбрала столик на четверых возле окна, чтобы видеть автобус. Сэм показалось, что без них корабль выглядит пыльным и одиноким. Айрис придётся что-то сделать с тем разбитым окном.

— А тут посетителей больше, чем можно было подумать, — сказал Доктор, занимая место.

Сэм осмотрелась. Он был прав: несколько столиков были заняты. Кто-то даже в биллиард играл. За стойкой появилась непривлекательная

владелица: крупная женщина с враждебным взглядом и со складками кожи, как у бульдога.

— Штайгертруда, — удивлённо сообщил Доктор, толкнув Сэм локтем. — Посмотри, какие клыки.

А затем, пока Хила устало читал меню, он начал рассказывать Сэм о том, что штайгертруды когда-то сделали с репликатами-андроидами.

— Думаю, нам нужно сделать заказ, — сказал Хила, прореагировав на взгляд женщины за стойкой.

Айрис вызвалась заняться заказом.

Хила попытался завязать вежливый разговор:

— Я до сих пор не знаю, откуда вы.

— Отовсюду понемногу, — сказал Доктор.

— Из Южного Лондона, — сказала Сэм.

Она увидела, что их прибытие привлекло некоторое внимание посетителей. Но никто их не беспокоил. Прибыла их еда; к их облегчению, она не была ни сваренной в мёде саранчой, ни потрохами, которые присутствовали в меню. Айрис удалось убедить хозяйку-штайгертруду подать им подогретый лососёвый салат с чёрными оливками и мягким белым хлебом.

— Но откуда у них тут всё это? — спросила Сэм.

— Телепортация, — сказал Доктор, надкусывая оливку.

И тут же, словно в качестве демонстрации, воздух между ними, стойкой и дверью стал голубым и задрожал, как над горячим асфальтом. Материализовывались четыре высокие фигуры. Все посмотрели на свечение в проходе и затаили дыхание.

Остальные посетители кафе постарались стать незаметными. Женщина-штайгертруда скрылась на кухне. Тут, должно быть, привыкли к неприятностям, — подумала Сэм. Хила вынул откуда-то страшный нож, и успел вскочить на ноги раньше, чем фигуры полностью сформировались. Айрис рылась в своей сумочке — наверняка искала бластер. Сэм видела, как она его туда положила.

— Хм, здравствуйте, — сказал Доктор, привычно обращаясь к дипломатии.

Перед ним стояли четверо солдат в церемониальных одеждах. Каждый был от макушки до пяток покрыт синими и зелёными татуировками. Разрозненные рисунки, смешанные без порядка, покрывали даже лица и лысые головы. Каждый рисунок был уникальным и иллюстрировал флору и фауну планеты Хисперо. Оглядевшись по сторонам, они как один поклонились четверым путешественникам.

Айрис отметила, как безупречно выглядели они, стоя рядом. Она с грустью подумала о том, как тяжело выглядеть шикарно во время квеста.

Несмотря на куртуазный поклон, в руке у каждого из солдат сверкала сабля.

— Кто это? — прошипела Сэм.

— Личная гвардия Императрицы, — сказал Доктор. — Кажется, нас нашли.

Глава 7
Никто не думает ничего

Айрис снова позирует Сэм. Её серебристая блуза блестит на солнце.

Она прикрыла глаза рукой.

— Я люблю драки.

***

Их вывели наружу и поставили перед автобусом. Казалось, что погода стала ещё жарче. Порыв ветра был похож на воздух из духовки, он швырнул им в лица сухие травинки и песок. Они чувствовали, что на них обращены глаза всех посетителей кафе, не говоря уже о розовых альбиносных глазах гвардейцев Алой Императрицы. Их вели, толкали, грубо обрывали их попытки заговорить. Их быстро одолели. Бластер Айрис оказался бесполезным: он сломался внутри её сумочки, залив подкладку топливом. Хилу вынудили отдать его нож. Айрис попыталась потребовать объяснений того, что всё это значит, но командир солдат с татуировками одним взглядом вынудил её молчать.

Теперь их заставили стоять на жаре. Минуты проходили одна за другой. Доктор посмотрел на Сэм:

— Мы ушли из кафе не расплатившись, — сказал он. — Это плюс.

Его тут же ударили по губам. Пока он оседал на землю, Сэм бросилась на ударившего его солдата. На удивление, ей удалось опрокинуть его, и Айрис

с Хилой последовали её примеру. Айрис демонстрировала приёмы адаптированного специально для неё венерианского айкидо.

Доктор с трудом поднялся на ноги среди этой свалки, как раз вовремя, чтобы заметить, как в руке командира солдат ослепительно блеснула золотом занесённая сабля. Сабля должна была обрушиться на незащищённую спину Хилы, который в это время лежал на другом солдате. Громко крикнув, Доктор бросился в драку.

По мнению Айрис (несмотря на то, что она сражалась, как яростная тигрица), они ввязались в позорно безвкусную драку.

А затем горячий воздух затрещал от нескольких залпов из пулемёта. И драка быстро завершилась.

— Никому не двигаться, — раздался хриплый, незнакомый голос.

Они замерли среди тучи поднятой ими пыли. Хила воспользовался этой паузой для того, чтобы обезоружить противника, сломав ему при этом татуированное запястье. Солдат от боли вскрикнул.

Ещё одна пулемётная очередь:

— Молчать!

Крупная женщина с серой кожей стояла в дверях своего заведения, щурилась от резкого дневного света, а в руках привычно держала древнее дымящееся оружие. Она проревела солдатам в алых плащах:

— Мы тут таких, как вы, не потерпим. Императрица над такими, как мы, не властна.

Трое из гвардейцев поспешно растворились, словно иллюзии.

— Быстро они сдаются, — сказала Сэм.

— Они присягнули защищать свои красивые разрисованные шкуры, — сказала Айрис, вставая на ноги. — Императрица сильно тратится на то, чтобы они ходили в качестве живого воплощения изысканной, эстетской боли, и не хочет, чтобы они повредились.

Хила пнул ногой оставшегося в меньшинстве единственного гвардейца.

— А с этим что не так?

Доктор сказал:

— Его штучка для телепортации не работает.

Перепуганный гвардеец пытался здоровой рукой щёлкнуть переключателем на пряжке. В его глазах была паника.

Доктор, широко и дружелюбно разведя руки, направился к стоявшей с оружием в руках штайгертруде:

— Мадам, вы наша спасительница…

Дрожащее, покрытое складками горло женщины издало низкий рёв:

— Считайте, что вам повезло.

— Разумеется, разумеется, — улыбнулся он.

— Думаю, теперь вам лучше убраться отсюда, — прорычала она, снова ставя оружие на предохранитель. — С вас семьдесят дирн. Не считая дополнительных услуг.

Доктор рассмеялся:

— Да ещё каких услуг! — он повернулся к Айрис: — Ну же, заплати женщине!

***

Через несколько минут они снова были в пути, Сэм села за руль (она не позволила Доктору отговорить её от этого), а связанный пленник лежал на раскладном диванчике.

— Зачем вы пришли за мной? — перекрикивала шум мотора Айрис. — Чего ещё хочет эта ваша Императрица? Она мне не верит? Она думает, что я не доведу это до конца? Что ещё за коварство созрело в её старой, мерзкой, сморщенной голове?

Хила толкнул её локтем:

— Дай ему хоть слово вставить.

— Заткнись! — сказала Айрис, войдя в роль допросчика. — Что происходит?

Солдат злобно смотрел на неё. Он облизал губы (плотно покрытые изгибами изумрудных листьев какой-то местной орхидеи) и сказал:

— Да, её величество имеет подозрения. Она хочет быть в курсе твоих действий.

— Она очень нетерпеливая, — сказал Доктор.

— Она вне себя, — сказал солдат. Он посмотрел на Хилу. — Это один из этих уродцев?

Хила зашипел.

Айрис кивнула.

— Это тот?

Она быстро покачала головой.

— Что значит «это тот»? — потребовал Хила.

Айрис сказала:

— Поэтому нам нужно идти искать остальных. Без помех и задержек с вашей стороны.

— А это кто такой? — гвардеец вяло указал на Доктора.

— Друг, — сказала Айрис. — Он просто помогает мне.

— Ты поклялась Императрице хранить это в секрете.

— Да заткнись ты! — нетерпеливо сказала Айрис. — Слушай. Когда у меня будут новости, я дам вам знать. Она это знает. И она знает, какой у меня опыт в таких делах. Я добуду товар. Когда будет о чём докладывать, она узнает об этом от меня. Но не раньше. А теперь, я думаю, тебе пора нас оставить, тебе так не кажется?

Гвардеец лишь посмотрел на неё с ненавистью.

***

Они оставили его на обочине в местности, которую можно примерно описать как «у чёрта на куличках». Доктор прошёл в конец автобуса, на кухню, чтобы заварить кофе. Он смотрел сквозь заднее окно на то, как насыщенные синий и красный цвета гвардейца исчезали в белизне унылого ландшафта и в мареве над раскалённой дорогой; Сэм неосторожно гнала автобус по свободной дороге.

Айрис склонилась над плечом Доктора:

— Ты знаешь, как её называет личная охрана?

Он насыпал в кофейник свежий кофе:

— Хм?

— Царица повидла. Стеклянная султанша. Потому что она находится в большом стеклянном цилиндре, вечно плавает в полупрозрачных, сохраняющих её жизнь гелях, и никогда не вылезает. Защищая и предохраняя себя от мира, она лишилась почти всех телесных способностей.

— Никогда с ней не встречался, — сказал Доктор. — Не имел такой чести.

Айрис сказала:

— Она чудовище.

Доктор спросил:

— А что конкретно мы ищем? Что ты имела в виду, когда сказала, что Хила — не тот?

— О, Доктор, — улыбнулась она. — Не загружай свою красивую голову.

Он сердито повернулся к ней:

— Я исключительно терпелив с тобой, Айрис.

Она похлопала его по руке:

— Я знаю, дорогой. И я признательна тебе за это. И я знаю, как тебе не нравится отставать от кого-нибудь на один шаг. Но поверь мне, ладно? Для меня всё это довольно унизительно. То, что я сотрудничаю с тираном. Однако это очень необходимо. В конце всё будет хорошо.

Он смотрел на расстилающуюся перед ними дорогу.

— Я поверю тебе, Айрис, — сказал он. — Но только потому, что подозреваю, что ты вляпалась во что-то серьёзное. И мне кажется, что в конечном итоге я понадоблюсь для того, чтобы снова достать тебя из ямы.

Она улыбнулась и больше они, по молчаливому согласию, не поднимали эту тему. Когда закипел кофе, динамики автобуса ожили, и зазвучала АББА.

— Кто-нибудь, подойдите сюда и поговорите со мной! — крикнула в салон Сэм.

Она удивлённо обернулась на Хилу, который опустился в соседнее кресло и начал рассказывать ей о старых добрых временах, когда его отряд мутантов разъезжал по дорогам, плавал по морям, попадая в такие приключения, о которых ей только мечтать.

Доктор прошёл по проходу и с задумчивым видом сел на одном из передних сидений. Когда рассказ Хилы подошёл к концу, Доктор ни с того ни с сего — его никто ни о чём не спрашивал — сказал:

— О, я уверен, что с ним там, в пустыне, всё будет хорошо. Не думаю, что Императрица позволит пропасть такой шкуре.

Сэм удивлённо посмотрела на него, не понимая, перед кем он оправдывается.

Похоже, иногда у него возникала такая потребность.

***

Сэм взялась за видеокамеру. Она поймала на кухне Хилу, рыскавшего в маленьком холодильнике.

Сэм сказала ему:

— У тебя глаза бегают.

— Я есть хочу. Я ищу какую-нибудь еду.

— Ты что-то замыслил. Расскажи мне об этом.

— Я ни о чём не думаю.

— Никто не думает ни о чём.

— Что?

— Все хоть о чём-то, да думают.

— Что же, — вздохнул он, закрывая холодильник, — я не думаю.

— А это нормально? Хотела бы я иногда освобождать свой разум от мыслей. Ты ни у кого не спрашивал, могут ли они не думать, как ты?

— Нет.

— Тебе это не интересно?

— Нет, не интересно. Ты у кого-нибудь спрашивала об умении очищать разум?

— Нет. Но теперь спрашиваю у тебя.

— Ну, я умею. Повезло мне.

***

Этим вечером, когда они расположились с одеялами в некотором подобии лагеря в песчаной придорожной яме, Айрис начала потчевать их рассказами о Стеклянной Султанше. Новый холодный голубой костёр зачаровывал их своим колыханием, и они слушали тёплый, почти гипнотизирующий голос пожилой женщины.

— Вы знаете, откуда у неё провидцы?

— Я слышал рассказы, — сказал Хила. — Неопределённые слухи. У неё их целая комната, да? Она держит их взаперти, и они все предсказывают будущее.

— У Алой Императрицы мания — знать будущее, — сказала Айрис. — Поэтому она, наверное, и гоняется за мной. У неё жуткая паранойя о том, что однажды кто-нибудь явится и сместит её, положив конец её жестоким подвигам и её апатичному злому правлению. Поэтому она ищет людей, у которых есть дар предвидения, у которых особый ярко-голубой цвет глаз… — в этот момент Айрис посмотрела поверх костра в глаза Доктора. — И она их запирает. Она помещает их в

котёл с маслом, с каким-то особым, сладким, едким маслом, и там они, одурманенные, находятся сорок дней. Вся их плоть растворяется и отпадает, остаются только головы на окаменевших скелетах. Когда все совершаемые над ними ритуалы завершаются, головы отрезаются у первого позвонка. Голову помещают в помещение, в котором она уже много лет содержит другие головы — в круглую комнату. И там голова должна работать: льстить и баловать её утешительными байками о будущем. А также делать зловещие предзнаменования.

Сэм сглотнула:

— Какая гадость.

Она размешала ложкой остатки своего ужина. Остывающие кольца и спирали лука в овощном соусе.

— Семьи этих провидцев получают уважение. Но они не знают о том, что происходит. Всё, что им говорят — их любимые живут в роскоши, служа своими редкими дарами Императрице.

Какое-то время они просто сидели, задумавшись.

— Никто не может предсказать будущее, — сказал, наконец, Хила. — Именно такими варварскими ритуалами Императрица и держит в рабстве весь мир и свой город; делая вид, что мы в каких-то тёмных веках, где полно мистики и варварства. Здесь все верят, что чего угодно можно добиться при помощи колдовства, снадобий, зелий и злого намерения. Это исключительно отсталый мир.

Доктор тихо ответил:

— Хисперо — и город, и планета — живут по своим законам. Не следует так пренебрежительно относиться к тёмным силам, которые некоторым удалось тут обуздать, Хила.

— Да ладно тебе, Доктор, — сказала Сэм. — Ты же не хочешь сказать, что ты веришь в колдовство и чёрную магию? Уж кто-кто, но ты?!

— О книге по обёртке не судят, Сэм, — сказал он.

— Это ещё как понимать?

— Это значит, что были когда-то времена, когда я считал, что рациональность — это всё. Что можно понять что угодно, если с ясной головой применить логику и не поддаваться суевериям. Я считал всё это ерундой. Но сейчас... — он вздохнул. — Я бы сказал, что я этнометодологист. Это всё ещё наука. Но она о том, чтобы настроить себя на параметры общества, которое посещаешь. Думать с их точки зрения. Видеть их утешительные мифы и идеи изнутри. Теперь я не тороплюсь отбрасывать всё загадочное, похожее на волшебство. Возьмём, к примеру, вампиров, Сэм. Ты выросла с мыслью о том, что вампиры существуют только в фильмах ужасов и в старых легендах. Но ты их встречала: они настоящие. Они существуют на собственных условиях. Они такие же сказочные и обычные, как и мы с тобой.

Сэм даже и не знала, счесть это за комплимент или за оскорбление.

— Некоторые разновидности колдовства, похоже, работают тут, на Хисперо, — продолжал

Доктор, откинувшись на спину. — И они подчиняются системе верований и науке, о которых я знаю очень мало. Даже для меня это выглядит волшебством. Будучи туристами вроде нас, следует просто уважать и потакать безумной логике каждого нового приключения.

— Это тот ещё мирок, — сказала Айрис. — У меня тут очень необычные столкновения были.

— Значит, ты считаешь, что Алая Императрица действительно может предсказывать будущее? — спросила Доктора Сэм. — Задавая вопросы комнате с мумифицированными головами?

— Кто знает, — беспечно сказал он.

— Если головы ей что-то и отвечают, то это её собственный бред, — сказал Хила. — Всё это в её голове. Она это придумывает.

— А, — сказал Доктор. — Но разве не в этом суть тиранов — насаждать среди всех остальных свою волю, своё воображение, свои версии о том, каков мир? Мы все это делаем, в той или иной степени.

Сэм стало не по себе:

— Из-за тебя у меня теперь такое чувство, будто настоящего мира вообще нет. Только огромное множество общих заблуждений.

Он улыбнулся ей.

— Но это же невозможно! — возразила она. — Настоящие вещи происходят: может быть больно; Хила, к примеру, сломал тому татуированному человеку запястье. А пару дней назад ты сам потянул лодыжку!

— Разумеется, мы чувствуем что-то, — сказал Доктор. — Мир давит на нас. Но наши воображения должны быть в сговоре с этим миром, чтобы это произошло. Всё это довольно сложно.

А затем он сказал нечто, удивившее их всех:

— У меня такое чувство, словно у меня есть собственная комната с отрубленными головами, которые советуют, предупреждают, воспоминают. У меня есть внутренний набор провидцев: семь предыдущих моих воплощений, насаженных на колья; они постоянно судачат и говорят мне, что делать. И ты хочешь сказать, что это чем-то отличается от иллюзий Алой Императрицы? Я не могу не слушать появляющийся время от времени шёпот моих предыдущих «я». Думаю, Царица Повидла тоже не может.

Сэм подумала об этом. Ей хотелось спать. Она была уверена, что сегодня ей будут сниться отрубленные головы, которые можно заставить разговаривать. Доктор вывел её из себя, заговорив о себе таким образом. Как обычно. Он не может сказать о себе ничего хорошего. Иногда её ужасала эта обычно скрытая сторона его натуры.

— Ты когда-нибудь встречался с другим собой, Доктор? — спросила Айрис.

Он поперхнулся и соврал, словно она спросила о чём-то неприличном:

— Разумеется, нет… Это же нарушает Первый Закон…

Пожилая женщина улыбалась ему.

— Ну, — сказала он. — Раз или два. И только по случайности, а ещё несколько раз из-за ужасных катастроф, потребовавших того, чтобы мы оказались в одном потоке времени.

Айрис сказала:

— А со мной такое было. Семь разных воплощений меня были перенесены в Зону Смерти на Галлифрее. Кто-то реактивировал Игры, которые там раньше проводились. Каждое из моих воплощений — это, прошлые и будущие — получило соответствующего спутника и напарника, и нам пришлось сражаться — по отдельности, а потом совместно — с ледяными воинами, огронами, морскими дьяволами, зарби, механоидами и кварками, чтобы попасть в Тёмную Башню. Повезло, что достались только дурацкие монстры, правда?

Доктор не сводил с неё взгляда.

— За всем этим стоял тот дьявол Морбиус. Этот злодей хотел заполучить дар бессмертия Рассилона, — Айрис засмеялась Доктору в лицо: — Ты не единственный, кому достаются сказочные приключения.

После этого они начали расходиться к своим спальным мешкам. Когда Сэм уходила, чтобы воспользоваться странным, эффективным, но почему-то не оставляющим ощущения свежести звуковым душем на верхнем этаже автобуса, Доктор пробормотал ей что-то о том, что Айрис — хвастунья. Она ему в ответ только улыбнулась, но вымывшись и надев изысканную жёлтую пижаму, которую ей дала Айрис, она вдруг почувствовала

приступ жалости по отношению к Доктору. У него словно опору из-под ног выбили. Впрочем, завтра его очередь садиться за руль; быть может, это поможет ему снова почувствовать себя важным.

Сэм спустилась со второго этажа и вышла на улицу, чтобы спать под звёздами и видеть сны о бестелых провидцах, которые предсказывают несчастье.

Глава 8
Жизнь любого наёмника

Шли дни, путешествие вошло в нехитрый ритм, на горизонте появились горы — дикие и зелёные, всё ещё в нескольких днях пути от нас. Но мы все понимаем, что скоро нам придётся ехать вверх. Только я знаю, чего можно ожидать после того, как мы покинем пустыню и заедем в горы. Айрис, возможно, тоже знает; она утверждает, что изучала эти земли. По ней не скажешь, что она беспокоится. Мне кажется, что в этой старухе полно напускной бравады. Попав в те испытания, которые, по её словам, она пережила, никто бы не выжил.

Доктор и Сэм в последнее время стали беспечными и расслабленными. Дни нашего путешествия по равнинам были интересные и насыщенные. Доктор нам называет встречаемых нами птиц и других существ, удивляя нас своей эрудицией. Но при этом видно, что ум его занят другим. Такое ощущение, что его внимания не избегает ничто. Иногда у меня возникает чувство, что мне нужно предупредить их о том, что будет в горах и за ними, но я не могу. Что-то меня удерживает. Доктор такой возмутительно самоуверенный.

В общем, пока что у нас лёгкий участок, мы сменяем друг друга за рулём, а этот неутомимый автобус, похоже, не нуждается в заправке. Айрис утверждает, что он приводится в движение

жизненным зелёно-розовым вечным кристаллом, который находится где-то под приборной панелью. Это просто замечательное средство передвижения.

Мы едем, едим, пьём и разговариваем. Разговорам в этой поездке просто нет конца. Сэм рассказывает нам о Лондоне, в котором так много жизней и забот, что он затмит даже Хисперо. Я не могу себе такое представить, но Доктор подтверждает это: он многократно посещал родину Сэм. В последние дни даже сам Доктор немного раскрылся, рассказал кое-что о себе. Даже мне, хотя поначалу он смотрел на меня с недоверием. Атмосфера странного автобуса Айрис действовала на нас как колдовство, сплачивая нас, делая нас командой. Поворотным моментом, мне кажется, стало пленение и изгнание татуированного гвардейца Алой Императрицы. Это доказательство её недоверия и враждебности сплотило нас против неё, несмотря на то, что мы вроде бы действовали по её указанию.

Когда бы я ни подумал об Алой Императрице, я вспоминаю её тронный зал и то, как нас привели туда десять лет назад. Это был последний раз, когда Четвёрка была в сборе. Я не хотел больше никогда возвращаться туда. Но думаю, что нам придётся.

Эта компания не такая, как былая. Это совсем не то, что быть одним из Четвёрки. Тогда, будучи вместе, мы не говорили о себе. Сколько мы на самом деле знали друг о друге? Дружбы и товарищества тогда не было.

Тогда наши личности были загадкой для мира. Наши мутантские способности были для нас как значки, как маски — маски, которые имеют парадоксально двойное предназначение: скрывать наши истинные личности и в то же время привлекать внимание. Наша сущность, казалось, всегда была где-то в другом месте, отчего члены Четвёрки были друг для друга такими же чужими, как и для остального мира.

Мы существовали просто для выполнения своей роли, которая состояла в том, чтобы делать то, за что нам заплатили. Мы предлагали свои чудесные услуги тому, кто больше заплатит. И в любой драке, на любом задании, в любой заварушке нам не было равных.

Вчера, когда я рассказывал Сэм о некоторых из наших старых эскапад, она смутилась.

— Но не приходилось ли делать такое, с чем ты не был согласен?

Я сказал, что естественно такое бывало. Я сказал, что мы должны были подавлять в себе угрызения совести. Если ты предлагаешь свои услуги за деньги, ты не можешь позволить себе дискриминацию. Это, похоже, шокировало Сэм.

— Так вы просто делали то, что просил тот, у кого больше денег?

Я кивнул. И наша команда летала по всей планете Хисперо на нашем маленьком корабле Кориоланусе, красуясь своими талантами. И часто, — сказал я, предвосхищая следующий вопрос девушки, — мы сражались на одной стороне конфликта, а на следующей неделе — на другой.

Мы меняли стороны снова и снова. Одним из наших коньков был саботаж. В одной небольшой войне мы уничтожили оружие одной из сторон, а затем она нас наняла для того, чтобы остановить другую сторону. Мы принялись сражаться с собственными тенями.

— Это же безумие, — сказала Сэм.

— Такой была наша жизнь несколько лет, — сказал я ей. — Такова жизнь любого наёмника. Нельзя останавливаться, чтобы передохнуть или поддаться экзистенциальной тревоге. И мы сильно разбогатели.

Она на меня тогда так посмотрела, словно за всю свою жизнь не встречала никого продажнее. На этом разговор закончился. Я тогда был за рулём, а она стала молчаливой. Я вызывал у неё отвращение и, сказать по правде, если бы она знала о некоторых из наших заданий, она бы вряд ли когда-нибудь снова заговорила со мной. Теперь она считает меня порочным, аморальным, но… если бы я был таким, мне бы не хватило силы выйти тогда из Четвёрки, объясняя это именно теми этическими проблемами, которые пыталась выразить Сэм. Нельзя сказать, что у меня не было морали; просто я много лет жестоко её подавлял. Поэтому на вершине нашего богатства и на пике наших возможностей я вышел из команды и сказал остальным, что нам нужно разойтись как можно дальше. И что больше мы, четверо, никогда не должны встречаться.

До этого момента. До этого задания. Что-то происходит. Айрис в самой гуще этого. И я хочу участвовать.

В тот вечер, когда я разговорами о своём прошлом, похоже, вызвал у Сэм отвращение, я остановил автобус и пошёл гулять. Далеко. Мы были в зоне, в которой растительная жизнь пыталась восстановиться. Примитивный район с заторможенным развитием. Это были подножия гор; уже чувствовалось, что мы постепенно набираем высоту. Ручьи и озёра тут тоже должны быть где-то. Мне нужна была вода, поэтому я пошёл на запах. Моя кожа уже трескалась от жары, мне нужно было погрузиться на несколько часов в тёмную воду.

Я вернулся восстановившимся, блестящим. Они сидели у дороги и ждали меня.

— Мы думали, что ты нас бросил, — сказал Доктор, изогнув бровь.

— Он бы так не сделал, — неожиданно сказала Сэм.

Как часто со мною бывает, я ответил с сарказмом:

— Ты думаешь, что я всё ещё хочу заполучить богатство Айрис?

— Нет, — ответила Сэм. — Я думаю, что ты предан, если не нам, то своим друзьям. Я думаю, что ты не такой жадный и беспощадный, каким хочешь казаться.

Она просто хотела быть вежливой. Чтобы вернуть меня в их компанию. Они понимают, что им нужна моя помощь. Тогда у нас был лучший

вечер за всю неделю. Сэм насобирала овощей, я наловил в пыльной придорожной траве кроликов, и мы жарили их на вертеле.

***

Той ночью мне приснились дом и родители. Это был первый случай за долгие годы, когда я вспомнил о них. Причиной были разговоры перед сном. Сэм описала отца и мать, которые её не понимали. Айрис неопределённо высказалась о том, что выросла в окружении женщин, которые были гораздо старше неё; её Тёть, как она их называла. Они жили в большом доме в горах. Её мать пропала, когда Айрис была довольно маленькой, скрылась с мужчиной с другой планеты, который был намного старше неё. Айрис рассказала о том, как её тёти умерли одна за другой, и как она пошла одна в большой город, знаменитый на её планете. Она собиралась потребовать, чтобы её обучили жить так, как живут они, чтобы стать частью их мира. Им было чему учить, у них была восхитительная цивилизация. По её словам, это было её самое первое, самое опасное путешествие. И в конце этого странствия она обнаружила расу шарлатанов, дрожащих стариков, которые знали все секреты космоса, но предпочитали проводить время в вечных бесплотных политических дрязгах и за неблагодарным занятием уточнения и каталогизации всего известного мироздания. И хотя их президентом была женщина, их ряды были закрыты для таких женщин, как Айрис. И на этом

рассказ Айрис закончился, во всяком случае, на сегодня.

У Доктора был унылый вид, и я вдруг понял, что они, должно быть, с одной планеты! Он не рассказывал о своём происхождении. За исключением одного; он спросил у Айрис:

— И с тех пор они тебя не беспокоили?

Она пожала плечами:

— Странно, что ты не спрашивал об этом раньше. Нет. Сомневаюсь, что они вообще знают о моём существовании. Свою ТАРДИС я нашла в глуши, раненую, заброшенную. Они её не хватились.

Доктор с мрачным видом сказал:

— Ты должна быть благодарна им за то, что они тебя не приняли. Теперь ты можешь наслаждаться поразительной свободой.

Она скривилась:

— Наверное.

— Тебя никогда не судили, не ссылали, не вызывали для выполнения дурацких заданий, не переносили в дом твоих предков для исправления грехов, которые даже не были твоими…

Он немного помолчал. А затем:

— Пожалуй, я завидую тебе, Айрис. Во многих отношениях ты жила такой жизнью, которой хотел бы жить я.

***

И вот, той ночью мне приснились болота; наш маленький город, приютившийся между стволами огромных деревьев, верхушек которых мы никогда не видели. Мы почти не видели дневной

свет. Мы вырастали бледными и флегматичными. Моя семья и семьи, которые мы знали, никогда не переселялись. Единственным известным нам запахом была болотная вонь. Она проникала повсюду.

Опасная страна: детей постоянно уносили в темноту извивающиеся четвероногие с большими челюстями, чешую которых имитирует моя кожа. Просто чудо, что некоторые из нас доживали до совершеннолетия. Поэтому оно всегда отмечалось праздником. Очень бедным и унылым праздником. Всё, на что мы были способны — попировать комковатой похлёбкой из турнепса и лягушек, попить виски из забродившей коры и покурить самокрутки из упавших на землю листьев, которые мы сушили над кострами. Мы дурманили себя этим куревом, чтобы забыть о нашем вонючем окружении.

Во сне я снова уходил из дома. Я шёл за незнакомцем, который пришёл в город, чтобы рассказать нам о том, что Хисперо — планета тысячи и одного обстоятельств, окружений, образов жизни. Наша убогая нищета — это ещё не всё. Все, кого я знал, отнеслись к этому скептически. Этот незнакомец обладал харизмой, поэтому его слушали. Собирались, чтобы послушать, как он описывает великую столицу Хисперо, которая была полна богатства и интриг. Они слушали одетого в балахон с капюшоном человека так, словно он рассказывал сказки. А вот меня, только что доросшего до совершеннолетия, исполненного любопытства и подозрений из-за

мутантной кожи и моих необычных, развивающихся способностей, притягивал его рассказ об остальном мире.

Я ушёл с ним, и когда болота остались позади, обнаружил, что каждое его слово было правдой. Вот только сам он оказался работорговцем. Чего я только не натерпелся, когда был продан в рабство, а потом сбежал. Но, по крайней мере, у меня был свой путь.

Этой ночью я спал на краю пустыни, изнемогая от зноя под занавесом слов наших разговоров, которые зависли над нами, оплетая нас своей сложностью. Как на мой взгляд, все мы были беглецы. Я снова чувствовал запах гниющих деревьев, застоявшейся воды. Я снова был дома и ждал зова злого незнакомца, который освободит меня своим необычным способом.

Было облегчением проснуться и обнаружить, что я это я, участник этого квеста.

Остальные всё ещё спали. Костёр уже почти погас. Сиреневые угли потрескивали в сделанном наспех очаге.

Я услышал скрип: движение старых несмазанных шарниров. Казалось, что он доносится по воздуху, и его источник приближается. Я схватил меч, который Айрис выдала мне из своего секретного оружейного хранилища, и встал, не зная, будить ли остальных.

А затем из темноты прилетела серебристая птица. Она летела тихо, мягко взмахивая крыльями, едва тревожа воздух. Она вылетела из темноты и зависла прямо над огнём. Я

прищурился, протёр глаза. Птица хлопала передо мной крыльями и словно оценивала меня.

Она скрипнула, как старая машина, и я увидел, что она была искусственным созданием, из тонкого металла, соединённого осями и заклёпками. Её крылья были похожи на растопыренные ладони, а голова — на два сплетённых больших пальца. Я увидел, что это вовсе не птица, а две оторвавшиеся от тела руки, соединившиеся вместе, словно кто-то хотел изобразить тень птицы.

Она поскрипывала, висела и махала на меня своими ненастоящими крыльями.

Это были руки киборга; покрашенные чёрным ногти скрывали сенсоры и электронику. Это были, — понял я, — руки того самого киборга, которого мы должны были найти. Руки Герцогини. Каким-то образом Герцогиня знала о нашем приближении и отправила эти руки, этих холодных металлических послов, чтобы… Зачем? Проследить за нами? Предупредить нас о чём-то?

Я хотел спросить об этом вслух, но руки развернулись в воздухе, три раза взмахнули, набирая скорость, и скрылись в ночи.

Я молча смотрел им вслед, не зная даже, куда именно они полетели.

Утром я не рассказал остальным о том, что я увидел.

Не знаю, почему.

Глава 9
Главное — равновесие

Сэм думала, что Доктор издаст какой-нибудь победный клич, когда оказалось, что карта Айрис не такая уж и точная. Однако, когда они снова закрывали окна, чтобы свериться с древней картой, он был поразительно сдержан. У Хилы, когда он тревожно смотрел на путаницу разноцветных пунктирных линий, покрывавших горные хребты, взгляд был откровенно скептический.

Они всё ещё были в песчаных предгорьях, искали лучший проезд. То, что по описанию Айрис было самой простой, широкой и самой безопасной дорогой для автобуса, полностью исчезло.

— Тут должна быть дорога, — ругалась она, когда они заехали на очередной крутой склон, и перед ними открылся вид на зелёные утёсы до горизонта. Но взгляд Айрис был прикован к земле, она смотрела туда, где по её предсказаниям должна была быть развилка. Им нужно было свернуть влево. Но вместо этого дорога, по которой они ехали, просто исчезла. Они оказались на абсолютно пустынной территории.

Поэтому Айрис внимательно всматривалась в светящееся изображение карты и ничего не могла понять.

— Всё очевидно, — сказал, наконец, Хила. — Просто пустыня замела дорогу. Все старые дороги и тропы сейчас засыпало песком.

Ему, гордившемуся отсутствием у него суеверий, это даже казалось знаком того, что ни одно приключение не бывает дважды. Нужно прокладывать новый путь.

— Похоже на то, — сказал Доктор. — Табула раса.

— Это название коктейля? — засмеялась Сэм.

— Ты перепутала с «Tia Maria».

Айрис снова выругалась:

— Ну почему никогда нельзя положиться на то, что всё останется по-прежнему? — она с осуждением посмотрела на Доктора, словно это он был во всём виноват. — Я же всё продумала. Самый короткий маршрут. Всё!

Доктор пожал плечами:

— Просто придётся положиться на нашу сообразительность.

— Ура, — сказала Сэм.

— Он прав, — сказал Хила. — Отправляемся в горы не глядя.

— Это именно то, чего я не хотела, — сказала Айрис. — Я ненавижу летать прямиком в неизвестное. Так можно вляпаться во что угодно. Можно оказаться где угодно и когда угодно.

От этих слов у Доктора тут же поднялось настроение. Такой подход ему был больше по душе. Он решил уговорить Айрис.

— Послушай, я знаю, как ты не любишь действовать сломя голову и рисковать без необходимости.

Она сурово посмотрела на него, на случай, если это сарказм.

Он продолжал:

— Но почему бы нам не материализоваться по ту сторону гор? Хм? Это бы сэкономило столько сил… Всего лишь небольшой прыжочек? — он посмотрел на неё оценивающе. — Даже моя старая ТАРДИС справляется с небольшими прыжками.

— Моя тоже может, — отрезала Айрис. — Просто иногда она темпераментная.

— Ну же, — сказала Сэм. — Давай попробуем.

Они не могли понять это нежелание перебросить их прямо к цели их путешествия. До сих пор они ей подыгрывали, даже делали вид, что это просто старый автобус. Но дни проходили и проходили, и им захотелось ускорить события. Это желание подкрадывалось к ним незаметно, и в тот момент, когда дорога под ними пропала — «проглотилась ненасытной пустыней», как образно выразился Хила, — они воспользовались своим численным преимуществом, ополчились против Айрис. Она выкручивалась, вздыхала, сердилась.

— Ладно, — наконец, не выдержала она и пошла в кабину. — Только меня не вините, если что-то пойдёт совсем не так, и нас разнесёт на миллион визжащих частичек…

— Мы доверимся тебе, — улыбался Доктор.

Она осудительно посмотрела на него и тяжело откинулась на водительское сидение.

— Сядьте все по местам, — приказала она. — Эта старушка летает не так гладко, как некоторые из вас привыкли.

***

Сказав это, она начала вертеть ручки настройки, щёлкать переключателями и вводить координаты. Всё это она делала так, словно была фокусником на сцене, который собирался сделать так, чтобы его ассистентка исчезла.

Лететь вслепую, тоже мне! Неужели они не понимают? Их может выбросить куда угодно. Они могли оказаться на самой высокой вершине или материализоваться внутри сплошной скалы. Её предохранительные механизмы дышали на ладан. Она не решалась признаться всем в том, как слабо она, на самом деле, доверяла своему судну. Доктор хотя и жаловался время от времени на свой корабль, но ему, по крайней мере, никогда не приходилось переживать о том, из-за чего Айрис не могла спать. Её последний (во всех смыслах слова) спутник сбежал от неё, сказав, что этот автобус — летающая смертельная ловушка. Временной корабль Доктора хотя и старинный, но он хотя бы не был бюджетным решением, собранным из подобранных где ни попадя запчастей. Она покраснела, вспомнив, как чинила размерностные стабилизаторы при помощи пары чулок. До нормального ремонта у неё руки так и не дошли. Жизнь казалась слишком короткой, чтобы заниматься регулярным ремонтом. Впрочем…

— Поехали! — крикнула она и дёрнула за рычаг дематериализации.

Сэм, Хила и Доктор крепко вцепились, кто во что смог. Всё, что не было прибито или привинчено, затарахтело, упало или подскочило в воздух. Снаружи, за окнами, которые ещё не были

разбиты и забиты досками или завешены ненужными картами, вертелась бесконечная аквамариновая пустота пространственно-временного вихря. Он кажется гораздо ближе, — думала Сэм, — когда смотришь на него отсюда, из корабля Айрис, а не Доктора. Здесь было такое ощущение, что можно шагнуть за управляемые пневматикой двери и навечно улететь в безвоздушный, безвременный пейзаж.

— Я задаю точные координаты наугад, — перекрикивала грохот Айрис. — Как ты и хотел.

***

По мнению Доктора, она получала от этого какое-то извращённое удовольствие. Тыкала их носом в то, что её вынудили поступить безрассудно.

И в это мгновение автобус перешёл в крутое пике, и их всех прижало к стенам. На них посыпались чашки, лампы, книги, бутылки и сувениры.

— Она меня не слушается! — кричала Айрис. — Я так и знала, что так будет! Она ненавидит короткие прыжки!

— Сделай что-нибудь! — проревел Доктор и попытался встать. Он вцепился в поручни и попытался проползти к кабине водителя, а автобус в это время скакал и брыкался.

Когда он добрался до неё, время замедлилось. Они кричали друг на друга, а Хилу и Сэм в это время распластало среди массы имущества Айрис.

— Дай мне попробовать, — кричал на Айрис Доктор.

Она пыталась отбиться от его рук.

— Ты её не знаешь, — крикнула она и начала стучать по органам управления.

— Ты нас сейчас в землю воткнёшь, — предупредил он.

Они неслись с бешеной скоростью. Он посмотрел в переливающуюся цветами пасть вихря, его это зачаровывало. Ему никогда не нравилось всматриваться туда. Это было нулевое пространство, при этом наделённое многочисленными завораживающими возможностями. В нём можно было увидеть то, чего нет.

— Мы готовы, — нервно сказала Айрис, вцепившись руками в органы управления. — Думаю, мы можем рематериализовываться.

Она подняла голову и вместе с Доктором увидела призрачные фигуры, окружившие её корабль снаружи. Эти существа прижимались своими бесплотными телами к лобовому стеклу, дразнясь и насмехаясь над ними. Их мёртвые пустые глаза смотрели прямо на пассажиров.

— Джинны, — сказал Доктор. — Они прошли за нами.

— Да, — мрачно сказала Айрис и опустила нужный рычаг. Сильно дёрнувшись, двигатели ТАРДИС издали знакомый стон, и окружавший автобус бурлящий вихрь плавно растворился…

***

… и его снова сменил дневной свет.

Ослепительный голубой свет, от которого их глаза начали болеть и слезиться, как только они подняли свои ушибленные и оглушённые головы.

— Спаслись! — крикнула Айрис и хлопнула ладонью по приборной панели. — Получилось!

Горы были позади них. Они перемахнули через них.

Хила пробрался сквозь разбросанные вещи в конец автобуса, в разбитую кухню, и крикнул оттуда, что они уже определённо по другую сторону гор. Сэм радостно крикнула:

— Никаких подъёмов!

— Секундочку, — сказал Доктор, глядя в окно.

Они стояли на краю песчаной дюны. Они оказались в подножиях другой стороны горного хребта. Но автобус ненадёжно завис на самом краешке… В этот момент Сэм выглянула в окно и сообщила о худшем:

— Обрыв метров двадцать!

Это была покатая дюна, превышавшая размером соседние.

Автобус плавно покачивался в такт их движениям. Айрис рявкнула, чтобы все оставались на местах.

— Так и знала, что случится что-нибудь в таком духе! Я же говорила вам всем… Я говорила, что нет никакой защиты от чего-нибудь такого. Нам повезло, что мы не разбились на кусочки об камни — а то и хуже, — она повернулась к Доктору: — Это всё ты виноват. Это ты меня заставил.

— Прекрати прыгать, — сказал он очень серьёзным голосом. — Если мы сместим автобус, мы можем упасть с хребта до самого низа.

Они все замолчали.

Двигатели ТАРДИС стонали и шептали, словно возмущаясь. Теперь все чувствовали непрерывное медленное раскачивание, словно автобус не мог определиться.

Они ждали.

Доктор принял решение:

— Сэм, Хила, идите сюда, в переднюю часть автобуса. Если мы сосредоточим вес тут…

Они сдвинулись с места.

Раздался скрип.

— Медленно! — предупредил Доктор. — Самое главное… равновесие.

В этот момент двигатель отчаянно завыл, а затем окончательно заглох.

— Всё! — сказала Айрис. — Она сдалась. Она от шока впала в спячку. Я же говорила вам, что она ненавидит короткие прыжки! Её нервы на такое не рассчитаны.

Автобус молчал. Никакого успокаивающего гудения. Был слышен шорох шин, проскальзывавших по песку. Шорох земли под ними был единственным звуком, и он казался оглушительным.

— Я думаю, что всё в порядке, — сказал Доктор.

После чего автобус пошатнулся и опрокинулся назад, свалившись с гребня дюны. Пролетев метров двадцать, они глубоко встряли в песок. Все

четверо снова потеряли равновесие и свалились в кучу.

Когда автобус замер, они начали шевелиться. Доктор встал на ноги первый:

— Переломы есть?

Переломов ни у кого не было. Хила помогал Сэм встать, но она отогнала его.

Айрис тут же пошла в атаку:

— Ты сломал мне корабль! Из-за тебя мы в чёртовой яме оказались! Это всё твоя нетерпеливость, Доктор! Надеюсь, она удовлетворена.

Она распахнула двери, и вовнутрь посыпался песок. Они завязли в нём на полметра. Она выпрыгнула наружу, за ней Хила.

— Я думал, что это хорошая идея, — говорил Доктор Сэм.

— Хорошая, — сказала она. — Откуда тебе было знать, что у неё такая паршивая ТАРДИС.

— Она же предупреждала меня. А мне не терпелось.

— Смотри, — сказала Сэм. — Мы уже за горами, в безопасности. Она должна тебе спасибо сказать.

— У Айрис на это другой взгляд, — угрюмо сказал он, выходя за всеми наружу. — И я совсем забыл: Айрис любит всё делать по-своему. Не нужно было мне вмешиваться.

Сэм сокрушённо покачала головой. Доктор сам не знал, с кем ему быть тактичным.

Айрис и Хила осматривали склон, по которому они свалились.

— Теперь нам нужно подниматься отсюда на самый верх, — едко сказала Айрис. — И как нам, по-твоему, это сделать?

— Полететь? — сказала Сэм.

— Не смешно, — резко ответила Айрис.

Хила проворчал:

— Толкать будем.

***

Несмотря на незаурядную силу Хилы, они почти не продвинулись. Он, Сэм и Доктор упёрлись в заднюю часть автобуса и толкали изо всех сил. Айрис плюхнулась обратно в сиденье водителя, видимо, чтобы рулить, но Сэм не видела в этом большого смысла. Она хотела было заметить, что будет лучше, если Айрис поможет им толкать, но Доктор остановил её взглядом. Он боялся рассердить пожилую женщину ещё сильнее. Но после того, как они потели целый час и ни капельки не сдвинули автобус, он сам крикнул в сторону кабины:

— Ты точно сняла его с ручного тормоза?

Айрис проревела ему что-то неприличное.

Она снова попыталась завести двигатель, но тот лишь кашлял и чихал. В конце концов он снизошёл до того, чтобы немного повернуть колёса, и когда шины вгрызлись в песок и, казалось, протащили автобус немного вверх по склону, у толкавших появилась небольшая надежда.

Из-под ревущих колёс в воздух поднялись облака искристого золотистого песка. Доктор, словно фокусник, вынул кучу связанных друг с

другом платков, чтобы все смогли прикрыть свои рты и носы. Перекрикивая ужасное тарахтение мотора, Айрис спросила:

— Как там дела, ребята?

— Безнадёжно! — крикнул Хила. — Кажется, мы его только сильнее в песок закапываем.

Это была правда; пытаясь освободиться, автобус погружался в песок. Айрис заглушила мотор. Она вышла из автобуса и обошла его. Скинула тигровую шубу и закатала рукава кофты.

— Придётся самой всё делать, — сказала она, недовольно глядя на них, как будто они старались недостаточно сильно.

— Он застрял, Айрис, — тихо сказал Доктор. — Не напрягайся. Только здоровье себе испортишь.

— Ты хочешь сказать, что я старая?

Он покачал головой.

— Ну так помогайте мне!

Сэм шлёпала ладонями по своим голым рукам:

— Хоть бы эти насекомые отстали!

В последний час их окружили большие комары с фиолетовыми крыльями. Было такое ощущение, что они слетались на застрявших путешественников.

Сэм сказала:

— Мне кажется, или их больше становится?

Доктор повертел головой по сторонам, а затем замер. Воздух вдруг словно стал гуще от насекомых.

— На нас напали, — сказал он, когда они поняли, что гул насекомых стал слышимым.

— Это рой! — Айрис сглотнула и побежала кутаться в свою шубу. Она схватилась за голову: — Они у меня в волосах!

Только Хила со своей грубой шкурой, похоже, не страдал.

— В автобус все! — крикнул Доктор. — Быстро!

Но оббежав автобус, они увидели, что его дверь перегородило существо в два раза выше Доктора. От этого зрелища они остановились, как вкопанные. Оранжевое и мускулистое, оно хохотало, когда их окружали комары.

— Это кабикадж, — сказал Доктор. — Джинн мира насекомых.

Глава 10
Стоишь почти что голый

Кабикадж. Он был не таким призрачным, как другие джинны, которых они видели раньше. Это не был летающий по ночам пожиратель плоти. Существо, стоявшее перед ними в центре роя, было плотное, к тому же большое. Казалось, что он мог бы расправиться с любым из них одним ударом. И он всё ещё смеялся. Сэм казалось, что это существо — сплошная мышца, лоснящаяся, будто её смазали перед тем, как поставить в духовку. И оно скрестило руки на груди, в точности как джинн из мультфильмов.

Их донимали насекомые. Сэм казалось, что её уже искусали всю, с ног до головы. В момент паники ей даже показалось, что эти твари забегают сквозь уши и нос в голову, но это был всего лишь шум: непрекращающийся, выводящий из себя гул.

— Ими управляет он, это существо, — проревел Хила. — Заставьте его прекратить это!

Доктор, как обычно, с лёгкостью придал голосу повелительный тон и громко сказал:

— Эти твари ядовитые?

Оранжевокожий кабикадж запрокинул голову и рассмеялся. Его сладострастное лицо излучало веселье.

— А ну прекрати! — крикнул Доктор. — Отвечай!

Джинн прекратил смеяться и посмотрел на него.

Доктору это понравилось.

— Джинны отвечают на команды, — сказал он остальным. — Как и джинны в сказках.

— У нас есть три желания? — спросила Сэм.

— Нет, пока что нет, — мрачно сказал Доктор. — Кабикадж, мы требуем безопасного прохода через твой удел.

— Этот удел, — зычным голосом сказало существо, — принадлежит мне и моим рабочим. Вы побеспокоили его своим гадким, гадким экипажем.

— Гадким! — вскрикнула Айрис.

— Предоставь это мне, — сказал Доктор. — Кабикадж, отзови своих рабочих и позволь нам уйти.

Джинн задумался, а потом щёлкнул пальцами. В тот же миг тысячи насекомых зависли в воздухе. Они оставались на месте, безмолвные, в виде густой тучи. Доктор вздохнул.

— Если ты меня разочаруешь, — сказал кабикадж, — я снова их на вас спущу. Их укусы не смертельны, но они будут преследовать вас до тех пор, пока вы не умрёте. Мои рабочие мне очень верны, — он с равнодушным видом сложил руки на груди.

— Кабикадж, — сказал Доктор. — Мы выполняем очень важное задание, нас послала Алая Императрица, она очень разозлится, если мы его не выполним.

Джинн резко дёрнул головой:

— Мне наплевать на Алую Императрицу. Её бабушка много десятилетий держала меня в плену. Такие, как она, меня не пугают.

— Ясно, — облизав пересохшие губы, сказал Доктор. Он чувствовал жжение в ужаленных местах. — Кабикадж, у нас к тебе есть три просьбы.

— Продолжай, — сказал тот.

— Чтобы ты попросил своих рабочих отправиться заниматься более полезной работой по сбору мёда. Чтобы ты излечил уже нанесённые укусы. И чтобы ты приложил свою восхитительную силу и помог нам затолкать этот гадкий, гадкий экипаж обратно на вершину этой песчаной дюны.

— А что я получу в обмен на эти услуги? — сказал кабикадж.

— Нашу вечную благодарность? — с надеждой в голосе предложил повелитель времени.

— Что-то вечное от смертных — трата времени, — философски заметил джинн.

— Ты знаешь, он прав, — встряла Айрис. — Я часто об этом думала.

— Тогда, быть может, подарок? — сказал Доктор.

— Подарок, смертный?

— Не называй меня, пожалуйста, смертным, — сказал Доктор, вздрогнув. — Да... Как насчёт... — он порылся в своих вместительных карманах и вынул сгусток розового геля со щупальцами и присосками. — Зайгонского... хм... артефакта?

Кабикадж презрительно фыркнул.

— Оружие далека?

— Ни к чему мне оружие.

— Тогда как насчёт… этого? — и Доктор вынул осколок голубого кристалла.

— Побрякушка?

— Необычный камень. Это с Метебилис-3, галактика Актеон.

Айрис вздрогнула:

— Не раздавай снова голубые кристаллы. Ты же знаешь, что случилось в прошлый раз.

Доктор проигнорировал её:

— Как я уже говорил, это не просто побрякушка. Это из далёкого будущего Метебилиса. Это окаменевший осколок разума Великой — Королевы Пауков Метебилиса.

— Дай мне его, — сказал кабикадж.

Доктор повернул в руке прозрачное ископаемое так, чтобы оно заиграло в солнечных лучах. Посмотрев внимательнее, они увидели, что внутри что-то движется: плавно, обманчиво.

— Я могу владеть разумом Великой, — бормотал неуклюжий джинн.

— Да, можешь, — сказал Доктор.

— Договорились, — проревело существо и выхватило кристалл с его руки.

— Доктор, откуда у тебя столько всякого старья? — спросила Сэм.

— Вели своим насекомым отправляться по домам, — сказал Доктор кабикаджу.

Джинн щёлкнул пальцами, и насекомые снова ожили. И, как единое целое, они улетели в пустыню. Воздух снова стал неподвижным.

— Укусы, — напомнил Доктор.

Все болезненные опухоли исчезли.

— А теперь, — сказала Айрис, — быть может, твой друг подтолкнёт нас до вершины?

Даже с помощью этого здоровяка они потратили полдня. Но постепенно, хотя и мучительно медленно, они вытолкали автобус. Они передвигались по несколько метров за раз, после чего Айрис ставила автобус на ручной тормоз, чтобы они отдохнули. Их продвижение отмечалось срабатыванием тормоза и её криком о том, сколько ещё осталось. В эти моменты кабикадж вынимал свою добычу и рассматривал её.

Сэм оттянула Доктора в сторону.

— Я знаю, что ты хочешь спросить, — сказал он.

— Что?

— Даже я не сделал бы такую нелепость, не дал бы ему часть разума Великой Паучихи. Я эту штуку в Лондоне купил.

— Я не об этом хотела спросить.

— О. Извини. Но, тем не менее, хитро, правда?

— Заткнись, а то он тебя услышит!

— Не услышит. Он влюблён. О чём ты хотела спросить, Сэм?

— Почему ты всегда так раздражаешься каждый раз, когда Айрис рассказывает нам о том, что было с ней в прошлом?

Его лицо помрачнело.

— Ты не единственный, кому можно иметь сумасшедшие приключения.

— Я знаю.

— И ещё одно. Нельзя говорить, что она вмешивается туда, куда не следует, потому что…

— Я знаю, — прошипел он. — Слушай, я объясню тебе позже.

— Вчера, когда она рассказывала о том, как участвовала в спасении послов Федерации, находившихся на Пеладоне, у тебя было такое лицо, будто ты сейчас взорвёшься.

— Потому что, — тихо сказал он, — потому что она врёт, Сэм.

— Я не дура. Я допускаю, что она несколько преувеличивает. Но…

— Всё это было со мной. Она крадёт то, что было со мной.

Сказав это, он пошёл обратно к автобусу, и они все собрались, чтобы напрячь спины ради последних нескольких метров пути. Доктор даже последовал примеру Хилы и снял рубашку, чем поразил Сэм. Солнце поблёскивало на его белой спине. Волосы свисали мокрыми прядями.

И, наконец, у них получилось. Автобус стоял на вершине подъёма. Они радостно закричали и обнялись.

— Это всё, о чём вы меня просили, — сказал джинн.

— Спасибо, — сказал Доктор, утирая с глаз пот.

— И тебе спасибо, Доктор, — торжественно сказал кабикадж.

В этот момент Айрис спрыгнула со своего сидения в кабине, зацепилась лямкой сумочки за ручной тормоз, дёрнула его, и автобус неумолимо покатился обратно.

Остальные успели вовремя отпрыгнуть с его пути.

А затем обернулись и с ужасом увидели, что автобус остановился там же, где они начинали.

***

Когда они снова его затолкали, была уже полночь. Кабикаджа удалось убедить помочь им ещё раз. Его, похоже, завораживала их деятельность, они словно просто развлекались.

Несколько часов никто с Айрис не разговаривал. Даже Доктор был слишком зол, чтобы позволить себе говорить. Они потратили свой гнев на то, чтобы снова затолкать автобус наверх.

Когда они закончили, к ним подошла Айрис.

— Вот так денёк! — засмеялась она и заработала по недовольному взгляду от каждого.

Позади них раздался шорох, зашелестел песок, и, обернувшись, они увидели, что кабикадж уносится в ночь, сжимая в руках свою драгоценность.

— Не знаю как у вас, — сказал Хила, — а у меня мурашки по телу от любого джинна.

— Он был с нами очень добр, — сказал Доктор. Он многозначительно посмотрел на Айрис. — Был очень ценным, полезным членом коллектива.

Айрис покраснела.

— Оденься, Доктор, — сказала она.— Стоишь тут почти что голый.

Теперь покраснел он.

***

Пытаясь загладить свою вину, Айрис обыскивала свои резервы еды и накрывала самый щедрый стол за всё это путешествие. Одно за другим она выносила из автобуса на серебряных подносах всё новые и новые блюда. Все были поражены, впечатлены и благодарны гораздо сильнее, чем она, по их мнению, заслуживала. Она подала им жареную утку и несколько разных фруктовых соусов. Сэм ограничивалась овощами, которые были политы мёдом и присыпаны розмарином и петрушкой. Айрис выходила из кухни ТАРДИС с невозможными вещами. Например, с гигантской меренгой в форме изящного, присыпанного сахарной пудрой лебедя. Они вчетвером отламывали кусочки от его шеи и слушали звуки ночи.

— Эта сторона гор, — сказал Хила, — сильно отличается от той, где мы путешествовали раньше. Здесь гораздо опаснее.

— Отлично, — ворчала Сэм.

— Тут неподалёку есть деревня, — сказала Айрис. — Я подумала, что мы можем завтра заехать в неё. Пополнить припасы, разузнать о Лесе Кестхевен. Спросить лучшую дорогу.

Доктор пожал плечами:

— Звучит разумно.

Он с нетерпением ждал возможности познакомиться с новыми людьми.

— Местные люди… — попытался предупредить Хила.

— Хила, — оборвала его Сэм.— Лучше не рассказывай. Мы сами увидим, ладно?

Уже не в первый раз за сегодня Хила выглядел обиженным.

Глава 11
Я абсолютно доверчивый

Много лет назад город Форталис отказался от идеи прогресса. Его народ был сам себе законом. Они решили, что раз они всего лишь изолированное сообщество на горных склонах, им никто не указ и нечего обращать внимание на остальной мир. Это сообщество само может решить, как ему жить.

Когда люди Форталиса поняли это — что ничего не мешает им делать именно то, что им хочется, у них возникло странное ощущение свободы. Их не сдерживали ни монархи, ни тираны. Законов практически не было. Всё, что их (как им казалось) сдерживало — лживая идея прогресса.

Некоторые стали задавать неудобные вопросы. Почему что-то должно меняться? Это кто сказал? Если высшая мудрость, сила духа и жестокость действительно позволяли жить лучше, то пускай так и будет. Все форталисяне хотели наслаждаться жизнью. Но по их мнению (или, если быть точнее, по мнению их мыслителей) очень мало чего можно было достичь за счёт ума, большей силы или безжалостности, чем у других.

У них было всё, что им было нужно. У них было необходимое им пространство. Их технологии были достаточно продвинутыми, чтобы извлекать из земли и воздуха необходимое им количество влаги. Урожаи были регулярные и безупречные. В их единственной библиотеке была ровно тысяча и

одна книга, в которых были собраны все знания, которые могли им понадобиться. Довольные собой и своими знаниями, фортализяне перестали стремиться вперёд и с радостью сузили свои горизонты. В любом случае остальной мир был грязным и опасным местом, и у них не было желания продолжать его исследование.

Поколения сменялись и сменялись, удовлетворённые тем, что они знали о своём мире всё, что можно было знать. Все учились одному и тому же, и этого было достаточно. Они не были любопытной или непоседливой расой и это, по их мнению, спасало их от непрекращающихся ненадёжности и неудовлетворённости остальных. Фортализяне верили в смену сезонов, в свои ритуальные праздники, в утешительную регулярность суточных ритмов неба. Когда гости из менее просвещённых рас имели неосторожность забрести в их оазис спокойствия, эти чужаки казались такими несчастными. Их вечно душили мириады неисполнимых желаний: знания, завоевания, любовь.

Фортализяне же, по сути, укротили свои аппетиты, и считали, что так лучше.

Обычно этих злополучных гостей-странников избавляли от их мучений. Их аппетиты милостиво прекращал Палач — человек, который жил в этом городе один и, хотя и не был их лидером, провозглашал, кого следует сжечь, а кого повесить, четвертовать или зарезать. Исполнение всего этого по умолчанию ложилось на его же плечи, более подходящей кандидатуры на эту роль

не было. Его личность соответствовала устранению нежелательных персон, поэтому этим он и занимался. В сложной экономике Форталиса Палач имел своё место, как и любой другой.

В этот день Палач был в своей стихии. Это было летнее солнцестояние. Это был полдень Великой Потасовки, которая ежегодно проходила в этот день.

Он сидел в своей башне и наблюдал за тем, как горожане собирают и организуют различные группировки, готовясь к тому, чтобы выйти пьяными на улицы и провести ритуал. Над городом повис ужасный, зловещий дух карнавала. Палач мрачно предвкушал исполнение своих обязанностей.

Время в Форталисе было цикличным. Ни один год не отличался от предыдущего. Особые дни как наступали, так и завершались, и никто не думал, что что-нибудь изменится. Бывали дни, которых ждёшь, бывали дни, которых боишься, но избежать ни тех, ни других было невозможно.

Разумеется, именно к этому городу старый пыльный автобус Айрис и привёз её отряд в поиске отдыха и пропитания, перед самым началом Великой Потасовки.

***

Первое, что они сделали — разделились. Это была идея Доктора. Хила и Сэм должны были найти провизию, Айрис должна была пойти поговорить с горожанами, чтобы разузнать какие-нибудь слухи, предсказания или просто о местных опасностях, на которые они могли наткнуться, а

Доктор — направиться в библиотеку, расположенную в городском сквере, где они припарковали автобус. Он хотел найти полноценные, точные карты.

— Опять разделяться, — сказала Айрис, когда они стояли возле автобуса. — Может, пора уже усвоить прошлые уроки?

Он смотрел на небо. Оно было тёмное и тяжёлое. Воздух пах озоном. Приближалась гроза.

— Что ты имеешь в виду?

— Да ладно тебе, Доктор. В прошлом разделение тебе никогда не помогало. Всё всегда заканчивалось тем, что ты бегал за каждым из-за того, что каждый попадал в какую-нибудь неприятность. Именно так всё всегда и выходит из-под контроля. Чем нас больше, тем безопасней.

Он начинал терять терпение:

— И всё займёт в четыре раза больше времени. Нет, мой план лучше.

— Тебе просто нравится всех спасать.

— Не говори глупостей.

— Выдумал же — разделиться, — тихо возмущалась Айрис.

— Да и вообще, откуда тебе знать? — резко сказал он. — Откуда тебе знать, как я обычно действую?

— Я видела достаточно.

Когда они расходились в разные стороны выполнять свои задания, Сэм подумала, что Айрис, в общем-то, права. Лишь когда они расставались, с Доктором и его спутниками происходило самое худшее. Уже не в первый раз

она подумала о том, не испытывает ли он судьбу нарочно. Он любил выманивать хаос из теней.

— У нас не так уж много местных денег, — сказал Хила. — Да и вряд ли их тут берут.

Они с Сэм искали базар.

— Попросить, одолжить или украсть, — сказала Сэм. — Это как запасной план всегда работает.

— Какая ты находчивая.

— Не относись ко мне как к ребёнку.

— Даже и не думал.

Он смеётся над ней. Ну и пусть. Она всё равно ни капли ему не доверяет.

***

Доктор отправился в библиотеку со своей книгой. Взбегая вверх по ступеням выцветшего на солнце портика, он немного волновался о том, что какой-нибудь придирчивый библиотекарь может решить, что он украл Аджа'иб в этой библиотеке и отобрать его. Доктор обнаружил, что эта книга странным образом утешает его длинными ночами этого путешествия, и ему бы не хотелось расстаться с ней. Это была абсурдная, нелепо собранная антология невероятных приключений, и ему она очень нравилась. Он прижал её к груди, чувствуя пальцами её гладкую кожаную обложку. Он вспомнил сказку из «Тысячи и одной ночи», о том, как страницы были пропитаны ядом. Быть может, этот архаичный текст одурманивает его каждый раз, когда он его читает, отслеживая слова взглядом и кончиками пальцев?

Окна библиотеки были темны. Быть может, она закрыта или заброшена? Каменный знак над

колоннами, на котором когда-то было написано «БИБЛИОТЕКА», был достаточно читаем, чтобы понять предназначение здания, но буквы были отколоты, сбиты. Лишь одна буква сохранилась полностью.

Он шагнул в приятную прохладу здания и обнаружил там первого встреченного кем-то из их отряда местного жителя, который, похоже, ждал его.

Это был худой мужчина, кожа которого была туго натянута на кости, а глаза не мигая смотрели поверх мраморного стола на вошедшего Доктора. Руки библиотекаря — сухие, белые и костлявые — быстро постукивали по почти пустой столешнице. По мнению Доктора, этот человек не часто выходил на улицу.

Они поздоровались, и огромное внутреннее пространство здания поглотило их слова. Других звуков тут не было — к большому облегчению Доктора, уставшего от шума последних дней.

— Я тут новенький, — начал Доктор.

— Я знаю, — сказал библиотекарь.

Он был в безупречном чёрном костюме с высоким воротником. Казалось, что он почти не дышит.

— По мне это так заметно?

— Я знаю всех жителей Форталиса, — сказал библиотекарь. — Они все тут бывают. А вы не местный. Вы тут не обучались.

— Вы совершенно правы, но я хочу восполнить этот пробел.

— В самом деле?

— Да, понимаете, мне по роду моей деятельности приходится много путешествовать, и мне нравится быть в курсе местной культуры, истории, обычаев… и карт.

— У нас тут есть всё.

— Всё?

— Всё, что следует знать в Форталисе. Кроме этого — ничего.

Впервые за всё время библиотекарь стал почти приятным человеком.

— Все тысяча и одна книга хранятся здесь, — с гордостью сказал он.

— Так много? Понимаете, предметом моего основного интереса явля…

— Боюсь, что ваши интересы тут не имеют значения, — сказал худой мужчина. — Вы просите знания нашего города, и я их вам предоставлю. Начиная с Первой Книги, стоящей в начале полки, а затем уже можно будет переходить к следующей.

Доктор нахмурился:

— Вы хотите предоставить мне какой-то список для чтения?

— *Единственный* список для чтения, — резко сказал библиотекарь. — Вы же не хотите начать чтение не с начала?

— Но я не хочу знать всё! Только то, что мне нужно! Мне нужны карты и планы. Мне нужно ознакомиться с географией.

— Это знание вы получите, когда дойдёте до него. Однако вы сможете узнать о географии лишь этого города. Это всё, что вы узнаете.

— Но на это могут уйти месяцы! — раздосадовано махнул рукой Доктор. — Послушайте, я умею читать очень быстро. Я могу перечитать всё, что бы вы мне ни дали, с огромной скоростью. Иногда я читаю так быстро, что даже не знаю, что именно я читаю. Вы не могли бы просто…

— Я могу обучить вас, в точности так же, как я обучил всех фортализян. Таковы правила.

— И сколько это занимает времени?

— Двадцать лет.

— Невозможно! Покажите мне свои карты.

— Вы очень нетерпеливый.

— А вы, — возмутился Доктор, — просто невозможный, — он сверкнул глазами на библиотекаря, который, наконец, моргнул. — Я всё понял, — медленно сказал Доктор. — Вас возмущает моя импульсивность. Вы заставили себя думать так же, как остальные фортализяне. Вы заложник системы понимания абсолютного порядка вещей. Ранжирования всего эмпирического знания, — с улыбкой Доктор вышел из лёгкого транса, надеясь, что библиотекаря впечатлит его догадка. — Но на самом деле вы ведь не верите, что это возможно?

— Я полагаю, что тут собрано всё знание, которое только есть.

— Я по вашему лицу вижу, что это не так.

— Я обязан, — яростно сказал библиотекарь.

— Пробелы будут всегда. Пробелов в известном не может не быть. Как ещё можно узнавать что-нибудь новое?

— Нас здесь не интересует новое.

— Ах, да. Очередной посёлок суеверных убийц, исполненных ментальности неуправляемой толпы и ксенофобии. Превосходно.

— Мы процветаем.

— Я в этом не сомневаюсь. Просто расскажите мне то, что мне нужно.

Библиотекарь задумался.

— Можете… смотреть, что хотите.

— Я полагаю, что более уместно слово «просматривать». Я могу просматривать, перелистывать, выбирать, рыться, деконструировать, понимать иначе и вообще случайно выбирать любой из ваших превосходных (хотя и несколько ограниченных) тысячи и одного томов. Я прав?

— Потом не говорите, что я вас не предупреждал.

— Спасибо, — сказал Доктор и пошагал в главный читальный зал.

Сегодня тут никто не читал и не учился. Никого не принуждали поглощать, страница за страницей, текст за текстом, якобы полное знание Форталиса. Сама эта идея была нелепой. Даже при таком систематическом, догматическом обучении не будет и двух форталисян, усвоивших одно и то же. У них не было ни единого шанса. Доктор подумал, что он и сам воспринимал лишь часть того, что читал, а запоминал и того меньше. Отовсюду торчали растрёпанные концы, которые предполагалось распутывать позже, при повторном прочтении, когда предыдущие

утверждения и рассуждения уже забылись. Не могло быть двух фортализян, владеющих одними и теми же знаниями. Ни об этом мире, ни в рамках какой-то науки. Они не могли прочесть одно предложение одинаково. Это невозможно.

К тому времени, когда они подошли к рядам полок, на которых аккуратно были выстроены тысяча и один том, он пришёл к выводу, что всё это (на его взгляд, во всяком случае) полная чушь.

Как и последовательность категорий, по которым были расставлены тысяча и одна книга. Он прочёл вслух белые таблички: «Сущность», «Временность», «Отсутствие ссылок», «Неопределённость», «Неразрешимость», «Риторика», «Объекты (упорядоченные)».

С чего же ему начать? У него был соблазн заглянуть в «Отсутствие ссылок», думая, что возможно фортализяне знают о проблемах и пробелах, связанных с языком и знанием больше, чем говорят.

Но всё, что мне нужно, — думал он, — это понятная карта, которая подскажет мне, как добраться до Кестхевена.

Он вынул «Неопределённость», второй том, и первое же предложение было таким:

«Должен ли существовать Лес Кестхевен?» Дальше было: «Если бы Лес Кестхевен существовал, он должен был бы состоять из следующих непознаваемых и непостижимых объектов и существ, которые все в этой стране осуждаются и порицаются. Это абсолютно вымышленная территория, поросшая лиственными деревьями,

любая схожесть которой с каким-нибудь настоящим форталисянским местом является чистым совпадением. Расположена она в ста непреодолимых милях от центра этого города. Этот текст предназначен для установления и доказательства полной невозможности и нелепой непознаваемости Кестхевена посредством освещения и упорядочивания всех его свойств и предполагаемой сути».

Доктор поспешил к грубой деревянной скамье и уселся читать.

***

Сэм выбрала в корзине на базаре четыре яблока.

— Только не эти, — сказала угрюмая женщина в огромной шляпе от солнца. — Эти четыре зарезервированы.

— Они такие же, как и остальные! — возмутилась Сэм, но женщина покачала головой.

— Можете выбирать любые из остальных, — она спрятала эти четыре яблока.

Вообще-то, остальные были битые и немного высохшие. Сэм выбрала несколько штук. Вздыхая, она рылась в корзине.

— Ну кто резервирует яблоки?

— Все так делают, — ответили ей.

Когда позже Сэм встретила Хилу, у того было шесть пухлых алых рыб. Он нёс их завёрнутыми в коричневую бумагу. На каждой из рыб был ярлык.

— У них у каждой есть имя, — смеясь, сказал он.

— Тут все города такие странные? — спросила у него Сэм.

— О, да, — сказал он.

***

Время шло, и над городом постепенно сгущались тучи. Воздух стал таким влажным, что было тяжело дышать; гроза набирала силы, а маленькие коллективы готовились в забегаловках города к надвигающейся потасовке. Друзья Доктора разбрелись в разные стороны, привлекая к себе взгляды, становясь темой тихих разговоров. Они жизнерадостно шли по своим делам, а местные тем временем их примечали, видели в них чужаков и позволяли ходить свободно, прекрасно понимая, что когда начнутся беспорядки — а сегодня они точно начнутся — о гостях города позаботятся.

Айрис нашла себе столик в углу тёмной, прокуренной таверны, где толпа плохо одетых мужчин закладывала за воротник. Не обращая на них внимания, она уселась и заказала какое-то местное пойло, которое в латунном кувшине ей бесцеремонно подала барменша, косо осмотревшая пожилую путешественницу. Айрис свернула несколько неровных самокруток и холодным взглядом рассматривала клиентов. Она думала было сделать это с видеокамерой, но решила не рисковать. Все были одеты в старые меха и перекошенные набекрень шапки. У некоторых были даже повязки на глазах. Айрис уже несколько месяцев не бывала в такой

сомнительной компании, и от этой мысли у неё мурашки по коже бегали.

Барменша в синем платье подошла к Айрис, чтобы долить ей в кувшин гадкого вина. Она сказала:

— Знаете, а вы не вовремя.

— Я знаю, — вздохнула Айрис.

— Тут и в обычный день года гостям не рады. Вы что, не знаете, какой сегодня день?

На лице Айрис было непонимание.

— Сегодня ежегодная драка. Большая потасовка. Уличные бои по случаю солнцестояния. Когда все, у кого есть зуб на ближнего своего, выпускают пар, распуская руки по отношению к первому встречному. Сегодня будут убийства.

— Я тут раньше никогда не была, — беспокойно сказала Айрис.

— Такой пожилой женщине как вы не стоит сегодня быть одной.

— Я могу о себе позаботиться.

— Когда эти по-настоящему напьются, уже не сможете. Каждый год тут кровавая баня.

Айрис цокала языком. Как жаль, что она не взяла с собой оружие.

— Это традиция такая, — сказала женщина.

— Им что, даже футбол в качестве повода не нужен?

— Я вас не поняла, — барменша словно чего-то ждала, теребя свои рыжие волосы. — Вы тут одна?

— Мои друзья пошли за покупками…

— Вам лучше найти их, пока не началось. И до того, как Палач узнает о том, что вы тут.

Айрис допила вино.

— Палач? А этот город кажется всё более гостеприимным.

— Вы прибыли сюда в худший из возможных дней.

— И так всю мою жизнь, — пожала плечами Айрис, раскрыла свою старую полотняную сумку и бесстыдно умыкнула латунный графин для вина. — Тогда я лучше пойду.

— За вознаграждение, — сказала женщина, — я могу показать вам, где спрятаться.

На них уже оборачивались. Низкое недовольное ворчание сопровождало Айрис, начавшую протискиваться между спинами в сторону двери.

— Нет, спасибо, у меня есть свой… — Айрис остановилась. Воздух вокруг неё потемнел. Она вспотела.

Мне сейчас снова будет плохо, — подумала она, уже привыкнув к подобным приступам. В этот раз было хуже, чем обычно; посмотрев на барменшу, она почувствовала, что её ноги подкашиваются. Меня отравили, — решила она и очень осторожно сказала:

— У меня есть свой двухэтажный автобус.

А затем упала плашмя на грязный деревянный пол.

Все мужчины в баре одобрительно зааплодировали. Барменша ухмыльнулась, быстро протёрла столик Айрис, а затем нагнулась над распростёртым телом пожилой женщины и вынула из её сумочки винный сосуд.

— Тебе хорошо заплатят за неместную, — сказал ей кто-то.

— Попрошу, чтобы вернули тушу после фестиваля, — засмеялась женщина. — Что если мы сделаем из неё чучело и повесим его над баром?

Снова раздался одобрительный рёв.

Барменша отправила мальчишку сообщить Палачу о своей добыче.

***

Доктор читал о золотых медведях, которые, якобы, сбривали свою бесценную шерсть и жили рабстве у женщины, обладавшей великой некромантской мудростью. Предположительно, медведи Кестхевена мирно жили в своих лесах, в гротескном подобии цивилизованного урбанистического общества. Всё вышесказанное, как прочёл Доктор, было неправдой. Это была ничем не обоснованная выдумка, которую фортализянам занесли чужаки-еретики, которые тоже не существовали.

Это был неблагодарный труд. Стоило ему прочесть абзац, в котором описывалось хоть что-то конкретное, как следующий абзац тщательно разбирал каждое слово предыдущего, утверждая, что это неправда. Медведей Кестхевена урезали до несуществования так же тщательно, как они сами поступали со своим золотым мехом. А правившая ими колдунья, как прочёл Доктор, тоже была вымыслом. Если так и дальше будет, то эти книги убедят его — да, даже его — что не существует абсолютно ничего.

— Узнали что-нибудь полезное?

Подняв голову, Доктор увидел, что перед ним терпеливо стоит библиотекарь. Он широко улыбнулся, узнав в глазах мужчины блеск любопытства.

— Много, — сказал Доктор. — Я читаю только самое интересное. А скуку про эпистемологию и истинное значение пропускаю.

Библиотекарь был в шоке:

— Должна быть иерархия истин! Ваше образование будет неполным.

— Вот и хорошо! — засмеялся Доктор. — Я ненавижу иерархии. А особенно иерархии истин. Я предпочитаю иметь своё собственное мнение, и именно так и будет с Лесом Кестхевен. Как по мне, то всё в равной степени верно, пока я не увижу что-то собственными глазами. И даже тогда ещё останется место сомнениям, — он встал. — Видите? Я поверю во что угодно. Я абсолютно доверчивый.

— Глупец.

— Возможно. Но я хочу познакомиться с этими золотыми медведями и их царицей-колдуньей.

— Это невозможно. Они не существуют.

— А я думаю, что существуют. Нельзя всегда верить прочитанному в книгах.

— Всему, что вы прочтёте здесь, верить можно. Мы описываем этих гипотетических существ исключительно для отрицания возможности их существования.

— Да, а я собираюсь познакомиться с ними, — он громко захлопнул второй том «Неопределённости». — Можете меня проверить. Как вас зовут?

— Гхариб.

— Мне принести вам потом прядь золотой шерсти в качестве доказательства?

Гхариб покачал головой и попятился от него. Быть может, — подумал он, — Доктор опасен?

— На Земле, — сказал Доктор, — на планете, отрицанию существования которой у вас

наверняка посвящён один из томов, жил когда-то последний человек, который прочёл все имевшиеся на то момент книги. Его звали Самуэль Тейлор Коулридж, и попытка знать всё не сослужила ему хорошей службы. Во всяком случае, с моей точки зрения. Он постоянно засыпал, видел сны и забывал свои стихи. Он был последним человеком такого типа. Последним настоящим экспертом во всём. Все же остальные, боюсь, лишь утверждают, что они такие же, — он расправил свой зелёный сюртук. — Я, пожалуй, пойду.

— Вы уже закончили?

— Я знаю всё, что мне нужно знать.

Когда Доктор пошёл к выходу, библиотекарь засуетился и — ожидаемо — позвал его вернуться.

— Я покажу вам карты. Они наверху, в башне.

Доктор повернулся к нему:

— Я знал, что вы не устоите перед моим обаянием.

У Гхариба был несчастный вид:

— Меня накажут за то, что я вам их покажу. Здесь ненавидят карты. Мы не должны их рассматривать.

— Вы не должны расширять свои горизонты?

— И не только это, — Гхариб подвёл его к нише, из которой вверх вела спиральная лестница. — Полная, завершённая карта стала бы абсолютным знанием, которое нужно критиковать и категорически отрицать. Но карты никогда не бывают ни завершёнными, ни абсолютно точными. Это невозможно. Карта — допущение поражения знания. Что-нибудь обязательно

останется для картографа незамеченным. Карта всегда временная. Карта, если хотите, квинтэссенция временности, — рассказывая эту ересь, Гхариб не на шутку разволновался. — Это запись расширяющегося, безграничного мира, слияния известного с тем, что станет известным. Вот почему мы тут должны ненавидеть карты.

— А вот мне, — сказал Доктор, радостно идя за ним по гладким ступеням башни, — они нравятся.

***

К полудню Хила и Сэм закончили грузить автобус провизией, которой должно было хватить на пару недель. Еда — особенно странного вида овощи — была плохая и не очень приятная на вид. Неудивительно, что местные выглядели недокормленными. Но они сделали, что смогли: торговались, менялись на разные безделушки и куски электроники, найденные в багажнике автобуса.

— Надеюсь, мы не избавились ни от чего, что Айрис хотела сохранить, — сказала Сэм.

— Если даже и избавились, так ей и надо, — пробормотал Хила.

Сейчас, когда на городской площади начали собираться люди, они привлекали к себе ещё больше взглядов. Вокруг них была гомонящая толпа.

— Что-то не так, — заметила Сэм. — Может быть, нам лучше подождать в автобусе?

Прилетел камень и ударил Хилу по спине. Хила резко обернулся и зарычал.

— Это он кинул, — указала Сэм.

Мужчина, у которого они купили хлеб. Они расплатились с ним тем, что Хила назвал «частично разобранным и бесполезным обнаружителем эфирных лучей». Мужчина чуть слюной не подавился, так ему хотелось заполучить этот экзотический предмет. Он выхватил устройство у них из рук, впихнул им в руки буханки хлеба и выдворил их из магазина. А теперь кидал в них камнями. Ещё несколько камней ударили по автобусу. В тесной толпе завязалась драка.

— Не нравится мне это, — сказала Сэм.

— Иди в автобус, — прошипел Хила.

И тут, словно по сигналу, толпа бросилась на них.

Глава 12
Королева безвластия

Уже довольно давно она знала, что очень больна. Этому телу было уже очень много лет, и Айрис оно очень нравилось; она знала его форму, его текстуры, его возможности, она привыкла ощущать его своим. Она чувствовала себя почти смертной. Она становилась толще и неповоротливее, но сама предпочитала называть это «опытом». С некоторой гордостью она размышляла о том, что это её воплощение пережило и видело пять Докторов. Или правильнее было бы сказать «пять вариантов Доктора»? Как всё меняет грамматика, — рассуждала она. Изменение на одно слово определяло разницу между восприятием Доктора как отдельных, хотя и загадочно связанных друг с другом личностей, или же видеть в них проявления единой основы не изменяющегося в своей сути существа. Различие между этими фразами выражало онтологическую проблему того образа жизни, которого придерживались она и Доктор.

Айрис имела склонность думать о такого рода вещах. Именно о таких вещах она думала в те моменты, когда наступали приступы её болезни. А в последнее время они происходили всё чаще. В такие моменты она уходила в себя, мобилизовала резервы сил, чтобы пережить болезнь и её проявления. Месяц назад она очнулась на втором этаже автобуса и обнаружила, что пробыла без

сознания три дня. После этого ей впервые стало страшно.

У неё всё болело, время от времени она теряла сознание, иногда её сердца бились то чаще, то несинхронно. Иногда она с трудом дышала, как будто бы забыла, как это делается.

Что за глупости, — думала она. — У меня есть ТАРДИС. Я могу разыскать лучшую медицинскую помощь, которая когда-либо была. Где-то в космосе должен быть кто-то, кто мне поможет.

И, тем не менее, она гнала эти мысли, позволяла другим, мелким заботам отвлечь её от болезни. Так она делала до тех пор, пока не обнаружила, что эти три ночи пролежала без сознания, болтаясь в вихре. Это убедило её в том, что она не выздоравливает. Нужно было предпринимать радикальные меры. И вот она прибыла на Хисперо.

Смерти Айрис не боялась. В своих путешествиях она много раз смотрела ей в глаза. Почти каждый день, вообще-то. Она встречала почти стольких же диктаторов, заговорщиков и наёмных убийц, сколько и Доктор. Однако инстинкт самосохранения у неё был сильнее, она не подвергала себя риску ради других так, как это делал он. Когда наступит время расстаться с этой жизнью и перейти в следующую, она встретит свою новую «я» с радостью.

Всего несколько дней назад Айрис говорила об этом с Сэм, когда они сидели в кабине автобуса. Сэм спросила, переживала ли когда-нибудь Айрис

о смерти. В душе пожилая женщина вздрогнула, но вслух сказала:

— Я знаю, что в конечном итоге со мной всё будет хорошо. Во всяком случае, какое-то время, — она широко улыбнулась. — Помнишь, я рассказывала, что когда-то встретила свои предыдущие воплощения? Нас семерых против наших желаний собрали на ужасно невзрачном пустыре на Галлифрее, где проходили гладиаторские бои. Нас туда перенёс этот ужасный вернувшийся Морбиус. Мы, девочки, объединились, чтобы общими силами выбраться из этой передряги. Я была пятым номером… собственно, я и до сих пор пятая, а тогда познакомилась с шестой. Я не должна была запомнить это, но почему-то запомнила. Так что я знаю, что я выживу. Во всяком случае, в одном из таймлайнов. Она была роскошная, изящная, сексуальная, по человеческим меркам ей было лет тридцать, густые медового цвета волосы. Она была одета в блестящее пластиковое бикини очень смелого покроя и обута в высокие сапоги. Она была чем-то похожа на Джейн Фонда.

Сэм это, похоже, впечатлило.

А вот чего Айрис Сэм не стала рассказывать, так это того, что если её болезнь будет прогрессировать с такой же скоростью и приведёт к аннигиляции всех клеток в этом теле Айрис, то нечему будет регенерировать в ту следующую, чувственную. Всё тогда изменится.

Она резко очнулась в сырой камере, где-то под домом Палача Форталиса. Она вскрикнула от боли.

Опять мне болезнь снилась, — уныло подумала она. Болезнь преследовала её и во время бодрствования, до такой степени, что недавно ей захотелось схватить Доктора за его вельветовые лацканы и закричать ему в лицо: «Я умираю, дурак! Хватит уже болтать языком, спасай меня!» Но что-то её всегда удерживало. Ей нужно продолжать свою миссию. Это была её единственная надежда.

А теперь кто-то или что-то взяло её в плен. Хуже того, она была одна. Некому было помочь избавиться от кандалов, отпереть замки на двери, пройти по лабиринтам коридоров, которые наверняка были за дверями этой камеры. Никого.

Её голова до сих пор болела от того, что было подмешано в вино.

— Выпустите меня! — завопила она.

Дверь щёлкнула и отворилась.

Она села и обнаружила, что оков на ней нет. Поправив на себе кофточку, она нерешительно вышла в каменный зал, освещённый свечами, расставленными по изысканным кованым украшениям. Стандартный застеночный антураж, — подумала она.

Она прислушалась. Сквозь толстые каменные стены доносился шум толпы. Голос толпы — ликование и смятение. Где-то там происходит бунт, а у неё небрежный тюремщик. Она крадась по коридору, на развилке свернула влево, потом ещё раз влево, а потом ещё и ещё. Она пришла к выводу, что больше ей не хочется быть одной. Красться по коридорам не имея возможности

недовольно шикнуть на спутника — это совсем не то. Быть может, удастся уговорить Сэм бросить Доктора?

Снова свечи, мерцающие в зловещем мраке.

Из теней могло выйти что угодно, но Айрис была привычна к чему угодно. Она и что угодно были очень старыми друзьями.

Когда она оказалась в комнате с окном, из которого открывался вид на город, и с мужчиной, который смотрел на потасовку внизу, она не удивилась. Это был её небрежный тюремщик — коренастый непривлекательный человек в капюшоне. Обернувшись к ней, он неприятно улыбнулся, отчего стало видно, что многих зубов у него не было.

— Ты проснулась, — сказал он.

Она кивнула.

— Иди, посмотри на резню, — предложил он. — В этот раз они разошлись не на шутку. Я удивлюсь, если к полуночи не погибнет половина горожан.

Она стала рядом с ним возле парапета.

Под ними город Форталис сражался сам с собой. Ей было видно примерно квадратную милю улиц, все они бурлили жизнью, детали было тяжело разглядеть из-за поднявшейся пыли и постоянного движения тел. Повсюду кого-то бросали и швыряли, повсюду кого-то бил и раздирал на части руками кто-то другой, очертя голову бросившийся в кровавую рукопашную. Насколько смогла понять Айрис, там не было ни враждующих сторон, ни фракций. Тела сражались

с ближайшими к ним телами в какофоническом ландшафте в духе Босха.

Перекрикивая шум, она спросила своего тюремщика:

— Они что, сошли с ума?

— Да, — сказал он. — Сегодня тот день года, в который форталисянам разрешается быть безумными.

— А вы, как я понимаю, Палач?

— Таково моё предназначение. Идём со мной, пожалуйста.

Она фыркнула:

— Нет уж, спасибо.

— Но тебе нужно предстать перед публикой.

— Перед публикой?

— Ты королева этого безвластия. Гостья. Квинтэссенция всего, о чём мы сожалеем. Ты воплощение свержения.

Он повёл её от окна. Она осторожно шла следом.

— И что?

— Ты должна быть коронована перед лицом всего народа. Это зрелище успокоит их… неистовство.

— Понятно, — сказала Айрис.

Он вёл её вниз по лестнице. Его тихое поведение сломило её волю. В нём было что-то настолько тёмное и непритязательное, что она не ощущала угрозы. Было такое ощущение, будто она говорит ни с кем.

***

Времени зайти в автобус не было. Да и сомневалась Сэм, что корабль Айрис способен защитить их от толпы. Их окружила масса злых тел. Её и Хилу разделили. Сэм сосредоточилась на расталкивании своих противников, избегании их ударов и проныривании между ними. Они были пьяные и неуклюжие. Она вдруг заметила, что в воздухе был запах спиртного. Запыхавшись, подстёгиваемая адреналином, она пробивалась сквозь них, пытаясь найти путь к спасению. За время своих путешествий она немного научилась рукопашному бою. Доктор, разумеется, не одобрял поспешное использование оружия, но при этом сам не брезговал воспользоваться кулаками, когда этого требовала ситуация. Серией отчаянных ударов Сэм опрокинула нескольких нападавших.

Вокруг неё стало свободнее: горожане немного отступили, увидев, как она расправилась с мужчинами, которые считали её лёгкой добычей. Она остановилась, тяжело дыша и утирая струйку крови со рта, и поняла, что общая атмосфера заразила её. Она чувствовала ликование, ей хотелось ещё. В промежуток между телами она увидела, что большую часть ненависти толпа направила на Хилу. Из-за того, что он выглядел иначе, они навалились на него. Он был для них воплощением чужеземного, чудовищем, и они изливали на него всю силу своего отвращения и ненависти. Хила бушевал и не щадил их, сдирал буйных пьяниц со своей спины, но численное преимущество было на их стороне. Громко

крикнув, он упал и исчез под кучей грязных горожан.

Вопя во всю глотку, Сэм пыталась пробиться к нему.

Когда она нашла упавшего Хилу и снова ввязалась в драку, она краем глаза увидела возле передней части автобуса большое пламя. Крики, визг, вой. Толпа отступала. Те, кто прижимал Хилу к земле, и те, кто пинал его беспомощное тело, подняли головы и увидели приближавшуюся к ним женщину. Она была вооружена чем-то вроде изящного огнемёта.

— Отпустите ящерицу, — холодно сказала женщина.

Она была в голубой тоге, как Мадонна эпохи Возрождения. Её решительное лицо поблёскивало от пота. Огнемёт изрыгнул ещё один язык пламени, который развернулся у них над головами.

Сэм замерла на месте и почувствовала, что её руки покрываются потом. Обернувшись, она увидела, что остальные отступили от неё.

— Оставьте этих двоих в покое, — приказала женщина, и со стороны форталисян почти не было возражений.

Она похожа на монашку, — подумала Сэм, когда женщина позвала её помочь вытащить раненого Хилу из грязи.

— Его раны поверхностные, — сказала женщина. — Идёмте со мной.

Хила тяжело опёрся на Сэм, его грубая шкура царапала ей кожу. Скривившись, она пошла за

женщиной, пламенем прокладывавшей дорогу в толпе.

Сэм увидела, что женщина в голубой тоге ведёт их к храму в дальнем углу площади. Убежище.

***

— Я должен спуститься к ним, — импульсивно сказал Доктор, отходя от окна, выходившего с верхнего этажа библиотеки на площадь.

Гхариб покачал головой:

— Они уже спасены, Доктор. Они у Нашей Госпожи Цветов. Они теперь под её защитой.

Доктор ходил туда-сюда по комнате с картами, бормоча себе под нос:

— Как я мог быть таким идиотом? Позволил им уйти одним в такой день.

— Вы не могли знать, — сказал библиотекарь. — Вы не местный.

Теперь он улыбался Доктору, словно подобрев. Было в его взгляде, рассматривавшем гостя с ног до головы, что-то оценивающее.

Далеко внизу — они забрались на самую высокую башенку библиотеки — шум бушующей толпы возобновлялся.

— И Айрис тоже где-то там.

Гхариб раскрывал один за другим тонкие ящики, поднимая тучи голубой пыли:

— Вы пришли сюда, чтобы увидеть вот это. Я рискую своей жизнью, показывая вам их. Прежде чем уйти, может, всё-таки взглянете?

Доктор подбежал к нему:

— А у вас есть карты, у которых по краям чудовища нарисованы? Морские твари, драконы и русалки на полях? Мне такие всегда нравились.

Гхариб вынимал карты одну за другой:

— Наши карты все такие. Потому что всё, что находится на краях, за пределами стабильного, тихого центра, чудовищно.

— Как скажете, — пробормотал Доктор и взялся исследовать карты, уткнувшись в них почти что носом.

***

Для Форталиса она была чем-то очень необычным — неместной, которую пощадили и которой позволили жить в городе. Больше десяти лет назад она спустилась с холмов, одетая в голубую тогу, и беззаботно пошла на городскую площадь.

В ней было что-то такое, что заставляло людей остановиться и проводить её взглядом. Она смотрела на них спокойно и решительно, на её лице не было ни единой морщинки, ни единого следа возраста или тревоги. То же самое можно было сказать и о форталисянах, существовавших в их постоянном самообновлении, но на их лицах оставлял отпечаток климат, не прекращающиеся пустынные бури. Наша Госпожа, как они стали её называть, казалась им такой чистой. Стихия, казалось, никогда не касалась её, была не властной над ней. И в то же время она утверждала, что пришла с гор, что всю свою жизнь прожила там. Некоторые говорили, что её вырастили волки, другие считали, что это были

ангелы. Какой бы ни была её история — Наша Госпожа никогда много не рассказывала — они пощадили её и позволили жить в их храме, пустом заброшенном строении со сломанными шпилями и куполами-луковицами. Исходное предназначение храма уже никто не помнил, поэтому Нашей Госпоже позволили взять его себе, а она восприняла это как нечто само собой разумеющееся.

Помимо притягательной чистоты, у Нашей Госпожи был ещё один дар, из-за которого фортализяне и их тогдашний Палач решили оставить её. В этой сухой, суровой местности она умела выращивать необычнейшие растения. Она пришла сюда с пустыми руками, но почти сразу после того, как обосновалась в разрушенном храме, она вызвала беспрецедентный рост флоры. Она специализировалась на экзотических растениях — бесполезных, показных созданиях, которыми были забиты внутренний двор, комнаты, коридоры и все остальные внутренние помещения сырого здания.

Фортализяне подходили ближе, чтобы рассмотреть, чего ей удалось добиться за короткое время. Остальной город был таким же сухим и пыльным, как и всегда, но в храме Нашей Госпожи бушевал чудовищный рог изобилия. Покрытые шипами плети, на которых цвели розы, тянулись к потолкам-куполам и свешивались вниз, ловя невнимательных. Похожие на духовые инструменты цветы лилий, украшенные блестящими ароматными каплями, торчали во

мраке, а цветы анемонов, которые были размером с кочаны местной капусты, завернули внутри себя свои секреты и испускали приторный аромат — именно он и привлекал сюда горожан. Но также это вызывало у них и отвращение — эти запахи и внешность намекали о тоске по другим местам. Растения, источавшие ароматы и роскошь, заполнили весь интерьер; храм был переполнен жизнью. Поговаривали, что те, кто украдкой проникал в храм, редко оттуда возвращался. Палач тех времён провозгласил, что никто из его народа не должен отправляться в это соблазнительное растительное царство.

Наша Госпожа Цветов почти не выходила из храма. Она сидела в своей нефритовой фабрике, позволяя ветрам пустыни разносить опасные запахи её процветающего дома по всему городу.

Медленно, постепенно, бесконечно прагматичные флегматичные форталисяне начали поклоняться ей. Они приносили ей в качестве подношений собственную продукцию, клали на её порог свои жалкие плоды. Похожие на мёртвые головы тыквы, похожие на камни луковицы. Ночью эти вялые подношения пропадали, а к утру вместо них были другие, ошеломительно спелые, самые соблазнительные фрукты, которые можно было найти во всей округе, как будто бы за эти несколько часов произошло какое-то алхимическое превращение. Население набрасывалось на эти плоды с жадностью, дерясь за подарки Нашей Госпожи. Иногда эти фрукты во время драки

раздавливали. Особенно хорошо Нашей Госпоже удавались плоды граната.

***

— А она не очень разговорчивая.

Они сидели в маленьком заросшем помещении. Свет тут имел зелёный оттенок. Сэм в ожидании села на сырой камень, и ей казалось, что она слышит, как по толстым прозрачным жилам окружающих её растений движется хлорофилл. Теперь, когда она была в безопасности, защищена от толпы, ей было приятно расслабиться в созерцательном спокойствии. Но она до сих пор была взвинченная, готовая к бою. Окунув руку в тёмный пруд, возле которого их оставили, она провела ею по своим светлым волосам, наслаждаясь прохладой.

Поверхность пруда отбрасывала на каменные стены пятна потустороннего, подземного света.

Наша Госпожа ушла, пропала в зелени.

Хила погрузился в воду. В пруду было столько водорослей, а вода казалась такой бездонной и густой, что в некоторые моменты Сэм не видела ничего, кроме обнадёживающей струйки весёлых пузырьков. Сэм вспомнила о гиппопотамах в зоопарке и о том, как она гуляла там со своими родителями, которые были глубоко возмущены бесчувственностью тех, кто содержит умных животных в загонах. В воде, погрузив морды, находились трое бегемотов; они медленно двигались, словно ожиревшие толстокожие лошади, по очереди ныряя на дно своего грязного бассейна. Сэм спорила со своими родителями

(которые, несмотря ни на что, были поражены) о том, какой бегемот нырнёт следующим. Они руководствовались странным, малопонятным расписанием, а когда резко выныривали, с их огромных зубастых морд стекала зелёная вода. Сэм, разумеется, стояла слишком близко; её зачаровывала их великолепная сила.

А вот из воды вынырнул Хила, создав фонтаны пены, напоминая ей о своей необычности. Его шкура и узкие, хищные глаза сверкали, делая его ещё более похожим на аллигатора.

— Кем бы она ни была, мы её должники, — сказал он.

— А что там вообще происходило? Эти люди друг друга били не меньше, чем нас.

Хила улёгся спиной на каменный пол и равнодушно пожал плечами:

— Какой-то карнавал местный. Я же говорил тебе, что люди тут очень странные.

— По крайней мере, её они не проигнорировали, — Сэм улыбнулась абсурдности происшедшего. Впервые её спасли при помощи огнемёта.

А затем появились дети. Позади раздался шорох, и из зелени вышли две оборванные фигурки. Они были грязные, их глаза казались почти чёрными.

— Ой-ой, — Сэм встала. — «Деревня Проклятых», не иначе.

— Наша Госпожа желает вас видеть, — сказала девочка, глядя на них с плохо скрытым любопытством.

Они позволили отвести их в главную часть храма, в которой джунгли были ещё гуще. Куполообразный потолок уходил всё выше, и перед ними появились деревья с толстыми стволами и торчащими вверх ветвями, с которых свисали гроздья огромных листьев, полных невиданной жизни.

А ещё, пока Хилу и Сэм вели к их спасительнице, они поняли, что внутри заросшего храма полно детей. Из тёмных проходов между кустами и рощами на них таращились. Эти чёрные глаза были повсюду, они наблюдали за ними, перепуганные и весёлые.

— Забираю свои слова про «Деревню Проклятых», — сказала Сэм. — Это страна манчкинов.

Хила не выдержал:

— Прекрати уже свои инопланетные отсылки. Тебе бы понравилось, если бы я постоянно упоминал Ибн-Аль-Надима или Аджа'иб?

— Извини, — сказала Сэм.

Ей не приходило в голову, что на Хисперо никто не видел «Волшебника Оз». Она думала, что этот фильм или какую-то местную вариацию на его тему видели все. В своих последних путешествиях она стала обращать внимание на разные мифы и сказки и на их общие корни, поскольку они возникали в разных местах и временах словно независимо друг от друга. Доктор был большим фанатом таких схожестей фольклора, он сказал, что в хелонийскую версию «Золушки» невозможно поверить, пока сам её не увидишь.

И тут она вспомнила:

— Эй! А я знаю, что такое Аджа'иб. Доктор... нашёл такую книгу в городе. Не может от неё оторваться.

Хила помрачнел:

— Это плохая книга.

— Да?

— Работорговец, который увёз меня с моей родины, сказал, что участвовал в её создании. Хотя Аджа'ибу уже тысячи лет — за это время к его созданию приложили руку многие — в этом тексте большая сила.

— Что же, — беспечно сказала Сэм. — Доктор любит почитать что-нибудь пикантное.

Они пришли на тесную полянку, на которой был стол из зелёного кованого железа, накрытый любопытными деликатесами. Были ломтики сочного розового пирога и что-то похожее на херес, который был настолько старый, что когда Наша Госпожа осторожно наливала его, он вытекал как патока.

— Сядьте со мной, — сказала Наша Госпожа, — и расскажите мне свою историю.

Её голос был приятный, гостеприимный, но Сэм не могла заставить себя прекратить рассматривать идеально белые лицо и руки. Она подумала, что похожая белая плоть бывает у личинок, живущих под камнями и гнилыми стволами деревьев в самых дальних и тёмных уголках леса.

***

В себялюбивом, самодостаточном городе Форталис путешественники оказались безнадёжно разъединёнными и попали под влияние трёх разных сил. Библиотекарь, Палач и Монашка. Это был один из многих поворотных моментов их путешествия. Эти отдельные силы оказали влияние на гостей, как и на любых других посетителей этого города.

Однако никто из четверых ни на секунду не забывал об их квесте. Где-то на задворках своих сознаний, в поисках защиты от насилия, разразившегося на закате в этом городе, все они осознавали главное стремление: вернуться в автобус, воссоединиться, уехать и искать свою цель. Айрис повторяла как мантру имена тех, кого ещё нужно было найти на этой планете: Бородатая Дама, Герцогиня-Киборг, Псевдо-Черепах. Где-то… где-то в необъятных просторах Хисперо они ждут её. Но вначале следовало избавиться от влияния Палача, Библиотекаря и Монашки.

Палач монотонным, похоронным голосом читал ей лекции о своём искусстве, о бесконечно разнообразных и оригинальных методах убивать людей. Пытка была его страстью, его любимым коньком. Но в Форталисе его талантам находилось мало применения: пытать иноземцев означало принуждать их сознаться, то есть сообщить нелегальное знание, произнести их чуждые ереси и вымыслы, а именно этого Палач слышать как раз и не хотел. Пытка была его личным, эксклюзивным пороком, но он всегда начинал с отрезания языка жертвы, чтобы предотвратить

нежелательную болтовню. О помиловании его просить тоже было бессмысленно.

— Как мило, — сказала Айрис и слушала, сдерживая возмущение, о том, как он описывал аппарат на городской площади, в который он поместит её в полночь и выпотрошит у всех на виду. Он описывал оргиастическую радость, которую они испытают от этого зрелища.

Айрис побледнела:

— Это словно огромная яйцерезка!

И как яйцо, или как гусыню, снёсшую золотое яйцо, её театрально вскроют, извлекут на глазах у зрителей её золотые сердца, когда часы пробьют полночь. У Айрис было два сердца — два желтка — и как же они обрадуются, узнав об этом.

Пока Палач бубнил о своих профессиональных навыках и о духовных благах такого рода ритуальных приношений, этой непонятной, бессердечной искупительной жертвы, Айрис смотрела в окно на темнеющее небо и молилась о том, чтобы Доктор, где бы он ни был, снова пришёл и спас её.

Глава 13
Вырывание её сердец

Ничего не совпадало. Он просматривал карты одну за другой, но ничего не повторялось. В каждой следующей просмотренной им карте целые горные хребты, моря и пустыни оказывались смещёнными, перенесёнными, или искорёженными, как неудачное вязание. Каждый из картографов пользовался своими собственными методами, своим масштабом, своими условными обозначениями. Ничего не совпадало. На каждой следующей карте Хисперо преобразовывался во что-то другое.

— Картографы приезжали из разных стран, в разные эпохи, — сказал ставший заботливым Гхариб.

Не слышались ли в его голосе нотки иронии? Скрытое «Вот видите? Это бесполезно. Никто не может знать Хисперо более или менее точно. Лучше это игнорировать, отрицать, знать только то, что можно знать». Доктор подумал, что именно это ставящее в тупик непостоянство остального мира и сделало форталисян такими близорукими. Он увидел кусочек корня причины их безразличия. Его же это лишь соблазняло.

Каждый картограф видел и воспроизводил мир своим собственным загадочным и предвзятым образом. Отдельные черты либо преувеличивались, либо игнорировались. Некоторые рисовали сказочно нелепые версии мира, которые не были

похожи ни на что другое. Некоторые карты были нарисованы теми, кто утверждал, что побывал в каждом уголке этой огромной территории, а другие хвастались тем, что никогда не покидали своё кресло.

После Доктора в тайной комнате карт был полный беспорядок. Это напоминало места его рассеянной хаотической работы на борту ТАРДИС. Развёрнутые хрупкие свитки лежали на всех доступных поверхностях, а он в неподобающей спешке рассматривал их детали своими проницательными зелёно-голубыми глазами.

Он вспомнил виденные им карты Земли, ещё той эпохи, когда Австралия была великим неизвестным. Её края были аккуратно нарисованы подробными, но искажёнными деталями, а вот центральную, ещё неисследованную часть, оставили на целую четверть мирового пространства. Незнание позволяло этим пустым пространствам увеличиться, аналогично тому, как на Галлифрее робкие, всё ещё суеверные повелители времени считали заброшенную Зону Смерти гораздо большей, чем она была на самом деле. Доктор побывал в ней и знал (как и Айрис, что удивительно), что Зона Смерти на самом деле не больше Северного Уэльса. Он знал, что карты — отнюдь не чёткие и бесстрастные отображения фактов, а выражения страха, завоевания, отвращения, жадности, воображения и неудержимого любопытства.

Кестхевен — большой лесной массив к югу отсюда — появлялся под несколькими разными названиями: Кссвн, Кест, Кхе'вин, Каастн, Киишт.

Снова и снова он был украшен рисунками чудовищных медведей и свирепого вида хищными птицами с окровавленными клювами. Время от времени клювы птиц и шкуры медведей были нарисованы золотыми чернилами. «К югу отсюда» — это была вся информация, которую он смог почерпнуть из этих сомнительных источников. Одна или две карты из наиболее древних среди найденных им имели наброски путей от подножий гор в зелёные долины. Он порылся в карманах в поиске бумаги и карандаша. Найдя только Аджа'иб, он принялся грубо копировать контуры. Гхариб, заикаясь, сказал:

— У вас есть книга.

Доктор кивнул, улыбнувшись. Он забыл, что Аджа'иб может встревожить хранителя тысячи и одного тома.

— И вы её портите!

— Глупости, — сказал Доктор, бывший закоренелым любителем писать между строк и на полях.

Некоторые из самых старых, самых ценных томов в библиотеке ТАРДИС были переполнены комментариями, написанными во время неоднократного прочтения на протяжении долгих лет. Все Доктора сделали свой вклад, спорили с автором, потом друг с другом: их горячо защищаемые мнения менялись. Для Доктора его собственные книги были местом, где его

предыдущие я встречались в полифонии текста. Все его книги были плотно исписанными палимпсестами.

— Что это за книга? — спросил Гхариб жадным голосом.

Доктор завершил делать быстрые пометки.

— Боюсь, я не могу её дать вам. Я к ней очень привязался. Это большая антология, своего рода рассказы о приключениях. То что надо для одиноких ночей в пустыне. Вот, послушайте.

Он раскрыл книгу в случайном месте и начал читать Гхарибу о расе людей, созданных из расплавленного серебра, чьи внутренности были ртутью, которые поднялись из глубин, скрытых ледяной корой планеты.

Библиотекарь инстинктивно закрыл уши.

— Но где же предостережения? Где эта книга отрицает существование всего этого? Где сноски, которые опровергают эти возмутительные предположения?

— Здесь нет ничего такого, — сказал Доктор. — Тут просто рассказывается о чём-то, и на этом всё. Дайте-ка я найду то место про огромную белую птицу, которая сидит в начале времён... — он начал листать страницы.

— Вам нельзя иметь такое, — библиотекарь ловко выхватил книгу из рук Доктора.

— А, — сказал Доктор и тут же забрал книгу. — Ненавижу одалживать книги. Их никогда не возвращают.

— Не в тех руках эта книга опасна, — сказал Гхариб.

— Мои руки — те, — примирительным тоном ответил Доктор.

— Я не могу позволить вам покинуть это здание и вынести на улицы Форталиса книгу ереси.

— В данный момент форталисянам гораздо интереснее избивать друг друга.

Разочарованный библиотекарь убирал карты, распихивал их лишь бы как по ящикам.

— Не нужно было мне приводить вас сюда.

— Ну, тогда я пойду, — сказал Доктор, — и всё будет так, словно меня никогда тут и не было.

— Я не могу, — лепетал Гхариб. — Я не могу позволить вам уйти, если вы не оставите эту книгу.

— Боюсь, я не хочу этого делать.

— В таком случае я очень сожалею, Доктор, — сказал Гхариб, и комнату тут же наполнило ядовитое зелёное облако. Оно зловещим образом вытекало из зазоров между стопками бумаг на полках. Его действие было мгновенным.

Падая на колени, а затем головой вперёд на каменную плитку, Доктор бранил себя: какой смысл в обходной дыхательной системе, если нет времени ею воспользоваться? А потом он потерял сознание и замер рядом с Гхарибом, который и сам не избежал воздействия газа.

***

На городской площади бы зажжены факелы, а также несколько погребальных костров, на которые водрузили тела тех, кого убили во время вечерних гуляний. Небо стало ещё темнее, вообще непроглядным из-за едкого дыма,

поднимавшегося от костров. Избитое, истекающее кровью население охватило новое, более спокойное настроение. Они были слишком поражены, чтобы продолжать драться, они ковыляли во тьме к грубо сколоченной сцене, установленной напротив дома Палача. Его аппарат, накрытый красными и чёрными тканями, был готов к последней церемонии, ради созерцания которой и собирались люди.

Гроза ещё не началась. Тучи, состоявшие не только из дыма, собирались над городом, нагромождались, словно ожидая какого-то сигнала.

— Почему они дерутся друг с другом? — спросила у Палача Айрис. — Что их заставляет?

Он пожал плечами так, словно это его нисколько не заботило.

— Простой трюк. Они целый год копили обиды на близких. Нам нужны эти драки, чтобы выпустить пар. Этот город не был бы таким мирным, если бы не эта возможность разрядиться.

Айрис и Палач находились в маленькой камере за сценой, ожидая, словно актёры, свой выход. Сквозь щели между досками она видела толпу, чувствовала жар её факелов, запах крови и перегара. Странно, но страха она не чувствовала. Она думала о Мэри, Королеве Скоттов, которую вели на казнь. И она думала не о самой Мэри, которую тогда видела, бледную и обезумевшую; в воспоминаниях Айрис Мэри была похожа на Кэтрин Хепбёрн в одноимённом чёрно-белом кинофильме. Айрис вздохнула. Это была одна из

опасностей её путешествий и знакомства со слишком большим количеством фильмов: она часто путала то, что видела, пережила или читала. Как бы там ни было, она старалась изображать королевское достоинство, хотя и не могла всерьёз поверить, что это её конец. Она уже бывала в таких передрягах и выживала. Что-то или кто-то всегда являлся в последний момент и спасал её. Не в её это природе — сгинуть в такой дыре. Тем не менее… в каком бы виде не собиралось явиться спасение, оно явно не торопилось.

— Время почти настало, — сказал Палач. Они стояли за кулисами и ждали, пока зрители успокоятся, прекратят разговаривать и шуршать обёртками конфет. — Тебе следует помолиться своему еретическому божеству, каким бы оно ни было.

Айрис презрительно фыркнула. А затем спросила:

— Ты сказал, что позволяешь фортализянам выпустить пар при помощи простого трюка. Что ты имел в виду?

— Ты думаешь, что я раскрою тебе секреты управления толпой?

Она кивнула:

— О да.

— Всё дело вот в этом, — он указал на небольшое устройство, пристёгнутое пряжке его пояса.

Оно было похоже на пульт дистанционного управления телевизором. Это ничего не сказало Айрис, которая никогда не могла отличить один

ПДУ от другого. Ей нравилось более непосредственное управление.

— Что оно делает?

— Усиливает антагонизм. Добавляет его к доминирующему настроению. Заставляет всех, кто находится поблизости, временно обезуметь. Они видят то, чего нет.

— В таком случае это очень удобная штука, — одобрила она.

Он мрачно улыбнулся ей, и она подумала: «Если бы он не пытался изображать из себя такого крутого и не носил этот ужасный садо-мазо прикид, он был бы довольно симпатичный».

Он сказал ей:

— Даже и не думай, — он отстегнул устройство и положил его среди большого набора грозных, противных инструментов пытки, которые, судя по их виду, никогда не мылись. — Идём. Пора тебе выходить. Публика уже заждалась.

Айрис позволила вытолкать себя сквозь люк на сцену. При её появлении толпа закричала.

— Всё это очень интересно с точки зрения антропологии, — сказала она. — Ты когда-нибудь читал работы французского культуролога Мишеля Фуко?

Палач проверял верёвки, шарниры и пружины. Зачехлённый аппарат не сулил ничего хорошего.

— Нет, — резко сказал он, снова превратившись в угрюмую личность, которой он был на публике.

— Жаль, — сказала Айрис. — Думаю, тебе бы понравилось то, о чём он пишет.

***

— Здравствуйте, — сказал он, когда проснулся. — Я Доктор.

На него сверху вниз смотрел новый пленитель.

Доктор был привычен к тому, что попадал то в одни руки, то в другие; всю свою жизнь он попадал из огня да в полымя. Когда он очнулся и обнаружил, что его привязали к стулу, а рядом с ним сидит связанный Гхариб, а находятся они на балконе, на самом верху здания библиотеки, он ни капли не удивился. Доктор знал о преимуществах, которые можно получить, не показывая врагу, что тому удалось выбить тебя из колеи.

Так что же это за враг? Пока что Доктор не знал, какие у врага намерения. Лучше не торопиться с суждениями. Тем не менее, мужчина, наблюдавший за тем, как приходили в себя Доктор и Гхариб, больших надежд не вызывал. Рост у него был больше двух метров, на нём была свободная мантия с высоким воротником, на голове был намотан тюрбан, а дополнялся этот ансамбль брошами, в том числе в виде скарабея. У него были тонкие, загнутые усы, которые Доктору понравились. А ещё он был абсолютно прозрачный, лишь поблёскивал серебром в лунном свете. Когда он двигался, раздавался странный успокаивающий гул, словно кто-то осторожно проводил по краешку бокала. И в самом деле: их пленитель и его одеяние, похоже, были сделаны из стекла, и когда он двигался, свет играл внутри него чехардой переломлений и переотражений.

— Позвольте спросить, кто вы такой? — дружелюбно спросил Доктор.

Когда мужчина заговорил, показалось, что голос доносится со дна колодца. Доктора это заинтриговало — раньше ему не доводилось встречать существ, полностью состоявших из стекла. Однажды он слышал о расе кошек, которые были стеклянными, за исключением сердец, которые было видно сквозь тела, но для него самого это была первая встреча.

Мужчина сказал:

— Я Визирь.

— Что, единственный? — фыркнул Доктор. — На Хисперо, наверное, полно всяких визирей. Почему «Визирь» без имени?

Визирь скривил прозрачную губу:

— А ты, надо полагать, единственный Доктор?

Доктор улыбнулся. Туше.

— Я очень на это надеюсь. Позвольте спросить, почему вы нас связали?

Сидевший рядом с ним обутый в элегантные чёрные туфли Гхариб дрожал.

— Визирь является исключительно из-за самой худшей ереси.

— У нас тут ничего такого нет, — сказал Доктор, — но если мы услышим о таком, вы будете первым, кому мы…

Визирь ухмыльнулся и показал Аджа'иб, который он, видимо, взял из рук Доктора, пока тот был без сознания.

— Нельзя допустить, чтобы вы расхаживали в округе с чем-то таким.

— Я не верю в запреты книг. Это очень подло.

— Есть такие вещи, которые людям знать опасно.

— Я с вами не согласен.

— Значит, вы из очень либерального общества.

— Я не из какого общества. Меня не возьмут ни в какое учреждение.

— Да уж, — Визирь осмотрел его самого и его пыльную одежду. — Вы один из этих мерзких самопровозглашённых либералов, которые повсюду суют свой нос.

— В некотором роде, да.

— Владыка Визирь, — заикаясь, подал голос Гхариб. — Что теперь будет со мной?

— О, замолчи, — сказал стеклянный Визирь, наклонился вперёд и коснулся рукой колена библиотекаря.

Раздался хруст, словно по скале посыпались обломки, и поражённый Гхариб внезапно превратился в камень. Он был цвета песчаника, лишь слегка более болезненного, чем его обычный вид.

— Не было необходимости! — сердито сказал Доктор.

— Он глупый педант, — сказал Визирь. — У меня от него голова разболелась.

— Я вашу голову насквозь вижу. В ней не то что боли, вообще ничего нет.

— Я был проклят, — огрызнулся Визирь. — Моей бывшей госпожой.

— Давайте угадаю. Алой Императрицей?

— Да, этой подлой гарпией. Ни одним из своих заклинаний я не смог вернуть вора, который украл её самое ценное сокровище. И поэтому она изгнала меня из своего дворца, из города, и заточила меня тут. В отсталом обществе, представшем перед вами.

Он махнул рукой, указывая на сцену на площади, на которую Доктор до этого времени не обращал внимания. Он не видел, кого вывели перед размахивающей факелами толпой.

— Она превратила вас в стекло.

— И поэтому я не могу покинуть это здание, — резко сказал Визирь. — Я слишком ценный.

— И слишком хрупкий.

— Не настолько хрупкий, как это может показаться.

— Скажите, — задумчиво сказал Доктор, не переставая всё это время теребить связывавшие его узлы. — А что это было за сокровище, которое вы не смогли вернуть Алой Императрице?

Глаза Визиря сверкнули красным, это были единственные два окрашенных пятна на его теле.

— Вы что, всерьёз рассчитываете, что я вам это скажу?

— Попытка — не пытка.

— Это было нечто, украденное десять лет назад мерзкой шайкой бандитов и регенератов. Императрица сделает что угодно, отдаст что угодно, наймёт кого угодно, лишь бы вернуть это.

Доктор снова задумался.

— Понятно.

***

Усадив её в свой жуткий агрегат, Палач объяснил, что вокруг её головы установлены микрофоны. Всем будут слышны её крики и вопли, даже малейшие всхлипы. Он надеялся, что она будет хорошо орать, как банши.

У Айрис был мрачный вид.

— Вы что, вправду собираетесь это сделать?

Она посмотрела на механические придатки аппарата, которые начинали гудеть, оживали. Их щипцы и лезвия начинали двигаться.

— Разумеется, — с натянутой улыбкой сказал Палач.

Зашипели громкоговорители, и его следующие слова загудели на всю площадь. Толпа тут же умолкла и внимательно слушала.

— Ты пришлая, ты демон, единственное предназначение твоего существования…

— Избавь меня от своей риторики, — рявкнула она, с удовольствием отметив, как её голос пронёсся над головами толпы. — У меня есть друзья, неподалёку. Другие пришлые…

— Правда? — с интересом спросил Палач.

— И они не дадут вам это сделать…

— Сомневаюсь.

Одна из механических рук взмахнула, приблизившись к Айрис.

— Подождите! — закричала она.

***

Визирь раскрыл Аджа'иб как молитвенник и принялся нараспев читать.

— Ну-ну, — подначивал его Доктор, — покажите, на что она способна.

Стеклянное тело Визиря порозовело, словно от усилий. От страниц книги пошёл дым, и вначале Доктор подумал, что Визирь уничтожает её. А затем он заметил, что на страницах роятся крохотные, подвижные фигурки. Словно голограммы, они двигались и потрескивали, притягивая к себе, становясь всё чётче. Страницы раскрылись, как трёхмерная карта, и чем больше он смотрел, тем чётче видел то, что возникало из пергамента: металлические автоматы, о которых он читал именно в этих абзацах, именно такие, какими он их представлял, они скользили в струйках дыма, рассекая воздух выстрелами смертоносного излучения. Визирь хихикал, глядя на то, что он создал в своих руках. Доктор облизнул пересохшие губы.

— Впечатляет, — признал он. Мысленно он повторил заклинание, которое бормотал Визирь. Оно казалось довольно простым. — Но не слишком ли они маленькие? Я подумал, когда вы сказали о полном воплощении… — он пожал плечами, словно разочарованный.

— Я могу устроить полное воплощение…— проворчал Визирь.

В этот момент ночь пронзили два голоса: палача и другой, знакомый Доктору. Доктор впервые посмотрел с балкона вниз и сразу понял, что происходит.

— О, Айрис, — простонал он. — Как тебе вечно удаётся во что-то вляпаться?

— А, — сказал Визирь. — Они собираются вырезать её сердце.

— Сердца, — рассеянно поправил Доктор. — А ну-ка, дайте мне попробовать.

Визирь насмешливо ухмыльнулся, но книгу не дал.

Доктор сосредоточился на странице, на которой была раскрыта книга. Предыдущее изображение пропало. Он начал напевать подслушанные слова. Айрис и Палач продолжали пререкаться перед толпой, и он старался не пускать в своё сознание первые унизительные визги, раздавшиеся после того, как аппарат Палача принялся за работу.

— Да как ты смеешь думать, что сможешь сравниться умением со мной? — насмехался Визирь.

Дочитав заклятье до конца, Доктор обнаружил, что уже развязался. Он схватил Аджа'иб обеими руками, вскочил на ноги, и как раз в этот момент от книги пошёл дым, она затряслась у него в руках. Как будто, — внезапно подумал он, — что-то большое пытается вылезти из неё.

— Ты не можешь… — ахнул Визирь.

Но он смог.

Доктор стоял на балконе и, словно вызванное из какого-то карманного пространства, порогом в которое служил Аджа'иб, в воздухе начало появляться сияющее нечто.

Собравшаяся внизу толпа начала обращать внимание, что у них над головами что-то происходит.

Из дыма вырвались два огромных пурпурных крыла. Покрытые чешуёй, шрамами и когтями, а формой как у летучей мыши, крылья сильно

хлопали. Раздались крики. А затем возникло туловище, широкое, как двухэтажный автобус. Три визжащие головы торчали на трёх змееподобных шеях, и предгрозовой воздух наполнили странные крики. Существо опускалось на толпу, издавая тремя ртами лай. Толпа мигом потеряла интерес к ритуальной пытке Айрис Уайлдтайм.

— Гидра, — удивлённо ахнул Доктор. — Я вызвал гидру!

Он захлопнул книгу, но существо было свободно, оно резвилось над разбегавшимся народом. Крики гидры заглушали их вопли.

— Что ты вызвал? — глухим голосом сказал Визирь, снова обесцветившийся.

— Я же сказал, — ответил Доктор, возмущённый самим собой, — это гидра.

А затем, в последний раз взглянув с сожалением на застывшего, окаменевшего Гхариба, он сбежал с балкона. Он знал, что Визирь был слишком хрупок для погони, но потусторонний стеклянный голос яростно кричал вслед:

— Верни Аджа'иб!

Доктор мчался по спиральной лестнице вниз, перепрыгивая через две ступени.

Глава 14
Ненависть к монстрам

Гроза избрала этот момент для того, чтобы разразиться и пролиться на Форталис тёмным дождём. Дождь стучал по ветхим крышам, стекал по улицам, создавал потопы, которые набирали силу и скорость, выгоняя горожан из домов на площадь, к существу, которое устроило там погром.

«Устроить погром», — думал Доктор, выбегая на улицу. Странная, вообще-то, фраза, и хотя он сам часто производил именно такой эффект, он никогда не задумывался, почему так говорят.

Небо расколола молния, а за ней последовал неизбежный бронхитный кашель грома. Людей на площади почти не осталось: электрической бури они боялись ничуть не меньше, чем гидры, которая, имея выбор из всех домов города, сосредоточила свою атаку на позолоченном дворце Палача. Её верещавшие пасти, как заметил Доктор, изрыгали пламя. Всматриваясь во тьму и суматоху, в проливной дождь и дым, он увидел проход к сцене.

Прикованная Айрис могла только смотреть и ругаться, а удерживающая её машина продолжала гудеть, жужжать и рассекать воздух. Лезвия сверкали, разбрызгивали капли дождя и пододвигались всё ближе.

Палач запрокинул покрытую капюшоном голову и разочарованно ревел: на разбегавшуюся толпу,

на разразившуюся грозу и на невообразимую тварь в небе. Эта тварь рушила его роскошный дом.

Айрис извивалась в своих узах и вдруг увидела бегущую к ней через площадь знакомую фигуру в зелёном сюртуке. Его галстук развевался за спиной, мокрые волосы липли к лицу.

— Вытащи меня отсюда! — выла она.

Словно в ответ, одно из лезвий достигло её толстой руки, прорезав дыру в вязаной кофте. Она закричала.

— Уже бегу! — откликнулся Доктор, ловко перепрыгивая через упавшие тела и уворачиваясь от любопытных.

Этот обмен репликами привлёк внимание Палача. Резко повернув голову, он обрушил на Доктора поток грязных ругательств.

— Ты натравил эту… гадость на мою казнь!

Доктор запрыгнул на деревянную сцену и безумно расхохотался. Даже Айрис была в шоке от его нескрываемого удовольствия.

— Вы разве не слышали? Куда бы я ни пошёл, за мной следуют монстры!

В этот момент раздались грохот и скрежет камня и металла: башня, которую атаковала гидра, завалилась и рухнула на мощёную площадь.

— Останови её! — визжал Палач.

— Не могу! — хохотал Доктор. — Она же ненастоящая. Как мне её остановить?

А потом он, словно Гудини, проскользнул внутрь аппарата, в котором была Айрис, и принялся возиться с примитивными засовами и узлами.

— Ещё чуть-чуть, и выпущу, — прошептал он и вдруг пригнулся, уворачиваясь от лезвий, прожужжавших мимо его лица. — Подожди!

Айрис была вне себя.

***

— Потасовка в этом году, — сказала Наша Госпожа, — буйнее, чем обычно.

Хила недовольно смотрел с противоположного края железного стола. Он уже устал сидеть и слушать её, попивая древний густой херес и поглаживая свои раны и синяки. Уже довольно долго облачённая в синее незнакомка рассказывала своим гостям историю того, как она пришла с гор и жила в этом сыром растительном полумраке. Сэм, похоже, хотела уйти не меньше Хилы, но постоянно просила старую каргу продолжать, словно надеялась узнать что-нибудь полезное. Хила предпочёл бы выйти и снова драться с этими деревенщинами. В этот раз они его врасплох не застанут.

Дети Нашей Госпожи — черноглазые, послушные, почтительные — собрались вокруг, чтобы слушать их разговор. Хила подумал, что Госпоже слишком нравится слушать собственный голос.

— Они не нападут на замок, — сказала монашка. — Не переживай, Хила. Здесь ты в безопасности.

Хила хмуро посмотрел на неё.

— Бедный Хила, — улыбнулась Сэм. — У него нервы не в порядке, — она воспользовалась

паузой в рассказе Нашей Госпожи. — На самом деле нам нужно вернуться к нашим друзьям.

Терпеливая улыбка монашки застыла.

— Никто не может покинуть этот храм, пока не закончится этот ужасный день. Это традиция. Вы разве не слышите? Начались волнения.

Они прислушались к дождю: даже тут, в глубине здания, было слышно, как он хлещет по камню и стёклам.

— От небольшого дождика мы не пострадаем.

— И тем не менее, — сказала Наша Госпожа, — вы останетесь. По крайней мере, до утра. Я даже и не подумаю выпустить вас туда, — она говорила как какая-то излишне заботливая хозяйка. — Но я слишком долго говорила. Вам нужно отдохнуть.

Сказав это, она встала и сделала знак ближайшему из детей, чтобы тот убрал грязные тарелки и бокалы. Остальные дети исчезли в поросли. Но всё равно было слышно, как они хихикают и шуршат.

— Надеюсь, вам будет удобно спать тут, на земле, — грустно сказала Наша Госпожа. — Лишайник мягкий, правда, немного сырой. Представьте себе, что вы спите на безопасной лесной поляне.

А затем она ушла, исчезла во тьме, и Сэм с Хилой остались одни.

— Не знаю как ты, — сказала Сэм, — а я спать тут не буду.

— А что ты хочешь делать?

— Мы найдём выход отсюда, — она выпила слишком много этого засахарившегося вина.

Ароматы ударили ей в голову, и вдруг она поняла, что этот сладкий, насыщенный запах растительности беспокоит её. — Нам нужно вернуться в автобус.

— А я думал, ты поступишь так, как тебе велела Наша Госпожа, — сказал Хила. — Ты ей так потакала.

— Что?

— Задавала ей вопросы. Не давала ей замолчать. За кого она себя принимает?

— Вежливым быть не больно.

Боже, я говорю как моя мама, — подумала она.

— Бывает больно.

— Ты идёшь или нет?

— Думаешь, она нас вот так просто отпустит?

Сэм повела его сквозь деревья. Она оценивающе осматривала заросшую церковь. Казалось, что растительная жизнь росла прямо на глазах. Свежие молодые побеги были даже на тропе, по которой, как она была уверена, их сюда привели.

— Да, думаю, мы сможем выйти, — сказала она и споткнулась об кучу камней.

Земля была усыпана обломками стен и старыми опавшими листьями.

— Мне кажется, — сказал Хила, — что она хочет оставить нас тут.

— О, — устало сказала Сэм. — Зачем? Почему ты всегда предполагаешь худшее?

— Нам за всё это путешествие хоть раз попадался кто-нибудь, желавший нам добра?

Сэм задумалась:

— Вообще-то, нет.

— Мы под колпаком, Сэм. На нас лежит проклятье Алой Императрицы.

— Не надо этого мелодраматизма. «Проклятье Алой Императрицы». Прямо второсортное кино какое-то.

— Что?

— О, — она остановилась. Прямо на тропе, которая должна была вывести их, стояло толстое сучковатое дерево, которое Сэм не смогла бы обхватить руками. — Мы заблудились.

***

Айрис была освобождена, словно ассистентка фокусника, которая вышла из лакированного ящика, чудесным образом целая и невредимая.

— Ну прямо как в старые добрые времена, Доктор, — печально сказала она. — Помнишь Венецию и тех ужасных рыбо-людей, и Уайльда с…

— Да ладно тебе, — недовольно сказал он, оглядываясь по сторонам перед тем, как спрыгнуть со сцены. Всё вокруг задрожало от удара грома. — Повезло тебе, что в тебя молния не ударила, когда ты сидела в этой… — он не мог подобрать слово.

— В яйцерезке, — подсказала она, слезая с помоста. Она посмотрела вверх, на гидру, которая продолжала атаковать дворец, рассыпая на мокрую землю обломки. — Как тебе удалось призвать эту тварь?

Он побежал в сторону автобуса:

— Ты в чёрную магию веришь?

— Нет, — тяжело дыша, она преодолевала чёрную кровавую грязь.

— И я тоже, — сказал он и остановился. — А!

Позади них снова появился Палач, в этот раз у него был пульт дистанционного управления. Он бегал специально за ним, и теперь решительно включал прибор. Воздух между Айрис, Доктором и ожидавшим их автобусом задрожал, в нём начало что-то появляться.

Айрис сказала:

— Это его машина для надувательства людей.

— Я так и подумал, — сказал Доктор.

Перед ними возник приземистый рычащий грифон ростом выше ближайших крыш. Его львиное тело изготовилось к прыжку, а орлиная голова щёлкнула клювом.

— Это иллюзия, — с надеждой в голосе сказал Доктор.

— Не думаю, — сказала Айрис.

Чтобы проверить, Доктор побежал к существу.

Грифон дважды взмахнул своими огромными, очень настоящими крыльями и протянул вперёд золотистую лапу.

Доктор резко затормозил, но было уже поздно. Он двумя руками убрал волосы с глаз.

— Настоящий!

И тут существо схватило его и понесло в грозовое небо.

— Доктор! — ревела Айрис.

Палач за её спиной смеялся и что-то регулировал.

Доктор оказался лицом к лицу с грифоном. Когти давили на его бока.

— Ты настоящий? — спросил он вслух, глядя в глаза размером с колёса телеги.

Айрис снова выругалась. Теперь была её очередь спасать его. Пока грифон был занят, она посеменила к автобусу, кривясь от боли. Взяв себя в руки, она пробежала между ногами существа, чуть не задохнувшись от его запаха.

Автобус. Вот он, нетронутый, как всегда ждёт её. «Ты либо в автобусе, либо нет», — сказала она своему последнему спутнику, когда тот уходил. Пассажиры её автобуса должны были быть преданными друг другу. Попадая в безвыходное положение, они делали друг для друга всё возможное. Роясь в своих многочисленных карманах в поиске ключа, она мельком оглянулась на площадь, и её глаза поползли на лоб. Давненько она уже не была в настолько безвыходных положениях.

Гидравлические двери раздвинулись, загорелся свет. Думать нужно было быстро.

А тем временем гидре наконец-то надоело рушить дворец. Она кружила в воздухе, освещая себе местность изрыгаемым огнём. Все три головы пристально посмотрели на грифона и увидели в нём достойного противника. Гидра расправила крылья и спикировала на площадь.

Палач аж повизгивал от восторга. Он весело хохотал, глядя на состояние Доктора. Смеялся он и тогда, когда его задело дыхание гидры, после чего он буквально за секунду вспыхнул и сгорел до тла.

Это привлекло внимание грифона.

Доктор выругался и вскрикнул: его сжали ещё сильнее. Выгнув шею, он увидел, что к ним на когтистых лапах размером со слоновьи ноги подходит гидра.

— Может, положишь меня на землю? — закричал он. — И тогда вы, мальчики, разберётесь друг с другом сами?

Но грифон уже забыл о зажатом в его лапе крохотном существе. Свободной лапой он рыл землю, словно готовясь к броску вперёд.

— Ненавижу монстров, — кричал Доктор. — Ну почему всегда я?

И тогда гидра прыгнула. Три её головы действовали синхронно, атакуя с разных сторон. Грифон, растерявшись, попятился и почувствовал, как одна из этих клыкастых голов вцепилась в его шкуру, вызвав сильное кровотечение. Он бросил Доктора на землю, схватил среднюю шею змея и держал её изо всех сил. Доктор шлёпнулся в грязь, он барахтался, пытаясь встать и прийти в себя.

— Доктор!

Подняв голову, он увидел автобус, сияющий огнями, маленький на фоне двух чудовищ.

— Отойди от них!

Чуть в стороне от своего корабля Айрис торопливо собирала что-то, похожее на базуку времён Первой Мировой, установленную на треноге. Она как одержимая заталкивала порох, её волосы торчали во все стороны. А затем она бросила в ствол мину и посеменила за автобус.

— Ложись! — заорала она.

Он бросился в укрытие.

Воздух сотрясло оглушительным взрывом.

Выстрел пришёлся точно по сцепившимся чудовищам. На мгновение их осветило оранжевым с чёрными тенями. Посыпался дождь из грязи, крови и кусков свежего мяса.

— Беги! — крикнула Айрис, и Доктор побежал сквозь плотный дым, поскальзываясь на ходу.

Она поймала его:

— Сюда! Я держу тебя.

Она схватила его за руки и с поразительной силой затолкала его в автобус.

Когда двери захлопнулись, он лежал проходе бездыханный. Айрис бросилась в кабину и завела мотор.

— Отправляемся! — сказала она, и автобус с неподобающей поспешностью покатился с городской площади прочь.

С трудом встав на ноги, Доктор увидел, что грифон и гидра, оба ужасно израненные, закопчённые, едва живые, продолжают терзать друг друга.

А затем автобус свернул и поехал, расплёскивая лужи, по безлюдным улицам Форталиса.

Доктор потерял сознание.

***

Айрис вела автобус словно обезумев, она решительно настроилась оставить это место далеко позади. Изо всех сил она давила на педаль газа, пока не вывезла их обоих из Форталиса. Гроза над ними достигла своего пика.

Глава 15
Руки Герцогини

Они могли бы быть «Малышами в лесу», заснувшими, укрывшись листьями, вот только один из них был покрыт чешуёй, а на другой была футболка с названием группы Blur. Они могли бы быть зачарованными возлюбленными из «Сна в летнюю ночь», если бы не действовали друг другу на нервы. А лес этот был внутри помещения, он был сырой, кругом капало, повсюду была невиданная, чуть ли не разумная растительная жизнь.

Перед тем, как Сэм и Хила отказались от идеи найти выход сегодня, Человек-Аллигатор устало сказал:

— Мне кажется, что это место внутри больше, чем снаружи.

Эти его слова и ответный смех Сэм были их последним разговором перед тем, как они заснули, найдя себе место с как можно более сухой травой.

Сэм приснился самый яркий за последние несколько месяцев сон. Что-то в плодородной, спёртой атмосфере храма действовало на её воображение. Она снова очутилась в не менее загадочной, но такой уютной, похожей на собор ТАРДИС Доктора. Ей хотелось туда попасть, она вызвала всё это знакомое викторианство, все эти нелепые жюльвернизмы, ряды самых разных циферблатов, пальмы в горшках, густые ковры и сомнительные древности. Даже летучих мышей,

попискивавших в укромных уголках почти невидимого потолка. Колышущаяся голубизна временного ротора сияла резко, но обнадёживающе. Она считала этот Корабль домом. Мысленно она могла бродить повсюду, от библиотеки до двери, за которой был целый поросший травой холм, над которым кружили миллионы бабочек. В своём сне она искала Доктора, пока что без паники, потому что он часто исчезал глубоко внутри Корабля и иногда не появлялся по нескольку дней. Она подозревала, что в эти дни у него были собственные приключения, о которых он ей не рассказывал. Особенно часто она приходила к такой мысли в самом начале, когда она была моложе и бегала за ним так, как сейчас ни за что не стала бы. Она научилась давать ему возможность отдыхать от неё. Уж на что нельзя было рассчитывать, так это на то, что Доктор будет всецело твой.

А затем она увидела, что огромное консольное помещение ожило. Покрытые чешуёй серебристые тела скарасенов спали повсюду: на голом камне, на персидских коврах, даже на Фольксвагене «Жук», припаркованном в одной из ниш. Скарасены — их было почти двести голов — дышали с присвистом, погружённые в глубокий сон, странно спокойные сейчас, когда они были на борту Корабля, а Доктор увозил их с Земли, где хозяева-зайгоны использовали их в качестве орудий убийства, на планету, где они смогут резвиться, не причиняя никому вреда. Она смотрела на серебристых, похожих на динозавров

существ, на их многочисленные смертоносные клыки, и поражалась собственному спокойствию. А затем она заметила, что Доктор рядом. Суетливо щёлкает переключателями на панели, со свойственной ему неторопливостью вводит команды. Всё это было какое-то время назад.

Несколько лет назад, вообще-то.

Доктор посмотрел на неё и широко улыбнулся:

— У тебя такой вид, словно ты в трансе.

Она слабо улыбнулась ему:

— Возможно, так и есть.

Как для сна, всё это было очень реалистично. Обычно её сны мелькали хаотически, её сонное сознание пыталось разобраться с тем, с чем она сталкивалась во время бодрствования.

Было такое ощущение, словно она вернулась во времени в этот момент, который был несколько лет назад, когда они только что покинули викторианский Лондон со смертоносным грузом из морских чудовищ, и Доктор всё ещё нахваливал себя за то, что хорошо исполнил роль гамельнского крысолова.

Гамельнский крысолов, — подумала она. — Вот кто он для всех нас. Включая Айрис.

Она ощущала характерное покалывание в пальцах, означавшее смещение во времени. С нею всегда так было. А ещё лёгкая тошнота в первые моменты. Она спросила его:

— Ты всё ещё на Хисперо, Доктор?

Он недоумённо посмотрел на неё:

— Хисперо? Я там много лет уже не бывал. Откуда ты знаешь про Хисперо?

— Не знаю, — медленно сказала она. — Я думаю, что я на нём нахожусь.

— А, — он задумался. Он заглянул ей в глаза. — Ты в каком-то телепатическом трансе. Наверное, будущая ты пытается связаться со мной через теперешнюю тебя.

Её глаза расширились:

— Я так умею? — и Сэм улыбнулась, услышав свой голос, такой молодой и доверчивый.

Всё это изменится, — угрюмо подумала она. — Быть может, Доктор прав, и я действительно отправила себя в прошлое, чтобы связаться с ним.

Она заставила себя сказать:

— Ты пропал, Доктор. Мы разделились в городе Форталис. Хила и я не можем выйти из храма. Ты и Айрис…

Доктор сердито покачал головой:

— Ты говоришь что-то непонятное, — его лицо помрачнело. — Прекрати говорить загадками. У меня дел полно, — он резко отвернулся к консоли и нагнулся над её деревянными панелями с мигающими огоньками. — Кроме того, я не видел Айрис Уайлдтайм уже несколько десятилетий.

Он обернулся, внезапно поняв:

— Ты что, вправду связалась телепатически?

— Не знаю, — пожала плечами Сэм.

На мгновение храп вокруг них стал громче, и одно из блестящих существ перевернулось на спину, выглядя с задранными во сне лапками поразительно уязвимым.

— Надо подумать… — пробормотал Доктор. — Нужно подумать всем месте… — и он странно засмеялся.

А потом он перепрыгнул через латунные перила, окружавшие консоль, и быстро пошёл прочь, временами перелезая через тела скарасенов.

Сэм пошла за ним, и их короткий маршрут, казалось, занял несколько часов.

Рядом с библиотекой была дверь, которую она раньше не замечала.

— Сезам, откройся, — усмехнулся Доктор и дверь распахнулась.

Там было темно, и Сэм не хотелось заходить. Внезапно она перестала доверять ему.

— Считай, что это справочное бюро. Мы обратимся в него за советом, — и он провёл её в большое, плохо освещённое помещение.

В свете мерцающих свечей она находилась внутри круга, описанного тринадцатью кольями, забитыми в кирпичный пол, словно циферблат. На семи из заострённых кольев были насажены грубо отрубленные головы. Большинство из них были старше Доктора, к которому она привыкла. Их глаза были мёртвые, лица тусклые и синеватые. Доктор осмотрел их с некоторой гордостью.

— Всем привет! У Сэм есть вопрос.

Ей хотелось уйти отсюда.

Он продолжал:

— Она хочет знать, возможно ли консультироваться со своими прежними воплощениями и просить их о помощи. Говори, Сэм. Расскажи этим милым Докторам.

Все семь голов одновременно начали говорить.

— Доктор, это едва ли…

— Понимаешь, дорогая, это очень просто…

— Не то что бы я нарушаю законы Времени, но…

— Жили-были три сестры, а жили они на дне колодца…

— Лишь в самых экстренных ситуациях вы можете…

— Милым?! Милым?!

— Я знал, что это произойдёт.

Каждый из голосов пытался добиться её внимания. Они становились всё громче и громче, сплошной шум. Она закрыла уши, а Доктор рядом с ней хохотал. Он сказал:

— У меня от меня голова разболелась!

Сэм плотно закрыла глаза, и множество голов замолкло.

Её окружала тишина.

Тишина, если не считать влажного шороха и хруста густого леса. И ещё кое-что: тихое позвякивание, словно от хорошо смазанного часового механизма.

Она снова лежала на земле в лесу. Её сердце отказывалось замедляться. Она очень надеялась, что это был сон.

Когда она перевернулась, стряхнула с лица и тела мокрые листья, насыпавшиеся на неё, пока она спала, она увидела, что Хила занят разговором с кем-то, кого она не видит. Стараясь не шевелиться, она всмотрелась в полумрак.

Хила неподвижно сидел на корточках в молчаливом контакте с чем-то, похожим на серебряную птицу. Именно в такт взмахам её крыльев и раздавался механический звук. А затем Сэм увидела, что это была вовсе не птица, а две электронные руки, сцепившиеся большими пальцами. Эти отделённые от тела протезы легко порхали во тьме и смотрели на Хилу. Смотрели десятью электронными глазами, каждый из которых был на кончике серебристого пальца. Руки-крылья трепетали, а десять глаз смотрели на Хилу, а теперь и на Сэм.

Хила увидел, что она проснулась.

— Не пугай, — сказал он Сэм.

Она не шевелилась.

— Что... Кто это?

— Это часть одной из тех, кого мы ищем, — выдохнул он. — Она знает о нашем приближении. Это руки Герцогини.

Сэм казалось, что руки зовут их продолжать поход. Но кто их поймёт, с таким же успехом они могли предупреждать об опасности или просить остановиться.

***

Всю ночь она не вставала из-за руля. Наконец-то Форталис остался далеко позади и под проливным дождём они выехали из предгорий. Айрис вела автобус, позволяя себе постепенно успокоиться, ритм её сердец приходил в норму. Она пыталась бороться с постоянной тошнотой и с потемнением на периферии зрения, которые

грозились одолеть её. Доктор залез на диван и крепко заснул.

Дороги здесь были ухабистые, казалось, что ими не пользовались уже несколько веков. Для того, чтобы прыжки по канавам под утихающим дождём не развалили автобус, ей приходилось сосредотачиваться на вождении.

Она просидела за рулём всю ночь, и ближе к утру, когда осторожно начали появляться первые предвестники дня, а гроза закончилась, Айрис увидела, что они едут по долине. По каменистой долине с клочковатой растительностью. В утреннем свете всё выглядело бледным, а Айрис ненавидела бледные оттенки. Она остановила автобус и впервые почувствовала облегчение от того, что им удалось сбежать из города живыми. Они проехали больше ста миль.

Доктор, к счастью, всё ещё спал. Она знала, что он скажет, когда проснётся. Она бросила их спутников. Вплоть до последнего участка пути она даже не вспомнила о них. Будет ли он настаивать на том, чтобы вернуться за ними? Даже он не может быть настолько рискованным.

Она открыла двери и вышла в рассветную прохладу. Стояла зловещая тишина. Вдали слышался крик птиц. Она села на камень с видом на долину и прикурила сигарету. Ей нужно будет принять душ, переодеться, сделать макияж. Её путешествия казались ей постоянным поспешным ремонтом изношенного тела. Она хотела, чтобы её видели исключительно в её лучшие моменты, а

сейчас она чувствовала себя грязной и растрёпанной.

В груди что-то хрипело в такт её дыханию. Если быть честной, она чувствовала себя ужасно. Пора уже было браться за работу. Было много дел.

Айрис погасила сигарету и поспешила обратно в автобус. Поднимаясь по ступеням, она посмотрела на Доктора и впервые позволила себе подумать: «Теперь он полностью мой». Обычно что-то отвлекало: то спутники, то опасности. За многие годы они впервые остались вдвоём. Старые чувства никуда не делись. Она любила его, какую бы форму он ни обретал. Он спал беспокойно: руки разбросаны, взъерошенный, зелёный сюртук помялся. Он бормотал. В их текущих телах он выглядел достаточно молодым, чтобы быть её племянником. Она тихо рассмеялась. Когда он проснётся, он будет вне себя, это точно. Но этот Доктор был добрее, во многом более человечным, чем старые Доктора. Она удивлялась тому, каким разговорчивым, откровенным и обидчивым он стал, словно компенсируя долгие годы отстранённости. И в то же время он был очень вспыльчивый. За эти дни, которые они провели вместе, она была свидетельницей нескольких пугающих вспышек, почти истерик. Этот Доктор был сильнее привязан к повседневности и чувствителен к эмоциям тех, кто его окружает. Это делало его более доступным, и Айрис, всегда легко уступающая своим эмоциям, это целиком одобряла.

Ей нужно привести себя в порядок и выглядеть роскошно к тому времени, когда он проснётся. Тогда она будет готова к его неизбежным упрёкам. Она его как-нибудь успокоит.

***

В разрушенном Форталисе наступило утро. На улицах было полно обломков и грязи; на городской площади среди остатков пыточного оборудования и костров неподвижно лежали полусъеденные туши гидры и грифона, которые, разумеется, всю ночь бились не на жизнь, а на смерть. Контуженные форталисяне выходили с широко раскрытыми глазами посмотреть на то, что стало с их городом. Это всё выходило за рамки привычной им жизни. Их образ жизни, образование и воображение не давали им возможности осознать всё это. Палач, однако, погиб. Их Библиотекарь превратился в камень. Им придётся самим искать выход из этих необычных онтологических и эпистемологических руин. Но пока что они просто глазели. И смотрели они на единственное не пострадавшее за эту разрушительную ночь здание — на храм Нашей Госпожи.

В самом же храме всё ещё было темно. Свету нужно было много часов, чтобы проникнуть в этот мрак.

Сэм и Хила шли, продирались между деревьями и спутанными, покрытыми шипами лианами. Они продвигались вслед за серебристыми руками, которые, будучи теперь оснащёнными глазами, похоже, знали, куда идти. Руки Герцогини порхали

в спёртом влажном воздухе, и Сэм с Хилой не оставалось другого выхода, кроме как идти следом.

Это должно было быть невозможным, но глинистая земля казалась ещё более заросшей; казалось, что они спускаются по склону. После нескольких часов ходьбы все признаки того, что они были внутри храма, исчезли.

— И та старая ведьма нас не остановила, — сказал Хила, старательно выжимая из себя радость. — Мы спасены, Сэм! Герцогиня выведет нас!

Сэм нахмурилась:

— Рано ты радуешься.

Она знала, что именно тогда, когда ты чувствуешь уверенность в успехе, судьба вмешается и даст пинка под зад.

— Не теряй веру, Сэм, — сказал Хила.

— Так говорит Доктор.

Через какое-то время руки вывели их к каменной стене. Джунгли резко закончились. Это был тупик. Металлические пальцы нетерпеливо барабанили по неровной поверхности.

— Мы всё равно до сих пор внутри храма, — сказала Сэм.

— Разумеется, а где же ещё, — Хила с подавленным видом сел на землю. — Мы ходили кругами.

А затем пальцы Герцогини принялись за работу. Они разделились, и каждый двигался по своему пути, аккуратно рисуя на кирпичной стене идеально симметричный портал. Этот контур

засиял перламутровым светом, и на глазах у Сэм сплошная стена внутри контура начала крошиться и растворяться, как аспирин, а за ней открывалась чернота.

— Коридор! — подпрыгнув, засмеялся Хила. — Герцогиня, я тебя люблю.

Руки снова собрались, и немного раздвинулись, словно в ожидании аплодисментов. А затем улетели во тьму, снова указывать дорогу.

Когда Сэм и Хила прошли в портал, рук нигде не было. Они стояли на вершине каменной лестницы, которая, казалось, вела в пещеру, в которой гулко капала вода.

— Скользкие каменные ступени, — ворчала Сэм, пойдя вперёд. — То, что надо, чтобы сломать шеи. Почему на других планетах никто не пользуется ковровыми дорожками?

Когда стало темно, она остановилась и нащупала в леопардовой сумочке фонарик. Оставшийся позади и вверху портал громко захлопнулся. Хила хрипло выругался; они были в полной, адской темноте, пока Сэм не нашла и не включила фонарик.

— Он как световой меч, — улыбнулась она. — Как в «Звёздных Войнах». Правда, фантастика?

Луч был похож на яркий голубой стержень, он осветил пещеру, отбрасывая сумасшедшие, непредсказуемые тени. Это ни капельки не успокаивало. Они пошли по ступеням вниз, в широкий сырой тоннель.

— «Звёздные Войны» — это снова что-то инопланетное?

— Боюсь, что да.

— Хватит уже о таком говорить.

— Это моя культура. Ничего не могу с этим поделать.

Хила проворчал:

— Побереги силы для ходьбы. Думаю, путь нам предстоит неблизкий.

— Точно, — они пошли дальше, и она вдруг поняла, что голодная. — В автобусе всё было так просто, скажи? Доктор готовил обед, заваривал чай. Айрис каждый вечер чудесный ужин готовила. И вегетарианское было. Почему все путешествия не могут быть такими?

— Потому что не могут, — раздражённо сказал Хила. — И я бы предпочёл зависеть от себя самого, а не от Айрис. Достала меня уже эта свинья старая.

— Ясно! — рассмеялась Сэм. — Тебе нужно больше думать о светлом, Хила!

Она направила луч фонарика ему в лицо. Он зло посмотрел на неё и отобрал игрушку-меч.

— Я пойду первым, — прорычал он.

***

Они шли, и Сэм старалась лишний раз не выводить его из себя своими разговорами. Он был такой раздражительный. Она всё время думала о том, что сказать.

— Когда я была в храме Нашей Госпожи, мне приснился сон…

— Мне там тоже сны снились, — сказал Хила. Его голос показался ей обеспокоенным. — Снова сны о болотах и о тёмном мужчине-работорговце.

Должно быть, что-то было в запахах и в пыльце, оно действовало на наши мозги, проникало в наши клетки.

— Мне приснилось, что я предупреждаю Доктора, — сказала Сэм, — рассказываю ему о том, где мы. Я видела скарасенов, двести спящих драконов, которых мы отвозили на другую планету. И тогда Доктор сказал, что он очень рад это сделать, потому что однажды видел одинокого скарасена, жившего не в родной среде.

— И он транспортировал двести драконов? — удивился Хила.

Сэм кивнула:

— Он давал им второй шанс. В их естественной среде обитания. Это только на Земле, не в том месте и не в том времени они стали чудовищами. Он хотел поместить их в правильный… контекст. Я всё это вспомнила в этом сне.

— На этой планете, — сказал Хила, — его бы считали великим добрым визирем, Доктора твоего.

Дождаться комплимента из уст человека-аллигатора было редкостью.

— Да, пожалуй ты прав.

— Добрые визири тут долго не живут, — резко сказал Хила. — Это грубый мир. Ты сама видела.

И снова у Сэм возникло чувство, что Доктор был слишком хорошим, слишком не от мира сего, хоть здесь, хоть где бы то ни было. Но ему удавалось как-то выживать. Удавалось. Он шёл вперёд в соответствии с тем, во что верил.

— Цельность — так это, наверное, называется, — сказала она, посмотрев на Хилу.

— Ну, на Хисперо мы себе такое позволить не можем, — коротко сказал он, и в этот момент Сэм мельком увидела настоящего Хилу.

Она подумала: «Рано или поздно он нас предаст. Хила с нами лишь потому, что его это устраивает. Рано или поздно… Он изменит».

Они шли.

Сэм знала, что когда Доктор говорил, что печалится о ссыльном скарасене, которого видел много лет назад, он в каком-то смысле говорил и о себе тоже. Презираемый, чудовищный, запертый в своей унизительной неизбежной ссылке. Она собрала достаточно обрывочных данных о его предыдущей жизни, чтобы знать, что какое-то время он провёл в Англии, его вынудил к этому его собственный народ. В этой ссылке в семидесятых годах он попытался акклиматизироваться. Незадолго до того, как родилась я, — подумала Сэм, — а когда я была совсем маленькая, Доктор был уже повидавший жизнь. Он жил в полуразрушенном викторианском доме в Кенте, время от времени его навещали его контакты из секретной службы, другие инопланетяне, старые друзья-люди. Он зарабатывал себе на жизнь отражением инопланетных вторжений и мерзких планов соперника, известного как «Мастер». Доктор тех лет, как выяснила Сэм, был элегантным, аристократическим Доктором, который водил компанию с политиками и членами королевской семьи.

Сэм было тяжело поверить в эти его предыдущие воплощения. Тем не менее, она знала,

что они существовали. Они всегда были с ним. Временами он уходил в себя, словно консультировался с этими внутренними голосами. Но он был её единственным Доктором, тем, которого она знала: беспутный и плутоватый, наивный и непостижимый. Странно было думать об этих предыдущих воплощениях.

Она всё ещё думала о своём сне. О его ужасном веселье при виде её ужаса. О головах на палках. Она могла рационализировать это: она понимала, что это всё из-за рассказов про Алую Императрицу и про её провидцах во дворце. Её пугали те, кто не был тем, кем казался. А Доктор иногда был именно таким.

Но она жалела, что его нет рядом.

Он сейчас наверху, наверняка пререкается с Айрис. Она видела его в храме, пускай и во сне. Почему-то она была уверена, что снова увидит его в Лесу Кестхевен. Разумеется, они разлучались и раньше. Она знала, что космос движется на довольно шатких последовательностях случайных совпадений и невезений. Но именно они были естественной стихией Доктора. И моей тоже, — решила она. Просто нужно не останавливаться и идти дальше.

Глава 16
Моим умом управляли лучшие из них

После двух больших ссор Доктор и Айрис в течение недели почти не разговаривали. Они ехали по южным долинам Хисперо в невозмутимом молчании, без слов меняя друг друга за рулём. Они молча готовили, молча ели, а расходясь на ночь каждый к своей постели (на разных этажах) не желали друг другу доброй ночи. Айрис грустно думала о том, что у этого повелителя времени просто несравненная способность дуться на кого-нибудь. Они друг друга стоили: при большой продолжительности жизни спешить было некуда. Айрис, впрочем, винила себя. Ведь это она, как сказал Доктор, по сути, бросила их спутников в Форталисе. Она была одержима своим квестом. Он всей душой хотел вернуться, но уступил её решимости. Она утешала его, говорила, что Сэм и Хила наверняка доберутся до Кестхевена своим путём. Они же знают, что это следующий пункт назначения. Они не глупые, они находчивые. Ни она, ни Доктор больше не рисковали воспользоваться её ТАРДИС для коротких перемещений с целью поиска друзей. Они не могли рискнуть вернуться в Форталис. Да и слишком далеко на юг они уже уехали, чтобы возвращаться. Они могли только ехать дальше. Разумеется, Доктор сдался.

Несколько дней они ехали по лабиринтам пересекающихся дорог долины, которая становилась всё зеленее. Они приближались к другой, более гостеприимной местности, но Доктор не позволял этому улучшить его настроение. Неподалёку текла большая река, и они видели в ней стаи роскошных, похожих на фламинго птиц. Наблюдали за птицами они молча.

Их вторая ссора произошла тогда, когда Доктор читал на втором этаже, а Айрис была за рулём. Она знала, что не стоит позволять ему рыться в её вещах. На полке, где-то между Эдгаром Райсом Берроузом и Уильямом С. Берроузом, она хранила толстые тома своих собственных мемуаров. Следя за неровной извилистой дорогой, она вдруг поняла, что Доктор их найдёт, будет читать и возмущаться. И точно — вот он уже спускается по лестнице и начинает орать на неё.

— Это записи о моей жизни, — протестовала она, оглядываясь по сторонам. В качестве улик он демонстрировал стопку написанных от руки томов. — Ты, может быть, и умеешь держать свои мысли в порядке, можешь сохранять разумность не взирая на то, как твой корабль скачет по времени. Может быть, для тебя память ничего и не значит. Но для меня значит. Я хочу иметь в конце жизни подтверждения того, как я жила.

— Но это же смесь лжи и обмана! — сказал Доктор. — И откровенный плагиат!

Она отвернулась на дорогу. Ей хотелось сказать ему, что все эти мемуары предназначены для него. Это был её подарок ему, когда она рано или

поздно исчезнет из времени, а он — она была в этом уверена — останется. Разумеется, её дневники бывали иногда апокрифичными. Они были гобеленом, сотканным поспешно, зачастую на ходу, яркой фантасмагорией из «может, будет» и «может, было».

— Если это когда-нибудь попадёт не в те руки… — сказал Доктор, качая головой. — Я только что прочёл материал о Зоне Смерти. Ты не должна была быть там! Все эти описания Башни, секреты Рассилона…

— С каких это пор тебя это беспокоит?

— Я не оставляю после себя след, по которому другие могут меня найти.

— Ты знаешь, на кого ты похож?

— На кого?

— На того визиря в библиотеке, про которого ты мне рассказывал. Когда всё ещё разговаривал со мной. И на самого библиотекаря. Никакого воображения. Отрицаешь возможности, разнообразие жизни. Подвергаешь цензуре чужие тексты.

Доктор покраснел.

— А ещё, — продолжала она, пользуясь преимуществом. — Ты говоришь немножечко как твоё предыдущее воплощение. Напыщенный малыш, который считал, что все мрачнейшие секреты мира у него в шляпе. Защитник секретов времени, тоже мне. Страж Вечности. Рыцарь Времени, мать его так. Ты был тогда очень надменным, Доктор, и если честно, действовал

мне на нервы. Я думала, что ты покончил с этой хандрой.

Он нахмурился:

— Ну, я…

— Слушай. Космос, как мы оба с тобой знаем, гораздо больше и сложнее, гораздо апокрифичнее, чем нам с тобой суждено познать. Ничто этого не изменит. И уж тем более дневники какой-то старухи. Ты всё время носишься повсюду, думая, что если кто-то изменяет таймлайны, нарушает равновесие, изменяет сценарий, то это обязательно прикончит вселенную. Это не так! Ты начал бояться собственной тени. Ты стал говорить так… официально. Может быть, всё дело в том, что ты мужчина?

Он возмутился:

— А ты тогда кто? Великая феминистка-реинтерпритатор патриархального Галлифрея? Защищающая бесконечную многоформенную извращённость времени и возможности?

— Да, — просто сказала она. — Всё гораздо устойчивее, чем тебе кажется. Лишь мужское эго считает, что может всё изменить, потянув за несколько ниточек. Посмотри на Мастера, на этого жалкого, заблудшего, фаллоцентрического придурка.

— Поверить не могу, — сказал Доктор.

— Ты маленький человечек, Доктор, как и я. Бродяга. Мы просто как-то перебиваемся. И я… — она пристально на него посмотрела. — Я могу писать всё, что хочу.

Он понимал, что ничего от неё не добьётся.

— И, кстати, — продолжала она, — я действительно была в Зоне Смерти. Морбиус действительно возвращался и реактивировал временной черпак. Если тебе никто об этом не рассказал, это ещё не значит, что этого не было.

— Но... посмотри на это... Ты не отражала вторжение далеков на Землю в двадцать втором веке. Это был я! Это были я, Сьюзан, Йен и Барбара! И кибер-гробницы на Телосе... Тебя там не было, Айрис. Там был я. А тебя там и рядом не было!

— Это в твоей истории, — улыбнулась она. — А в моей версии это была я. С моим роскошным молодым помощником Джереми. С каждым нашим безусловным прибытием мы ответвляемся в другую версию. Неужели ты этого не знаешь?

— То есть твоя версия достовернее моей?

— Не обязательно. Разве мы не можем сосуществовать? У нас есть параллельные жизни, прошлые и будущие. Я останавливаю автобус, пора обедать.

Они резко остановились.

— Обрати внимание, я подтверждение своей версии записала. А у тебя какие есть доказательства?

Он развернулся и ушёл злой на верхний этаж. Она посмеялась и приготовила им обед. Но прошло несколько дней, прежде чем Доктор снова с ней заговорил.

***

В тоннелях, где по-прежнему было много папоротников, лиан и цветов, и Сэм, и Хила в

любой момент были готовы наткнуться на Нашу Госпожу. То, что им позволили так долго разгуливать, бродить среди подлеска, означало либо то, что они сбежали, либо то, что это была западня. Как обычно, в общем-то. Но Наша Госпожа не появлялась.

Любопытно, что растения тут росли без света. Цветы были анемичные и холодные на ощупь; свернувшиеся бутоны лилий были похожи на старую сырую бумагу.

Всё, что они могли делать — продолжать идти и надеяться на то, что скоро выйдут на свет. Они понятия не имели о том, куда они идут, пока не вошли в зал, в котором при их приближении стало светло. Они увидели, что стены там разрисованы картами и планами. Это было именно то, что Доктор искал наверху. Краска на стенах была старая, шелушившаяся, карты были неполные. Фигурки животных и деревьев толпились, заполняя места, оставленные картографом пустыми; они были представлены с трогательной символической заботой о религиозной иконографии. Эти карты, как заметил Хила, напоминали те, которые были вытатуированы на коже Алой Гвардии Императрицы.

В центре потолка они нашли Форталис, изображённый как центр разумного, известного мира Хисперо. Линии маршрутов, границ и контуры покрывали своей путаницей все стены комнаты. Форталис был похож на точку на льду, в которую ударил камень; всё остальное было трещинами, расходившимися из этой точки.

Они осмотрели множество линий, начинавшихся в Форталисе и идущих на юг. Лес Кестхевен шёл вниз по южной стороне часовни — Сэм не могла не думать об этой покрытой фресками комнате как о религиозной. Лес — с индивидуально нарисованными деревьями, прелестно символическими деревьями, не соответствующими ни одну типу из известных ей — был выцветшим оливково-зелёным пятном. Он был похож на клочковатую бороду или плесень на стене.

— Вот туда нам нужно идти, — сказал Хила и попытался разобраться в путанице дорог. — По поверхности, долинами.

Сэм вдруг сказала:

— Мы уже на правильном пути, смотри! — она нашла нарисованный тоннель и даже эту часовню.

Это помещение на карте было похоже на пузырёк в трубке со ртутью. Она всмотрелась, Хила всмотрелся, и они обнаружили, что в нарисованном зале есть даже карты на стенах. Карта карт. А возле нарисованных на стенах карт стояли две фигурки размером с ноготь, с фонариком.

— У меня голова кружится, — сказала Сэм.

Бесконечная регрессия, — назвал когда-то такое Доктор, объясняя что-то о темпоральной физике при помощи зеркал и маленького пластмассового далека. Она отвернулась.

— Этот тоннель соединяется с подземной рекой, — прошептал Хила. — Если мы спустимся по ней…

мы окажемся здесь, — он указал в самый центр леса.

— Хорошо, — сказала она, едва не вздрогнув.

Затем они проследили надземный путь, более длинный, долинами.

— Надеюсь, — сказала она, — что Доктор найдёт дорогу.

Хила проворчал:

— Думаю, они уже нашли.

Он указал на нарисованную расщелину в скале, где проезд казался особенно сложным. А там — Сэм с трудом этому верила — было наивное, но ни с чем не спутываемое изображение двухэтажного автобуса, ярко-красное, а рядом с ним были две фигурки, которые смотрели, выбирая куда свернуть.

— Это карта на все времена, — ахнул Хила. — Она отображает не только места, но и события.

— Значит, он в пути, — сказала Сэм.

Она посмотрела на серо-зелёное пятно, обозначавшее Доктора. На его шевелюру. Айрис вышла хуже: жёлто-синее пятно, толстое оттого, что она упёрла руки в боки.

— Жаль, что нельзя свернуть её и взять с собой, — сказала Сэм.

— У меня отличная память.

— Не сомневаюсь.

— Обычно мне достаточно один раз посмотреть на карту. Но это другое дело. Эта карта меняется в соответствии с событиями и с бесконечной изменчивостью топографии Хисперо. Я слышал сказки об этой комнате. На всём Хисперо

неизменны лишь звёзды и эта комната. Всё остальное — абсолютно всё — изменяется.

— Пойдём дальше, — сказала она. — Найдём эту реку.

Ей не нравилась идея оставаться в неизменном месте. И её тревожила зачарованность Хилы картами.

— Можно найти место моего рождения… Можно узнать, как там они…

— Нет, Хила. Нам нужно идти.

Он провёл глазами обратно по их пути, туда, где был город Хисперо. В его северной части, в роскошном дворце под куполом, он нашёл Алую Императрицу. Он зашипел и показал город Сэм:

— В конечном итоге нам нужно прийти сюда.

— Неблизкая будет дорога.

Глядя на обширные просторы древней планеты, она почувствовала себя очень маленькой и чуть не пожалела, что не участвует в одном из тех приключений, которые ограничивались несколькими коридорами и парой пунктов управления. Огромность Хисперо, его безмерные пустыни и моря начали тревожить её. В небольшом подземном зале Сэм почувствовала намёки на агорафобию.

***

Боже мой, вы говорите о специалистах по сознанию, о планах духовного порабощения, о зондах разума, о зондах мозга, гипнозе, краже душ, а я видел всё это. Моим умом управляли лучшие из них. Вернее, лучшие из этих паразитов пытались в разное время залезть в моё сознание,

пытались взять меня под контроль. Пристёгивали к столам, повсюду торчали электроды, на висках у меня были чувствительные присоски, которые высасывали воспоминания, ощущения и суть. Как умирающий, я снова и снова видел, как перед моими глазами мелькала моя жизнь. Очень запутанный из меня экзистенциалист. Я очень стараюсь, но моё прошлое меня не отпускает.

Одно время мне казалось, что никто из тех, кого я встречал, не был доволен своей судьбой, поскольку все они хотели заполучить души всех остальных. Все эти порабощения… их довольно много было. Ну, вы же меня знаете. Собственничество никогда не было мне свойственно. А как иначе?

То, что я чувствую сейчас по отношению к Айрис, весьма необычно. Я уверен, что она считает, что я дуюсь на неё. Возможно, так оно и есть. Она должна уже хорошо чувствовать мои настроения. Когда у меня нет желания разговаривать, я устраняюсь. Я всегда так делаю. В целом, я существо общительное, но… иногда нужно немного отдохнуть.

Она покушается на меня. Не просто на моё личное пространство, хотя и с этим проблем хватает. В этой поездке, когда нас в автобусе двое, нам приходится договариваться, довольно откровенно и осторожно, о нашем пространстве и о приватности. Это не так, как в моём корабле. Я не могу уйти куда-нибудь. Скорее это похоже на мою поездку на санях по ледяным полям Мирра… о, я уже не помню, когда это было; тогда я два

месяца находился в тесном пространстве с двумя похожими на пуделей малышами.

Айрис всё время о чём-то болтает. Я считал, что моё текущее воплощение болтливое, ведь я вечно что-то несу о планах, о стратегиях… все эти мои спонтанные словоизлияния… Я не могу вспомнить времена, когда я был более разговорчивым, чем сейчас, но до Айрис мне далеко. Прошлой ночью я двадцать минут слушал лекцию о том, как её ТАРДИС поддерживает постоянный запас свежей воды. Я уже догадался, что она, должно быть, присоединила свои баки к какому-то карманному измерению, но она говорила и говорила о том, что бак на кухне берёт воду из огромного частного резервуара, который она подобрала (иными словами, украла) в Канаде. Айрис сказала, что иногда хочет просочиться в собственные краны на кухне, сквозь ржавые трубы, в эту бесконечно чистую воду. Всё о чём я мог думать — виртуальное давление на трубы, огромная масса в задней части автобуса. Мне кажется, что она не в полной мере понимает последствия своего аматорства с трасразмерностными… хм… штуками. Трансразмерностные переходы для неё — вопрос удобства в быту или даже забавы.

Дело в том, что чем больше она говорит о том, чего добилась, где побывала, кого повстречала — в каком бы то ни было измерении (мы их так называем ради удобства) — тем больше я думаю об этом в те драгоценные часы, которые мне удаётся выделить для себя, я переживаю истории Айрис. Не только те, которые кажутся странно

похожими на мои собственные. А ещё она настойчиво напоминает мне о тех временах, которые мы провели вместе, в самых разных местах, о тех случаях, когда наши рискованные пути пересекались. Эти воспоминания тревожат меня, потому что после того, как она беззаботно их вызвала, мне уже от них не избавиться. Всё это, похоже, действительно случалось со мной. Теперь я их вижу в полном цвете, в 3Д, с объёмным звуком. Но я бы ни за что их не вспомнил без её осторожных намёков во время разговоров. Интересно, сколько всего воспоминаний я по привычке подавляю или изживаю? (Наверное, можно провести пугающую аналогию между моим бездонным прошлым и холодным канадским озером, плещущимся за водопроводом Айрис).

Видите, как коварно действует на меня её небрежная болтовня?

В один из недавних дней — я уже сбился со счёта, так что даже и не спрашивайте в какой именно — мы остановили автобус и вошли в лес, который рос вокруг нас, восхитительно дикий и густой.

— Помнишь, — сказала она, и я вздрогнул, понимая, что сейчас будет очередное жуткое воспоминание. В тот день она была в пурпурных тюрбане и шарфе, в тёмных очках, губы были алые и строгие. — Помнишь ту жуткую ссору, которую ты затеял, когда мы были в гостях у Гертруды Стайн на Рю де Флёрюс 27, там тогда ещё был Пикассо, а он с собой привёл Жана Кокто, и ты…

— Айрис, — резко сказал я, — если ты это выдумываешь, я не хочу про это слышать.

— О, но ты должен помнить это! Подружка Гертруды, Алиса Токлас, готовила всю ночь и весь день, и накрыла шикарный стол. Гертруда пыталась польстить всем приглашённым художникам, усадив их за столом так, чтобы напротив каждого висела написанная им картина, которую она купила. Это была красивая комната, в ней было полно свежих работ Матисса и Пикассо, кругом такой беспорядок, а освещено всё было довольно декадентским канделябром. И ты повздорил с Гертрудой из-за её последней книги, в которой она утверждала, что именно благодаря ей возникли дадаизм, сюрреализм и кубизм…

Я нахмурился:

— Когда это было?

— Примерно в 1935 году. После того, как была опубликована автобиография Алисы Токлас.

— Я имел в виду своё время.

— О. Дай подумать. С тобой была эта милая девушка, Джо. Ты был в синем вельветом смокинге, на голове седая шевелюра. Той осенью ты очень выделялся в Париже. Весь левый берег тебя обсуждал. Ты утверждал, что прибыл со Спиродона, который захватили полузамороженные далеки…

— Ах, да, — сказал я и вдруг увидел всё это как наяву.

Джо хорошо вписалась в тридцатые. Ей нравилось знакомиться с художниками и писателями этого периода, а мне было приятно

показать ей место, где ей не грозила постоянная опасность. Она думала, что будет презирать Пикассо, но на деле оказалась очарована им.

— Ты была там, — сказал я Айрис. — Ты стала на сторону Стайн, против меня. Ты сказала, что она имеет полное право переписывать культурную историю и помещать себя в её центре, если ей так хочется.

— Вот именно, — самодовольно сказала Айрис.

— И мы вместе поехали на поезде. Джо хотела посмотреть Берлин. Застать Кабаре.

Айрис мрачно кивнула:

— И мы всех их увидели ещё до того, как они стали знаменитыми. Кристофера Ишервуда, когда он жил на Ноллендорфштрассе с этой ужасной шлюхой, которая пела и всё время пыталась затащить его в постель. А беднягу Криса только парни интересовали.

— Я забыл половину людей, которых встречал… — сказал я.

— Как ты мог забыть Ишервуда? Одена, который вечно ходил в халате и шлёпанцах? Стайн со всеми её картинами и собаками?

Я беспомощно пожал плечами:

— Спокойные моменты всегда забываются. Я запоминаю только жуткий экшен.

— Экшен, — она покачала головой. — Тебе нужно вести себя более подобающе твоему возрасту.

— Я помню встречу с Гретой Гарбо в Калифорнии, — сказал я.

— Я не помню.

— Нет, тебя тогда не было, — я улыбнулся. — Это был пикник в пыльной долине. Ишервуд тоже там был, с Бертрандом Расселом и Олдосом Хаксли. Гарбо из-за меня на дерево полезла. Вскарабкалась на самый верх, чтобы инжира мне нарвать. Забавная она была, гораздо более общительная, чем можно было ожидать.

Айрис это, похоже, задело:

— Ты встречался с Гарбо? Она ради тебя полезла на дерево?

— Тебя так легко впечатлить, Айрис, — засмеялся я. — Ты так падка на знаменитостей. Люди — это просто люди.

— Да, но… Гарбо!

— Я сказал ей, что в предыдущей жизни встречался с настоящей королевой Кристиной. Я сказал, что когда она играла в этой нелепой киношке, ей удалось передать что-то из истинной природы Кристины.

— Хвастун. И что тебе сказала Гарбо? Сочла тебя спятившим?

— Она запрокинула голову и рассмеялась. У неё такой милый смех. Но она поверила каждому слову.

Айрис укоризненно цокала языком.

Тем вечером мы заехали глубже в лес Кестхевен. Мы изо всех глазели по сторонам, высматривая этих пресловутых медведей.

***

Когда они подошли к реке, оказалось, что шириной она метров шесть. Но поток был мощный, он уверенно прорезал неровные стены

тоннеля. Шум был оглушительный. Сэм и Хила стояли на мокром берегу и смотрели, как мимо них бурлят тёмные струи.

— Там может жить что угодно, — сказала Сэм.

Хила едва сдерживал свою радость. Не сказав ни слова, он нырнул и долго не выныривал. Сэм села, ожидая его.

Вернувшись, он устало выбрался на берег.

— Там всё кишит от жизни, — сказал он. Глаза его сверкали. — Ничего особо знакомого. А ещё тут очень глубоко — тёмный провал уходит под землю.

— Чудесно.

— И, похоже, другого пути нет. Нам нужно плыть вниз по реке.

— Я столько не проплыву, Хила.

Она, подумала, что вода утомит её в считанные минуты. Сэм было неприятно признаваться в этом, но она научилась учитывать свои ограниченные возможности. Не годится кидаться каждый раз с головой в омут.

— Нам нужна лодка, — сказал Хила. — Или плот какой-нибудь.

И они принялись работать, собирать на берегу мёртвые растения-альбиносы. Древесина была белая и хрупкая, она легко ломалась. Сэм приносила ещё и ещё, быстро устав, таская стволы, которые были выше неё ростом. Хила старательно мастерил плот. Он многое умел и постоянно рассказывал о своём детстве и обучению жизни в болотах. Его первые путешествия вокруг дома были возможны только на плоту. Размочив лианы, он перевязал ими

брёвна, туго затянул и оставил сушиться, иногда ускоряя этот процесс, изрыгая небольшое пламя.

— Ты не разожжёшь нам костёр? — сказала Сэм. — Твоя сушка займёт всю ночь.

— Ночь? — спросил Хила. — Ты что, имеешь какое-то представление о том, который сейчас час?

— Нет, не имею, — удивилась она.

Они не останавливали работу, пока их судно не было завершено и не лежало на чёрном берегу, хрупкое на вид.

— И вот этому я должна доверить свою жизнь?

— Боюсь, что да, — Хила пожал плечами. — Да нормально всё будет.

А затем они легли спать, чтобы восстановить перед отправлением силы. Проснувшись несколько часов спустя, Сэм увидела, что Хила обдирает с двух тонких стволов листья и кору. Он объяснил, что с помощью этих шестов они будут управлять плотами, отталкиваясь от низкого потолка тоннеля. Сэм встала и с большим сожалением подумала о вождении автобуса и о том, как ей нравилась открывающаяся впереди бесконечная дорога.

Глава 17
Рассказывание сказок

И вот они строили плот и готовились к сплаву по белой воде, или по чёрной воде, или как там это называется. Я называю это «броситься очертя голову», отдаться безумству воды. Лично я предпочитаю, когда от меня зависит и то, куда я направляюсь, и способ передвижения.

Я Айрис, помните меня? Мы вернулись к моим журналам, к этим мятым записям, нацарапанным сразу после самого события, что, разумеется, может ослабить ваш саспенс, дорогой читатель, в том смысле, что раз уж я рассказываю из будущего о прошедших событиях, значит, я как минимум выжила! Да, но в каком виде? Вот о чём вам следует подумать. Особенность обладателей таких способностей, как у меня, в том, что даже сейчас, когда я обращаюсь к вам из будущего, вы всё ещё не знаете, как я прошла через все эти передряги. И прошла ли вообще. Так что саспенс возвращается. Ручку на максимум. Мы с Доктором снова были в отчаянном положении (как всегда).

Потому что примерно в это же время мы странствовали в цветастом и загадочном Лесе Кестхевен, и нас схватили (Ага, схватили! Вот теперь вы навострите уши) некие райские птицы.

Я так их называю, хотя настоящего их имени даже не знаю. Я никогда не имела склонности к науке. В отличие от Доктора, который без видимых усилий мог вынуть, словно из шляпы,

наиболее верное название расы, биологический вид и тому подобное, любого встречного существа. Это он сделал мне выговор за то, что я до сих пор называла (как мне казалось, очень красочно) земных рептилий силурийцами и морскими дьяволами. «Это очень невежливо, — с серьёзным видом поведал он, — так же плохо, как когда эти существа называют людей примитивными обезьянами». Надо же.

Как бы там ни было, для меня они выглядели как райские птицы. Каждая восхитительно наряжена и непохожа на остальных. Однажды, когда мы были довольно далеко от моего автобуса, они слетелись восхитительным кольцом вокруг нас. Доктор решил, что нам нужно пройтись и изучить лесные задворки, куда автобус не мог проехать. Воздух зашумел, загудел, и к нам из густых ветвей опустились птицы. Самая большая была ростом больше двух метров. Они не сводили с нас глаз. Я тогда подумала о том, какую шляпу могла бы сделать, если бы просто подобрала золотые, алые и аквамариновые перья, которые упали с них, пока они приземлялись вокруг нас. Но я прогнала эту мысль. Было похоже на то, что мы были в смертельной опасности.

Стоявший рядом со мной Доктор застыл от неожиданности и некоторой насторожённости. Я посмотрела на них, и в этот раз меня поразили их ужасные крючковатые клювы. Они были матово-чёрные с золотом, и острые как ножи. Их пальцы были когтистые, как у ящериц, но ловкие, как у гуманоидов.

Несколько секунд мы стояли, изучая друг друга. А потом тишину нарушил внезапный громкий чих Доктора.

— Должно быть, у меня аллергия, — сказал он, нахмурился и снова чихнул.

А потом одна из птиц, потрёпанная коричневая крапивница, сказала гнусавым, усталым от жизни голосом: «Поднимайте этих двоих».

И не успели мы ни возразить, ни возмутиться, как нас схватили когтистые, покрытые чешуёй лапы, и воздух снова превратился в бурление перьев, и нас отнесли высоко на деревья, где у этих птиц был свой город, своё сообщество. Это было довольно нелепо; я крепко держала свою сумочку и придерживала одежду, сосредоточившись на Докторе, который всё чихал и чихал, зарывшись головой в большую грудь надменной птицы-рух.

Когда нас снова поставили, мы оказались на удивительно устойчивой платформе, сооружённой из веток и серой глины. Из собранного на земле хвороста эти птицы построили себе на деревьях сложную систему домов и соединяющих их помостов. Нас без объяснений затолкали в крытый загон, находившийся на древнем дереве, на высоте больше ста метров, и оставили сидеть в компании жуткого вида свиней.

Доктор устало высморкался в носовой платок:

— Кажется, у меня впервые аллергия на животных.

Меня это не удивляло. В этих древесных кронах запах был как в теплице. Да ещё и свиньи воняли.

Они сгрудились на соломе, в тёмном углу загона и тревожно смотрели на нас.

— Кажется, мы в мясной кладовке, — сказала я.

Доктор зашипел на меня, чтобы я молчала и не пугала свиней. Он заговорил с ними:

— Вы давно тут?

— Не думаю, что они разговаривают.

— Джо Грант когда-то сказала мне то же самое о встреченных нами курах. Она смеялась с того, что я слишком вежлив.

— Куры, которые нас только что схватили, особой вежливостью не отличаются.

— Это точно.

Покрытые чёрной шерстью свиньи шуршали соломой, но ничего не говорили.

— Ненавижу, когда мои планы вот так нарушаются, — сказала Доктор.

— Насколько я понимаю, — сказала я, растягиваясь на бугристом полу, — нам скоро сообщат, что с нами будут делать.

— Иногда вся жизнь кажется лишь вопросом о том, кто кого взял в плен, — пожаловался он.

— Просто у тебя такой круг общения.

— Думаю, у меня нездоровое пристрастие к тем чудесным моментам, когда вырываешься на свободу. Когда думаешь, что всё уже кончено и никогда не выбраться. А потом вдруг раз — и ты снова на свободе, ты снова в игре.

— Ох, Доктор, — рассмеялась я.

— Что?

Я лишь пожала плечами.

— Ты надо мной смеёшься.

— Возможно.

— Перестань.

— Ты знаешь, — сказала я, — я одна из тех немногих, кто знал тебя ещё в том первом воплощении. Только что сбежавшего с Галлифрея. Такой молодой, такой импульсивный. Ещё даже волосы не поседели. Ты тогда выглядел моложе, чем сейчас. Немного на драчуна был похож. Горячая голова.

— Что, серьёзно?

— Ты отправился во Французскую Революцию. Освобождался то из одной темницы, то из другой. Как Алый Первоцвет. И тогда ты сказал мне то же самое. То же самое, что сказал только что. Что больше всего на свете тебе нравится выбираться на свободу.

— Значит, я почти не изменился?

— Не изменился, — сказала я и он вздохнул.

— Я не такой уж и… как ты сказала? Драчун?

— Твоё первое воплощение таким было. Во всяком случае, в молодости. Было в нём что-то от старой Империи. Нет, ты не такой же, как тогда. У меня такое впечатление, что сейчас ты по сравнению со своими предыдущими воплощениями более… великодушный, что ли. Ты из кожи вон лезешь, чтобы лучше узнать людей, раньше ты так не делал. Ты теперь не такой загадочный.

— Нельзя же вечно сторониться мира, — сказал он.

Должна признать, что от этих слов мои сердца забились чаще. Но я всё ещё не могла спросить о его чувствах ко мне. Наверное, даже попытка задать такой вопрос была бы гротескной и нелепой. Я не хотела стать для него очередной причиной сбегать.

А потом я подумала: «Какая нелепость. Мы сидим в стойле со свиньями, которых растит на убой раса чёртовых попугаев, а я думаю о мужчине, которого люблю уже сотни лет». И это стало ещё более нелепым, когда нас потащили, несмотря на наше возмущение, в совет птиц и заставили говорить. Эти птицы, как оказалось, обожали рассказы. И нас заставили рассказывать ради сохранения наших жизней сказки.

Самодовольная лидерша, похожая на крапивника, сидела на постаменте в окружении разношёрстной охраны и слушала нас, пытавшихся нестройным дуэтом нести всякую околесицу. Вокруг нас на насестах было полно ярких птиц, все они слушали. Я подумала о старой сказке про Шахерезаду, своим бесконечным рассказом спасавшей жизнь себе и своей сестре от кровожадного султана, который тоже был без ума от сказок. Той ночью мы с Доктором чуть мозги себе не сломали. Нам с ним было о чём рассказать.

***

На неудобном судёнышке, которое Хила смастерил из подручных материалов, они проплыли уже несколько миль. Было что-то сумасшедшее и расслабляющее в том, чтобы позволить бушующему потоку вот так тащить

себя. Отталкиваться им почти не приходилось. Хила лёг и задремал, решив отдаться стихии.

Сэм легла рядом. Ей казалось, что они в чьей-то вене и направляются к сердцу. Она не могла понять, стало ли уже хоть немного светлее. Её глаза обманывали её; возможно, она просто привыкла к этому мраку.

Из полудрёмы её вывел поднявшийся шум. Она снова увидела эти держащиеся друг за друга ладони, порхавшие, словно птица. С кончиков пальцев на Сэм и ещё не проснувшегося Человека-Аллигатора с любопытством таращились глаза. Руки Герцогини легко порхали над ними, а затем направились в тоннель, словно показывая дорогу. А потом руки исчезли в темноте.

В следующий раз она очнулась из более глубокого сна от того, что её нос и лёгкие заполнили жгучие сернистые испарения. Плот начало сильно раскачивать, река кидала его между стенами пещеры. Желтоватая вода бурлила и вздымалась. Сэм показалось, что вода похожа на пиво, а пахнет тухлыми яйцами. Она разбудила Хилу.

— В чём дело?

— Дорога стала ухабистее.

— Ничего страшного, — проворчал он, не желая просыпаться. — Эта штука довольно устойчивая…

Именно в этот момент одно из опасных встречных течений схватило их и швырнуло плот в воздух, после чего тот ударился о быстрые волны и разбился в щепки. Сэм и Хила оказались глубоко под водой.

Они как камни погружались в плотную жёлто-зелёную воду.

Здесь секунды проходили с другой скоростью, время стало восприниматься иначе. Они не знали, как им дышать. Они думали, что погибли. Сэм не помнила точный момент, когда она уступила темноте и согласилась умереть, но он должен был быть, потому что она перестала пытаться плыть. Она позволила мутным глубинам поглотить её.

А затем она увидела неуверенно двигавшиеся в грязной воде силуэты. Свет был очень слабый, поэтому она не могла как следует разглядеть, что это. Она снова начала плыть, изо всех сил удерживая дыхание, и морально приготовилась к возможному случайному контакту с этими существами.

А какие они могут быть наощупь? Если как акулы, то её порежет первым же прикосновением. Или это будет больше похоже на прикосновение к упругим прозрачным медузам, когда ждёшь, что они ужалят? Но ни одно из существ не делало неосторожных движений, а она старалась не поддаваться ложному ощущению безопасности. Она всё время плыла, направляя себя к поверхности, которая была далеко вверху, похожая на кожу с морщинами. Сэм не выпускала из виду Хилу: он тоже постепенно продвигался вверх.

Существа, похоже, решили её не трогать, но она могла поклясться, что они не сводят с неё глаз, хотя никаких глаз не было видно.

Они медленно качались и кружились, розовато-лиловые и серые туши вращались в полумраке. Что-то в самой анонимности их форм было неприятно для глаз. Она старалась держаться на расстоянии от большого и особенного страшного существа, похожего своей формой на баклажан. Оно было гладкое, без деталей; Сэм не могла понять, где у него что, но оно явно было разумным. Оно беспокойно блуждало из стороны в сторону, пробуя холодную муть реки. У чёрной пирамиды из какого-то мясистого, сверкающего вещества при приближении Сэм появилась корона из неприличного вида шипов; это напугало девушку. Она постаралась обплыть это и, к счастью, оно не стало гнаться. У Сэм заканчивался воздух; лёгкие пекли, казалось, что они прижались к её горлу. Руки и ноги болели, но она чувствовала себя как будто отделённой от тела, самостоятельно двигавшегося вверх.

Всё это время мимо неё проплывали и рассматривали её пурпурные существа, похожие на морских звёзд. Их очень подвижные лучи были похожи на бархатные перчатки. Они кружились строем, образовав вокруг неё кольцо и максимально раскинув лучи, достигая при этом размеров обеденного стола. Их глаза, расположенные прямо на этих тёмных ладонях, были очень человеческими, они постоянно моргали, изображая что-то вроде недоверия.

Сэм подумала, что если бы её тут не было, если бы они с Хилой не попали сюда, никто бы никогда и не узнал, что эти существа существуют. Она

соприкоснулась с формой жизни, которую не ожидала, о которой не подозревала, и мысль об этом заставила её сердце биться чаще. «Если бы нас тут не было, эти эксцентричные существа, похожие на овощи в холодном бульоне, могли бы тут и не быть, а могли бы и быть, заниматься своими делами». Она была рада увидеть новых существ, которые не пытались ни убить её, ни съесть, ни загипнотизировать. Не каждый новый опыт означал боль, не каждая новинка грозила смертью. Это стоило запомнить. Доктор пообещал ей… всё. Он пообещал изумить её, и когда он радостно это произносил, она рассмеялась с его старомодного слэнга.

Мысли Сэм перебили мысли существ, на которых она смотрела. Она не сразу поняла, что они к ней обращаются. Тела существ не делали резких движений, не пытались замедлить её движение, но их голоса проникли в её голову.

«Он отправил тебя в ложное путешествие, — говорили они. — Отправился, как всегда, вперёд, делая вид, что презирает Законы Времени, патриархат и бога, но его квест, как всегда, религиозен. Религия самого себя, и он настоящий мученик, уверенно бредущий к Тёмной Башне. Башня, Сэм — он ведёт тебя к ещё одной конфронтации с отцом, а фаллическая Башня — последняя, чёрная карта в колоде Доктора. Но ты не обязана идти с ним. Путь женщины иной. Путь женщины идёт к истоку, к избыточности мира, которую мужчине не понять. Оставь ему его фаллический квест, его зонд в Реальность. Идём с

нами, обратно к Воображаемому, ко времени до. Идём назад, к Матери».

«Да о ком вы вообще?» — спросила Сэм. Не нравилось ей всё это. Все эти «мы» и «он». Во время своих путешествий она встречала множество культов, которые старательно вербовали в свои ряды новичков; ей доводилось видеть, как толпа сходит с ума. Она решила изобразить из себя дурочку. Ей не нравились эти голоса в её голове. Но она спросила их: «О ком вы говорите? О Хиле?»

Обернувшись, она увидела, что тёмные существа схватили Хилу. Они обступили его массивными телами и не давали всплывать.

«Отпустите его! Он утонет!»

«Он продержится тут гораздо дольше, чем ты, сестра», — сказали они.

«Не называйте меня сестрой».

«Тем не менее, твоё место с нами. Ты правда веришь, что твоё место рядом с этим аллигатором? Посмотри в его глаза, Саманта Джоунс. Он же сама алчность. Он само доминирование и ярость, как и все мужчины. Он — сплошная показуха. Думаешь, в этих глазах есть уважение? О чём он, по-твоему, думает, когда смотрит на тебя?»

К этому времени они уже ощупывали Хилу своими подвижными конечностями, его сопротивление стало менее энергичным. Либо он бережёт свои силы, либо теряет сознание.

«Он хочет тебя, Саманта Джоунс. Когда вы упали в нашу стихию, когда ваш жалкий плотик сломался об воду и вы погрузились в наш мир, мы сразу увидели всё это, очень чётко. Он хочет

пользоваться тобой, сделать тебя одной из своего гарема. Когда он смотрит на тебя, он видит лишь набор женских атрибутов, созданных для его потребления».

«Я соглашусь, — сказала Сэм, — что он бывает сексистским мерзавцем…»

«Более того, — продолжал голос. — Его терзает неутолимая ностальгия по Воображаемому, бывшему до того, как этот мальчик вошёл в мир мужчин. Зловонные болота его детства ассоциируются для него с телом матери, из которого он родился. Оно ему одновременно желанно и противно. Всё, что он может — взять это тело, взять безжалостно, как можно более по-разному, надругаться над телом этой женщины, как только он его найдёт. И он встретил тебя».

«Я с ним справлюсь», — угрюмо сказала Сэм.

«Ты думаешь, что знаешь о повадках мужчин».

«Слушайте, а кто вы такие?»

«Ты не видишь, как они подавляют тебя. Ты такой ребёнок. Ты говоришь правду, ты говоришь всем своим разумом и своим телом, и ты веришь, что они говорят правду. Ты сама рассеянность; ты не сосредоточена. Ты кидаешь своё тело в пустоту и считаешь, что тебе не будет никакого вреда, но как его может не быть, если ты имеешь дело с миром мужчин?»

«Я могу позаботиться о себе».

«Когда мы говорили о большей опасности, о мужчине, который ведёт тебя вперёд в своём мессианском мужском квесте, мы не имели в виду это существо-аллигатора».

«Вы имеете в виду Доктора», — поразилась Сэм.

«Он приведёт тебя к твоему уничтожению, Саманта Джоунс. Если не твоего тела, то твоего духа. Свяжись с этим его квестом, и ты навеки потеряешь свою связь с матерью. С восхитительной и блаженной жестокостью нашей стихии. Ты потеряешь контакт с той частью себя, которая делает всё возможным».

«Вы говорите о Докторе так, словно он зло».

«Он мальчик. Он не знает, что он делает».

«Да?»

«Он полон стремления к дому, в который ему никогда не вернуться. Его родословная настолько сложна, что у него нет единого дома. Он был соткан из генетического бульона — Лума — на патриархальной планете без матерей, хотя иногда считает, что его родила более земная мать. Он не знает и, как бы там ни было, Доктор запутался в своём происхождении. Он всегда будет искать это. Ему нужно пройти путь мальчика. Он хочет заполучить точку своего происхождения для себя одного, и там умереть. Он хочет умереть мужчиной. Он будет погружаться назад во время, дальше и дальше, надеясь демифологизировать себя, вернувшись в свою мифологию. Если ты отправишься с ним, Сэм, это уничтожит тебя».

Сэм была странно тронута этим. Она была неподвижна в воде и вдруг поняла, что подвешена в пузыре густого воздуха. Он был похож на пузырь в масляном светильнике. Голос дал ей время подумать. Она сказала: «Я верю ему».

«Ты дура. Ты же знаешь, что у женщины квест другой. Женщина сама себе мать. Мы вложены друг в друга, как матрёшки на твоей планете. Нам не нужен этот всепоглощающий поход к истокам. Наш путь лежит дальше. Мы направляемся к неизвестному. Мы вольны изобретать».

«Вы не понимаете Доктора. Он не сексистская свинья, как Хила».

«Он не может ничего поделать с тем, кем он есть. Его пол чуждый, но непреклонный. Космос управляется мужскими и женскими импульсами — по отдельности…»

«Чушь это! — крикнула Сэм. — Доктор совсем не похож на типичного мужчину. Я вообще не уверена, что у него есть пол. Как можете вы — кем бы вы ни были — размышлять о том, кем он есть? Он сокровенный. Он неприкосновенный».

«Он мужчина».

«Я люблю его», — вдруг сказала Сэм. С шоком она поняла, что говорит существам правду. Голос молчал, а она думала над тем, что только что взболтнула. Любовь. А впрочем, за этим не последовало ни стыда, ни удивления. Я явно прошла уже стадию фиксации, — думала Сэм, — стадию стыда и скрытых взглядов. Её уже не пугала его близость. Она изменилась. Она любила его, но в этом не было ничего плохого. Она любила его достаточно для того, чтобы позволить ему отправиться куда угодно. Она не хотела его так, как хотела когда-то. «Я люблю его», — повторила она.

«Он отвергнул твои желания».

«Всё было не так».

«Тебе хотелось узнать о его желаниях».

«Разумеется».

«Но ты ни разу не видела и не слышала, чтобы он озвучивал что-то такое».

«Иногда... отдельные моменты. То, как он смотрит на некоторых людей. На женщин и мужчин. Но он никогда никак не действует. В нём есть что-то такое, отчего кажется, что он за пределами вопросов пола».

Голос существ засмеялся внутри её головы, реверберируя, как в ракушке. «Разве может кто-нибудь быть за пределами вопросов пола?»

А затем её и Хилу внезапно освободили и позволили плавно подняться невредимыми на поверхность.

В дневной свет. Они выплыли из тоннеля.

Они прошли долгий путь.

Сэм подумывала о том, не спросить ли у него, что он видел внизу. Она решила, что не стоит, но Хила в конце концов заговорил сам.

— Это был работорговец. Работорговец вернулся ко мне. Он вернулся и сказал, что я возвращаюсь в ил, в первобытный ил, и что я заслужил это. Он сказал мне, что мне уже недолго осталось быть человеком. Он сказал, что я животное.

Сэм не знала, что ей ответить.

***

Этот Доктор никогда не отличался хорошей памятью на рассказы. Точно так же, как он не умел рассказывать анекдоты. Когда дело доходило

до рассказа историй, он никогда не мог определить, что должно идти дальше. Никогда не мог разобраться, как развивается сюжет. Не из-за этого ли, — думал он, — я постоянно вляпываюсь в какие-то ситуации в своей реальной жизни. Его предыдущие воплощения не считали себя настолько доверчивыми. В отличие от них, он не стремился возвращаться к самому началу, чтобы распутать события, оставить для себя подсказки, организовать сюрпризы. Ему это казалось нечестным. Он больше не считал себя хитрым безымянным режиссёром, который манипулирует случаем и обстоятельствами в свою пользу.

Этой ночью, вынужденный отсрочивать свою смерть рассказами перед собранием экзотических птиц с острыми клювами, он почувствовал, что колодец его историй иссякает. Он обнаружил, что понятия не имеет, чем может их развлечь.

Он вспомнил, как Романа потащила его на оперу в Милане, а затем — посмотреть на восхитительных сопрано-гермафродитов Альфы Центавра. До этого он их никогда не видел. Романа была, разумеется, в восторге, когда наблюдала за действом из позолоченного балкона. А Доктору было скучно, он не мог следить за сюжетом, ему хотелось уйти, хотелось, чтобы что-нибудь произошло.

Сегодня ему придётся полагаться на помощь Айрис. К счастью, она была старая болтунья. Но она заставила начать его.

Как же птицы шевелились и шумели, выражая одобрение, разочарование и беспокойство. Они

цеплялись за каждое его слово, их глазки следили за каждым его движением, и он постепенно входил в свою роль.

Вначале он рассказал им притчи, которые, по его воспоминаниям, очень ему нравились. Начав одну, он вспоминал всё больше и больше. Он снова увидел, как одна история может вести к другой. Он рассказал им о жадном эксцентричном торговце, который повсюду ходил в халате и в шлёпанцах, над которым на улице смеялись из-за его чудного вида, отчего он был очень несчастен. Однажды налетел сильный ветер, и он вцепился в пальму, чтобы не улететь. В конечном итоге он оказался на турецкой земле, где все ходили в шлёпанцах и халатах, там это было обычным делом. Поначалу он считал, что нашёл своё место, но потом ему наскучило быть ординарным.

Крапивница подала голос:

— И каков смысл этого рассказа?

— Смысл? — нахмурился Доктор. — Простите, я вас не понимаю.

— Должен быть смысл! — верещала крапивница. — У сказок должна быть мораль. Иначе как она может поучать?

— Не уверен, что я готов согласиться с тем, что меня поучают, — сказал Доктор. — Слушайте, давайте я вам другую расскажу.

И он рассказал им о слоне, который воровал тыквы на грядке, которая была единственным источником пропитания одной семьи. Это была африканская сказка. Один мальчик опорожнил одну из тыкв, залез вовнутрь, спрятался там.

Когда слон-царь проглотил эту отборную тыкву целиком, мальчик дождался, когда окажется в самом животе, а затем разломал оранжевую оболочку и полез вверх, чтобы пронзить жадное розовое сердце слона.

— Хорошо, — вскрикнула одна из экстравагантных птиц, похожая на попугая-ара. — Ты говоришь нам, что месть — это хорошо, а лучше всего, когда она беспощадная. Что угнетатели будут укрощены насилием.

— Разве? — Доктор не был уверен, что его радует такой вывод.

Поэтому он рассказал сказку о бездетной женщине, которая вместо ребёнка усыновила птицу.

На окрестных насестах птицы возбуждённо зашевелились. «Может, не стоило рассказывать именно эту», — подумал Доктор, но всё равно продолжил.

С женщины и её ребёнка-птицы смеялись её муж и его новая жена, которая могла рожать настоящих детей. А затем новая жена съела ребёнка-птицу, зажарив его на вертеле, чтобы расстроить женщину.

Парламент возмущённо заревел.

— Всё в порядке! — махал руками Доктор. — Конец у сказки счастливый!

И он рассказал им о том, как ребёнок-птица, съеденный мужем и новой женой, снова ожил и исцарапал их внутренности так, что они умерли.

Это немного успокоило птиц.

— Какие у тебя кровожадные сказки, Доктор, — сказала ему Айрис. — Я от тебя такого не ожидала.

Он пожал плечами и предоставил слово ей.

Айрис начала:

— Доктор тут забивал вам головы сказками о мести и поедании живьём. Эти сказки он рассказывает для того, чтобы не рассказывать о себе и о своей жизни. А вот я расскажу вам о себе, о своей жизни и путешествиях, о том, что я видела…

Доктор сильно расстроился.

— Ну, начинай уже, — пригрозила крапивница.

— Я родилась среди горных вершин, — сказала Айрис. — Где каждый день шёл сильный снег, который не давал нам выйти из дома, уходившего сотнями этажей в скалу, словно зуб в челюсти горы.

— У птиц нет зубов, — заметил кто-то.

— И за мной ухаживали мои тёти, их было около дюжины, а самой любимой из них была моя Баба, у которой была шаль, которая могла переносить её по всему свету, потому что она была сплетена из потерянных пёрышек всех известных нашему народу птиц.

Все затихли.

Доктор краем уха слушал её описание жизни в южном полушарии Галлифрея, о котором он знал очень мало. И в то же время описанные ею сказочные зимние картины казались странным образом знакомыми. Всё это время его взгляд

бегал по стенам и потолку этого парламента, выискивая возможность побега.

Айрис рассказывала свою долгую историю, разматывала бесконечный сюжет своих самых первых приключений. Она их заинтересовала.

Глава 18
Ты за мной вернёшься?

Королевы здесь, на Хисперо — обычное дело.

Что нужно в этом грубом изменчивом мире, сколько требуется усилий, чтобы застолбить за собой провинцию, народ, а то и целый город, чтобы подчинить их силе своей личности, своей могучей воле?

По всему Хисперо мелкие тиранчики правили маленькими княжествами. Они постоянно замышляли против своих соседей набеги и войны, разрабатывали сложные планы завоеваний и колонизаций, но им всегда хватало ума ничего из задуманного не осуществлять. Даже здесь, на этой хаотической планете, есть тонкое равновесие, все маленькие силы компенсируют друг друга. Мелкие правители разных земель научились понимать, когда вовремя остановиться.

Только Алая Императрица и предшествовавшие ей девятьсот её бабок, идентичных ей, жаждали всё большей и большей власти. Её ненасытное, злое присутствие в центре Хисперо, в городе, названном в честь их планеты, сдерживает более мелких правителей и сохраняет сложные структуры власти.

Мало кто видел Императрицу собственными глазами. Видели в основном её гвардейцев, которых она отправляла с поручениями — отряды красивых татуированных мужчин в развевающихся красных плащах. Её могущество

ощущали в более или менее коварных проявлениях.

И одной из правительниц малых земель, довольной своей участью и твёрдо намеренной держаться поодаль от остального Хисперо (вообще-то, намеренной никогда больше не возвращаться в мир) была Анджела, Бородатая Дама. Майор Анджела, самопровозглашённая королева леса и медведей Кестхевена.

***

Тем утром она сидела, положив свои толстые ноги на деревянную подставку, которую ей сделал Сатт. Этот мальчик показал себя хорошим мастером, одним из лучших. Откинувшись на спину на своей белой веранде, она повернула голову и слушала, как он стучит, проверяет внешние стены её дома на повреждения после грозы. Он жаловался ей на то, что его тучное тело покрыто красными пятнами сыпи и порезов. Оно колыхалось, когда он тряс ставни и задумчиво бродил по её саду. Анджела цокала языком и вздыхала. За столько лет она так и не научилась удерживать своих медведей от попыток выбриться.

Солнце опускалось за кроны деревьев. Она уже чувствовала кожей, что лучи угасают. Дни тут были такие короткие. Это была одна из тех особенностей, к которым ей пришлось привыкнуть, когда она только пришла к власти в Кестхевене около десяти лет назад: обычно солнце едва пробивалось в центр леса. Десять лет жила она здесь, десять лет она была лишена зрения. Но

она была абсолютно уверена в том, что сама её борода обладала своего рода шестым чувством. Она щетинилась и рассказывала ей о разном. Иногда, без ведома своих товарищей, майор Анджела знала о происходящем немного больше, чем должна была.

Ослепнув, она думала, что не будет скучать по солнечному свету, но она ошиблась. За эти годы самоизгнания её кожа стала бледной, землистой. А вот борода всё это время становилась только гуще. Раньше Анджела воспринимала её как отличительный знак, как символ своей странности и необычности. Теперь же она, белая и выцветшая, как у старика, свисала на старый латанный боевой мундир. «Анджела, — угрюмо сказала себе Бородатая Дама, — ты старая слепая боевая лошадь. Вот ты кто». Вставая из своего мягкого кресла, она рявкнула Сатту, своему садовнику:

— На сегодня хватит, рядовой! Думаю, дом уже хорошо залатан. Иди поужинай.

Идя в дом первой, гулко топая по голым полированным половицам, она размышляла об этом. Старая усадьба оказалась не такой крепкой, как она думала. В этом сезоне грозы и ураганы трепали её каждую ночь, унося иногда в ночную темень целые стены, двери, шкафы и оконные рамы. Это было очень странно. Если бы Анджела (как раньше звали майора Анджелу) была совсем другой дамой, скажем, суеверной дурочкой, она могла бы подумать, что её усадьбу и её маленькое княжество кто-то проклял. Но нет. «Никто, —

мрачно думала она, — не осмелился бы проклясть меня. За исключением, разве что…»

Она бесцеремонно прогнала эту мысль и велела бритым медведям, которые были её слугами, закрыть все ставни и люки, пока не началось привычное ночное буйство стихии. Её горничная неуклюже шаркала вокруг обеденного стола, держа в одной из лап небольшую свечку и старательно зажигая ею свечи канделябров. В комнате танцевали розовые тени, странно тревожные тени, которые Анджела скорее чувствовала, чем видела. В старом особняке было полно сквозняков, звуков и внезапных порывов ветра. К счастью, ещё в нём было полно медведей, каждый из которых был исключительно предан, а их свирепость не уступала преданности майору Анджеле, которая сейчас сидела довольная и голодная во главе полированного стола и хлопала в ладоши в ожидании ужина.

— Где остальные? — спросила она у горничной.

Никого из её круга избранных, самых умных и поразительных медведей, не было рядом. Это она могла почувствовать. Другие её придворные неуклюже заходили в зал, ковыляли к своим местам, чувствуя себя неловко в человеческой одежде, но среди них — она была в этом уверена — не было её немногочисленных избранных. Никто из присутствовавших не был членом внутреннего круга. В голосе горничной внезапно послышалась вина.

— Где они? — рявкнула Анджела.

В комнате внезапно наступила полная тишина, в которой кто-то звякнул столовыми приборами. Майор была недовольна.

— Ведут чужаков, — заикалась горничная. — Джизель и остальные ловили рыбу в устье реки и обнаружили…

— Что они обнаружили? — подгоняла Анджела.

— Чужаков, — сказала горничная. — Они хотели устроить сюрприз, привести их сюда к ужину, но раз их тут до сих пор нет…

Анджела рассердилась:

— Раз их тут до сих пор нет, рассказывай мне всё!

Горничная съёжилась от страха:

— Девушка и мужчина с толстой шкурой, зелёной, как у аллигатора. Они вылились из Устья Реки, прямо из скалы, как будто их выплюнуло из центра мира…

Анджела задумалась.

— Я хочу, чтобы их доставили ко мне.

— Это уже делают, мадам.

— Никто не смеет являться на мои земли без моего ведома! Хоть я и слепая.

— Вы правы, мадам.

Все безволосые медведи смотрели вдоль накрытого безупречно чистой скатертью стола на майора Анджелу. Она была сосредоточенная, её мысли были явно где-то далеко отсюда.

— Даже эти птицы на своих насестах, — прошипела она. — Даже эти птицы принадлежат мне.

***

И именно этим птицам, в их парламенте в лесной кроне, Доктор в этот момент рассказывал о разных одержимых властью маньяках, с которыми ему доводилось встречаться.

— Чего я не могу понять, так это стремления навязать всему и вся свою волю, — сказал он, отвлекаясь от своего рассказа, который был о том, как его послали предотвратить мечты и желания некоего исторического деспота. — Чтобы всё стало таким же, как ты. И что же ты в итоге получишь? Всё вокруг одинаковое. Несчастная однородность. Скукота.

— Это похоже Нарцисса, — размышляла Айрис. — Настолько влюблённого в свой образ, что этот образ заменял всё остальное, пока не осталось ничего, кроме возлюбленного себя. Это ужасный, смертельный роман с самим собой.

Командовавшая птицами крапивница подала голос:

— Твой рассказ остановился.

— Ха! — вскрикнул Доктор. — Вам только постоянное, неостанавливающееся развитие сюжета, экшн. Вы просто ненасытные! На чём я остановился? Ах, да. Как вы помните, я держал в руках два провода, замкнув которые, я бы вызвал взрыв, который бы уничтожил инкубационную камеру с существами, которые однажды должны были стать моими смертельными врагами. А Сара Джейн говорит мне...

— Она такая очаровательная девушка, — сказала Айрис.

— Чудесная. Так вот, она говорит мне...

— А чем она сейчас занимается?

Предводительница птиц повернулась к Айрис и вдруг визгливым голосом сказала своим подчинённым:

— Выклюйте ей глаза.

— Что?! — возмутился Доктор, когда орлы зашевелились на местах, готовясь выполнить приказ. — Если вы хоть коснётесь моей подруги, я не буду продолжать свой рассказ. Ни один из них.

— Ты обязан! — верещала крапивница.

— И не подумаю.

— Она невыносимая женщина.

— Я знаю, но она мой друг.

— Ты хочешь сказать, что мы должны пощадить её, и тогда ты расскажешь нам ещё?

К большому недовольству Айрис, птицы уже решили, что рассказы Доктора им нравятся больше, чем её.

— Совершенно верно, — решительно сказал Доктор.

— Может быть, вам обоим глаза нужно выколоть? — размышляла крапивница. — И выклевать печень, и…

Доктор взмахнул обеими руками:

— Подождите!

Все птицы — которых весьма воодушевили кровожадные призывы их лидера — свирепо посмотрели на него.

— Я могу рассказать вам намного больше, — торопливо сказал он, лихорадочно торгуясь. Он провёл пальцами по волосам и затараторил: — Я уже говорил о свирепой, покрытой слизью твари в

провале, с которой только я смог подружиться и поговорить? Или о том, как мне пришлось сражаться с многоногим врагом, каждая пора кожи которого выделяла кислоту, а происходило это на арене, вокруг которой было не меньше миллиона зрителей? Или о мире на краю космоса, где я упал в лужу и познакомился с последним известным из самых странных существ этого мира? Или как я отправился в центр мира и познакомился с людьми, для которых время стояло на месте? Или о демоне, который жил под церковью и вырвался на свободу одной священной ночью, когда…

— Хватит! — закричала крапивница. — Мы верим, что ты ещё позабавишь нас своими глупостями, Доктор. Своими байками о выдуманных приключениях.

— Выдуманных?! — обиделся он.

— Ты поешь с нами и отдохнёшь. А затем продолжишь рассказывать, всю ночь. Не теряй возможности отдохнуть, Доктор.

Воздух зашумел, посыпались перья, и птицы разлетелись пировать. Доктора и Айрис оставили ждать. Они услышали визг одной из свиней, с которыми их держали ранее, и которую сейчас готовили на ужин.

— Выдуманные приключения, — пробормотал он.

Она ухмыльнулась:

— Считай их сам какими хочешь..

— Мои все настоящие!

— Всё это относительно, — пожала она плечами. — Слушай, я подумала... Нам нужно воспользоваться этой паузой.

Они осмотрели деревянное помещение, в котором проходил совет. Их оставили без охраны. Они были на небольшой платформе, вокруг них был только воздух. Отсюда они даже землю не могли видеть. В городе птиц, вполне естественно, было много этажей, и пленные, что было тоже вполне естественно, вряд ли могли куда-то деться.

— Хорошо, что мы высоты не боимся, — усмехнулся Доктор.

А затем чихнул, схватившись, чтобы не упасть, за локоть Айрис. Она укоризненно покачала головой.

— Я тут подумала, — продолжила она. — Похоже, им интересны только твои рассказы. Мои их не устраивают. Почему бы мне не... сбежать?

— А меня оставить разбираться с ними?

Она кивнула.

— Мне эта идея не нравится. Почему бы нам обоим не сбежать? — Доктор привык быть тем, кто сам отдаёт распоряжения и планирует.

— Потому что они заметят, что нас нет, и все полетят за нами. Нет. Если сбегу я, они даже не почешутся. Они с радостью будут слушать тебя, ты чудесный рассказчик.

Он тяжело вздохнул.

— Слушай, — сказала она. — Я вернусь к автобусу, вернусь на нём и спасу тебя.

Он подозрительно изогнул бровь.

— Честно!

Он вспомнил их ссоры из-за того, что она бросила Хилу и Сэм. Он был уверен, что она не станет тратить время на его спасение. По какой-то причине Айрис не позволяла никому и ничему становиться на её пути. Она стремилась к какой-то другой цели. Доктор до сих пор не мог этого понять, но в этот момент не видел никаких вариантов, кроме как уступить ей.

— Так помоги же мне сбежать, — настаивала она.

— И ты вернёшься за мной?

— Честное скаутское.

Он закатил глаза. А затем он указал ей кое-что; она не сомневалась, что он это заметит. Он всегда был мастак придумывать как сбежать, а она этому так и не научилась. Он кивнул на дыру между неровными брёвнами у них над головой.

— Выход есть только наверх, — улыбнулся он. — Вверх, сквозь эту дыру на крышу, а затем вниз по ветвям. Надеюсь, ты хорошо лазить умеешь.

— Я умею лазить, — угрюмо сказала она. — Может быть, не так хорошо, как Грета Гарбо, но достаточно хорошо.

И она полезла.

— Айрис, — сказал он.

— Что? — несмотря на то, что она добилась своего, она выглядела недовольной.

Она приготовилась прыгнуть с этой платформы на следующую, а затем подтянуться к брёвнам, к выходу наружу. Он смотрел на неё.

— Что? — спросила она, в этот раз мягче.

— Я не знаю, чего именно ты пытаешься добиться…

— Не спрашивай.

— Не буду. Но что бы это ни было, мне хотелось бы знать, почему ты не можешь довериться старым друзьям. Почему ты бросаешь их вот так на обочине. Почему ты стала такой… безжалостной.

Она пожала плечами:

— Тяжёлые времена.

А затем она наклонилась вперёд и быстро, звучно поцеловала его бледную щёку.

— До встречи, милый.

Он смотрел, как она с поразительной ловкостью поднялась на стропила и вылезла на свободу.

***

— Мне кажется, — сказала Хила, когда они устало брели, проваливаясь по щиколотки в опавшие листья, — мне кажется что это означает, что мы близки к нашей цели.

Он брёл перед Сэм, его покрытые чешуёй плечи поникли. Судя по всему, его аллигаторскому эго был нанесён тяжёлый удар такой простой сдачей в плен. Он пытался успокоить себя словами о том, что эта поимка, этот марш-бросок через тёмный лес к дому «майора» были им выгодны.

Сэм согласилась. Она не видела никакого другого варианта действий. Розово-серые, почти лысые медведи были поразительно сильными, свирепого вида существами. Они были вооружены ятаганами и золотыми топорами. С беспечной лёгкостью они прокладывали путь сквозь

нависавшие ветви и лианы. Она вздрогнула, вспомнив о том, как их с Хилой выбросило из Устья Реки, и медведи выдернули их из воды так, словно ловили форель. Она до сих пор чувствовала, как острые когти прорвали её одежду, вцепились в её кожу и швырнули на мокрый каменный берег.

— Эта майор, про которую они говорят… ты уверен, что это та женщина, которую мы ищем?

Хила грустно улыбнулся:

— О да. В старые времена Анджела называла себя майором Анджелой. Судя по тому, что они говорят, она тут во всю занята воплощением своей мечты о владении собственным уделом. И собственной частной армией.

Вскоре после этого лес оказался где-то внизу, и им пришлось идти по полке на осыпающейся скале, выстроившись в колонну по одному. Сэм подумала, что эта коричневая скала похожа на ямайский имбирный пирог. Под ними простирались сотни акров густых лесов. В этой гуще можно было заблудиться до конца своей жизни. Когда они ненадолго остановились — медведи обсуждали что-то на своём странном, неразборчивом диалекте — Хила взял её за руку и указал в глубине лесной чащи под ними здание. Ей оно показалось похожим на побеленное колониальное поместье. Вроде тех, которые на Земле строили себе на далёких островах безумные миллионеры, когда хотели уединиться.

Они снова пошли по склону горы вниз.

Через несколько минут спокойной ходьбы скала под ними задрожала. Поперёк их пути посыпались мелкие камни. Сэм посмотрела на Хилу, и они остановились. Медведи одновременно заревели от страха. А затем из камней перед ними вырвалось красное пламя. Оно величественно выросло, осветив темнеющее грозовое небо, а затем сжалось обратно в чёрный склон, почти так же быстро, почти кокетливо. Его шум на мгновение оглушил их всех. А затем предводительница лысых медведей, Джизель, рявкнула несколько раз, приказывая быстро идти вперёд.

Они пошли. Камень под ногами был горячий.

Ещё одна короткая смертоносная вспышка пламени — в этот раз позади, в том месте тропы, где они только что были.

— Что это? — спросила Сэм на бегу.

К этому времени их процессия уже растеряла все признаки организованности. Ей ничего не ответили. До леса им оставалось спускаться несколько сот метров. Однако на этом последнем, крутом участке в скале был большой разлом, из которого, словно рука, вырвалось пламя и схватило Джизель, и только Джизель. Вспыхнув и заревев, медведица пропала. Пламя исчезло, словно проглоченное скалой, а чёрные останки Джизель со стуком посыпались на землю. Остальные медведи завыли и со всех ног потянули Сэм и Хилу под прикрытие деревьев.

Они окунулись во мрак леса и не переставали бежать. Медведи продолжали испуганно

разрозненно реветь, пока не подошли к белому зданию на поляне.

На деревянной веранде, привычно держа на плече ружьё, стояла в белой униформе слепая бородатая майорша. Она ждала, пока они выйдут на открытое пространство её ухоженного газона.

— Джизель! Джизель погибла! — выли медведи.

Анджела взяла ружьё в руки:

— Джизель?

— Её схватило пламя из горного склона! Её больше нет!

На короткий миг на лице Бородатой Дамы промелькнуло потрясение. Джизель была самой старшей и самой преданной из её подданных. А затем её лицо посуровело.

— Кого вы с собой привели?

Она была слепая, но многое чувствовала, как прекрасно знали медведи. Она жестом велела, чтобы Хилу и Сэм подвели к ней.

Хила восстановил дыхание. Внезапно он заговорил, храбро и лаконично. Стоя на аккуратном зелёном газоне, он низко поклонился.

— Майор Анджела, — любезно сказал он. — Мы снова встретились.

Она щёлкнула затвором ружья:

— И кто же ты такой?

Он стал прямо:

— Я Хила. Ты меня знаешь, — а затем он посмотрел в молочно-голубые непрозрачные глаза и понял, что она абсолютно слепа. — Помнишь? — спросил он мягче.

У неё был мрачный вид:

— Это мы ещё проверим.

— Ты не могла забыть меня.

— Это всё были враки! — не выдержала Сэм. — Ты её совсем не знаешь!

— Это была правда! — сказал он. — Она всё забыла. И она слепая.

— Я помню всё! — вскрикнула Анджела. — И я помню угрюмого аллигатора по имени Хила. Чем докажешь, что ты он?

— Это я, — твёрдо сказал Хила.

— Это мир иллюзий, — провозгласила она. — И поэтому я рада, что Алая Императрица лишила меня зрения. Меня не обманут иллюзии.

А затем она велела отвести Хилу и Сэм в оружейный музей.

***

Доктор снова стоял. Они поставили его на возвышение, а сами расселись вокруг на насестах. Его горло охрипло от рассказов.

Крапивница снова скомандовала:

— Начни с твари, которая выделяла кожей яд. С которой ты должен был сражаться на арене.

— Хм… — задумался Доктор. — О да. Это было что-то вроде Древнего Рима, сердца Империи, которая не развалилась, а научилась трансразмерностным путешествиям.

Птицы встрепенулись:

— Слишком расплывчато. Объясни!

Доктор пожал плечами. Из-за усталости он терял осторожность.

— Слушайте, я тут подумал. Вам что-нибудь известно о морфологии сказок? Нет? Ну, это

человеческая концепция, идея двадцатого века, её сформулировал русский по имени Владимир Пропп...

— Нам всё равно непонятно, — многозначительно сказала крапивница, сжимая и разжимая коготки.

— Его идея была в том, что любую сказку можно свести к тридцати четырём функциям. Какую бы сказку я вам не рассказывал, она, по сути, будет вариацией сотен других. Нужно только много переменных параметров, чтобы заполнить пробелы. И получите бесконечно обновляемые сказки. И вот я подумал... А что если я дам вам план тридцати четырёх этапов любой сказки, а затем большой список деталей, хм?

— Продолжай.

— Деталями могут быть сонтаране, аггедор, зарби, Сара, Джо, Метебилис 3, Солос, и так далее. А затем я бы дал вам целую кучу сюжетных деталей, типа создания воздушного шара для побега, поиска вентиляционной шахты, в которую можно пролезть, порчи компьютера в чьём-то центре управления или гипноза контролируемого мыслью лакея с целью выявления планов врага. И тогда вы сможете создавать сколько угодно рассказов, один за одним, и они никогда не будут повторяться. И тогда моё присутствие здесь не будет нужным! Вам просто нужно быть случайно перемешать все мои элементы, как будто в большом... блендере, а я смогу уйти отсюда! — он улыбнулся. — Что скажете?

Ответом был шумный протест.

— Но нам нравится твой голос, — сказала крапивница. — В нём есть что-то достоверное, как будто бы ты действительно прожил все эти нелепые события, которые описываешь. Мы хотим, чтобы ты рассказывал нам всё лично.

— Этого я и боялся. Но, понимаете, я не могу всё время быть с вами. Я ветреный. Меня зовёт целый мир. Слушайте! Привязанность к одному месту никогда не была моим коньком.

— Мы хотим, чтобы ты остался тут навсегда, Доктор. Это решено.

Доктор покачал головой, и из его кудрей посыпались листья.

— Это, конечно, большая честь, но…

— Никаких «но». Продолжай рассказывать.

***

Под птичьим парламентом, под их городом из ветвей и глины, продвигалась небольшая армия. Алая Гвардия Императрицы шла на мерцающие в ветвях деревьев огни.

Их командир кивнул и дал команду остановиться. Он велел своим татуированным подчинённым собрать в округе самые сухие ветки и сложить их под деревьями, на которых гнездились птицы. Из своей сумки он достал небольшую коробочку с трутом.

— Императрица, — сказал он, — начинает терять терпение.

***

Айрис наблюдала за солдатами, её охватывал ужас. Она только-только смогла слезть с деревьев и с неописуемым облегчением снова стала на

почти твёрдую землю. Она была уже не в той форме, чтобы так много лазить. Это путешествие требовало от неё слишком многого. Присев в подлеске, она смотрела за тем, как Алая Гвардия разводит костры.

Дым поднимался спиралью в направлении города птиц. Затаив дыхание, она смотрела. Она не думала, что может что-нибудь сделать. Затем она развернулась и побежала в лес, между мрачными развесистыми растениями, которые цеплялись за неё, словно пытались вернуть её. Она старалась вернуться к автобусу, подавляя охватывавшую её панику и пытаясь найти телепатический след корабля.

И тут она увидела *это*. Её автобус, как всегда, терпеливо ждал её на той самой поляне, где они его оставили. Но внутри него кто-то ждал её. Вернее, её ждала половина кого-то.

Когда Айрис ворвалась в раздвижные двери, этот кто-то оторвался от своего дела, пылающими глазами посмотрел на неё и один раз моргнул. Чужак присоединял к своему туловищу руки, что-то настраивал и удовлетворённо слушал шипение и искрение мириадов соединяющихся деталей.

Айрис во все глаза смотрела на это серебристое незавершённое существо.

Из лица, в котором восстановились только самые необходимые черты, к ней обратился бесполый голос:

— Я то, что ты ищешь, Айрис Уайлдтайм. Я решила сама прийти к тебе. Я Герцогиня, и я к твоим услугам.

Блестящие ладони существа повернулись, изображая мольбу.

***

Парламентский зал птиц очень быстро наполнился едким дымом. Они взлетели со своих насестов и толпились в воздухе, тревожно крича. Забытый Доктор замолчал, а они кружили в непроглядном дыму,.

— Это всё ты виноват! — обвиняли его хриплые голоса.

Становилось жарче. Целая стена почернела, затрещала и выпала. В пролом зашёл свежий ночной воздух.

Птицы ринулись наружу, на свободу.

Весь город горел, а Доктор остался висеть на своей сцене, болтая ногами в воздухе. Опять на волоске.

Кто-то их выкуривал.

Глава 19
Все они странные

Их держали в круглой башне оружейного музея. На стеклянных витринах были выложены поразительные коллекции ножей и мечей. Они сверкали в полумраке. Какое-то время Сэм и Хила осматривали это оружие, пока не надоело.

— Для майора Анджелы оружие всегда было фетишем, — сказал Хила. — Когда мы были действующим отрядом, на нас кинжалы и сабли были повсюду спрятаны. В драке Анджела весьма полезна. Однажды я видел, как она вынула стилет из своей бороды и прикончила им кореллийского пирата.

Сэм вздрогнула:

— Помимо очевидной причины — её слепоты — почему она тебя не узнала?

Хила сполз по стене и сел на натёртый до блеска пол.

— Она осторожничает. Проторчав тут столько лет, она стала параноиком. К тому же, это правда: я вполне мог бы быть иллюзией, копией её старого сообщника, отправленного Алой Императрицей для возвращения её в город.

Сэм спросила:

— Почему вы все так боитесь Алой Императрицы?

— Кто сказал, что мы боимся? — резко ответил он. Между его зубами были ниточки густой слюны.

— Вы словно по стойке смирно становитесь, когда узнаёте, что она вас разыскивает. И говорите о ней с другой интонацией.

— Я не боюсь, — сказал он.

И тут дверь круглой башни распахнулась, и один из медведей объявил им о том, что они будут ужинать в компании Майора Анджелы.

— Может быть, она решила поверить в тебя? — сказала Сэм.

— Завоевать доверие Анджелы не так просто. Нам нужно быть готовыми ко всему.

***

Словно парализованная, Айрис наблюдала за тем, как киборг умело осуществлял само-сборку. На мгновение она оцепенела, мельком заметив синевато-багровое бьющееся сердце, защищённое золотой чашей внутри грудной клетки. Это была единственная замеченная ею всё ещё органическая часть Герцогини.

Повинуясь внезапному порыву, она решила попросить о помощи:

— Ты должна помочь мне.

— Я предоставила себя в твоё распоряжение, — сказала киборг и стала посреди прохода.

— Я хочу, чтобы ты помогла мне спасти Доктора от птиц и от Алой Гвардии.

— Проведи меня, — кратко ответила Герцогиня и вышла из автобуса.

Оно (или она?) немного пахло машинным маслом и чем-то давно залежавшимся в холодильнике.

***

Анджела поглаживала свою роскошную бороду, органы её чувств говорили о том, что одна из медведиц разливает по золотым мискам густую горячую похлёбку. Сэм проголодалась. Она жадно ела и слушала, как бывшие сообщники начинают осторожную беседу.

— Всё изменилось, — задумчиво говорила Анджела. — Весь мир, как обычно, менялся, а я подумала, что смогу сбежать от всего этого, заявившись сюда и проявив себя.

— И создав свою собственную маленькую империю, — съязвил Хила.

— Почему бы и нет? Всё было довольно неплохо.

Он покачал головой:

— Ты понятия не имеешь о том, что происходит в мире.

— Я знаю достаточно. Я знаю, что Алая Императрица зарвалась.

— Она не успокоится, пока ей не будет принадлежать весь мир, — Хила наблюдал за тем, как Бородатая Дама слепо помешивает свой суп. — Ей нельзя позволить завладеть им полностью.

— Наконец-то ты сказал что-то толковое, — мрачно сказала Анджела.

— Если Императрица станет настолько могущественной, как ей хочется, — сказал Хила, — тебе не будет позволено жить тут по-прежнему, в своём медвежьем королевстве.

— Я знаю.

Сэм уже доела свою похлёбку:

— Так какой план? Что мы будем делать?

Посмотрев на Анджелу, она неожиданно увидела усталую, постаревшую женщину, боевые годы которой были давно позади. Она выглядела беспомощной.

— Что мы можем сделать? Кто мы такие? Кем мы вообще были, даже во времена нашего расцвета? — горько говорила Анджела. — Уродцы цирковые.

Хила сказал:

— Раньше ты так никогда не говорила.

— Раньше я никогда так себя не чувствовала. До этого дня я считала себя неуязвимой.

— Что изменилось? — интонации Человека-Аллигатора были на удивление заботливыми.

— Помимо того, что я ослепла? Посмотри на меня, от меня никакого толка.

— Всё не настолько плохо.

— Да ещё и ты сюда явился, Хила. Ты напоминаешь мне о том, какой я стала старой, толстой и самодовольной.

Какое-то время они молчали.

— У нас нет выбора, — решительно сказал Хила. — Мы должны сражаться. Она ищет нас.

Майор Анджела был поражена.

Хила сказал:

— Она послала за нами агентов. Чтобы собрать Четвёрку и вернуть нас в Хисперо, в Алый Дворец.

— Каких агентов?

Хила кивнул на Сэм:

— Вот, например. И ещё двое, которые появятся позже.

Анджела подняла невидящие глаза на Сэм.

***

По крайней мере, — думал Доктор, вцепившись в последнюю из ещё не загоревшихся веток, — все птицы смогли улететь. Он наблюдал за тем, как кроны их города горят ярким оранжевым пламенем. Он им, разумеется, не был ничем обязан, он был их пленником, с которым обращались не так уж хорошо, но он был рад, что они не пострадали. Теперь, — думал он, — нужно позаботиться о себе. Он посмотрел вниз, на свои ноги, болтавшиеся над дымной темнотой. Падать было несколько сот метров. Если он отпустит ветку, он сломает шею. В его больших вместительных карманах, наверное, есть что-нибудь полезное на такой случай, но полезть в них означало бы висеть на одной руке, пока вторая роется внутри. Его плечи и сухожилия уже болели и начинали неприятно потрескивать. В отличие от некоторых из предыдущих Докторов, он не был уверен в своих сверхчеловеческих способностях. Он не был ни супер-сильным, ни даже особо храбрым. Не всегда, во всяком случае. Впрочем, за последние годы он побывал в нескольких весьма зрелищных переделках. Прыгал с корабля ледяных воинов над Центральным Лондоном. Нырял под воду с зайгонами. В очередной раз навёл шороху на Скаро. А я тот ещё авантюрист, — довольно подумал он. А затем закашлялся, и из его глаз потекли слёзы.

***

Снова я. Айрис.

Герцогиня — забавное существо. Не знаю, почему её так назвали. Но она была боевой машиной. Я никогда не видела ничего подобного. Мы припали к земле в подлеске под горящим городом птиц, и она профессиональным взглядом осматривала солдат Императрицы.

— Отряд из пяти человек, — сказала Герцогиня мне низким уверенным голосом. — Их недосчитаются. Императрица никогда не получит обратно их красивые разрисованные шкуры.

А затем она встала и побежала на поляну. На её блестящей оболочке сверкал свет пожара. Это, наверное, было первое, что заметили гвардейцы в татуировках — блики на её коже. Они не успели осознать, что на них напали. Она делала выпады, вертелась, разила их. Её руки превратились в танцующие лезвия. В общем, она их всех зарезала. Они умерли, едва вскрикнув. Я была в шоке. Я никогда не была сторонницей насилия, в отличие от Доктора, который, похоже, просто притягивал его к себе.

Я вышла на поляну, прикрыв лицо носовым платком и стараясь не смотреть на раскиданные по траве трепещущие тела.

— Он где-то там, — сказала я и указала в потрескивающий пожар над головой, думая о том, сколько у нас времени, прежде чем всё это пылающее барахло свалится на наши головы.

Киборг посмотрела вверх. Её десять глаз вспыхнули красным.

— Я вижу его.

А потом она легко взмыла в полный дыма воздух и исчезла далеко вверху.

«Какой полезный был бы из неё спутник», — подумала я. Мне захотелось уговорить её присоединиться ко мне в моих похождениях через вихрь. А впрочем… Она не очень разговорчивая. Мало кто сможет проводить большую часть своего времени в пределах двухэтажного автобуса с киборгом-убийцей.

В этот момент я почувствовала слабость. Мои уже привычные симптомы. К тому времени, когда Герцогиня (как я узнала позже) вернулась на землю, а к её спине прижимался побитый и закоптившийся Доктор, я уже лежала без сознания среди останков Алой Гвардии.

Когда я пришла в себя, мы все уже были в гостях у Майора Анджелы, кошмарно бородатой госпожи леса.

***

Позже Доктор мог очень мало вспомнить об их путешествии в поместье медведей. Он был весь в копоти, кашлял, ему едва хватало сил на то, чтобы не отставать от киборга, нёсшего на руках бесчувственное тело Айрис. Он покорно шёл следом, пытаясь прийти в себя. Герцогиня, похоже, знала, куда идёт.

На склоне холма их встретили медведи. Их бритая кожа блестела от пота: жар пожара чувствовался даже тут. В медвежьих глазах сверкали блики огня.

— Я знал, что вы существуете! — усталым, но довольным голосом вскрикнул Доктор. — Я знал, что вы — правда!

Но здесь, на непредсказуемом склоне, где они недавно потеряли Джизель, у медведей не было времени на обмен любезностями. Они довольно грубо погнали Доктора, Герцогиню и Айрис в сторону побеленных стен стоявшего внизу поместья.

Свинцовое небо над ними раскололось надвое. Лес затрясся от прикосновения молнии и словно съёжился. Пошёл сильный монотонный дождь, и Доктор угрюмо подумал, что, по крайней мере, это потушит пожар. Он представил себе, как птицы неровным строем покидают свой дом. Он едва рассмотрел особняк Анджелы, когда их, промокших, ввели по полированному полу вовнутрь. Мокрого и чёрного от копоти, его повели прямо в обеденный зал, где как раз подходил к концу торжественный ужин.

— Сэм, Сэм, Сэм, Сэм, Сэм! — удивлённо вскрикнул он.

Она вскочила со стула с высокой спинкой и бросилась к нему. Она крепко его обняла, испачкавшись.

— Ты бросил меня, — сказала она, посмотрела ему в лицо и поразилась тому, каким измученным он выглядел.

Суровым, внимательным взглядом он наблюдал за тем, как медведи вводят в комнату киборга с бесчувственной Айрис. Он слабо улыбнулся и сказал Сэм:

— Ты же знаешь, я верю в тебя и в твою независимость. Теперь.

Она сурово посмотрела на него.

— Правда! — сказал он. — Кроме того, ты ведь не была в настоящей опасности, не так ли?

Не успела Сэм ничего ему ответить, как майор Анджела вскочила на ноги и начала кричать, не понимая, что происходит. Стоявшая рядом с ней горничная бормотала, кратко описывая новоприбывших. Анджела расправила свою белую униформу и одним резким движением сдёрнула скатерть с посудой на пол, вызвав жуткий грохот.

— Положите старуху на стол, — велела она.

— Что это происходит? — ахнула Сэм, заметив, что до сих пор не отпустила Доктора.

— Похоже, что Айрис уже почти что выполнила своё задание, — сказал он. — Но с ней что-то не так. Она больна.

В дрожащих тенях, отбрасываемых огнём камина, Айрис выглядела уже мёртвой. Она сильно осунулась. Она была похожа на скелет.

Хила внимательно посмотрел на неё, а потом повернулся к Герцогине.

— Рад снова тебя увидеть, — пробормотал он сквозь зубы, не веря собственным словам. — Что с ней случилось?

Киборг повернула в его сторону все свои глаза, и они моргнули, словно признавая, что она его узнала.

Майор Анджела остановилась возле Герцогини и дотронулась большой ладонью до холодного металла. Киборг вздрогнула.

— Это действительно правда! Нас собирают вместе, против нашей воли.

Доктор смотрел на Герцогиню, Хилу и Бородатую Даму: они стояли рядом, возмущённые присутствием друг друга. Анджела спросила:

— Императрица делает это для того, чтобы нас уничтожить?

Киборг пожала плечами; это был странно человеческий жест.

— Это существо… — Анджела указала на Айрис. — Это оно виновато в этой ситуации. Нужно избавиться от неё немедленно, — она потянулась рукой за борт мундира, видимо, за оружием.

Рука Герцогини остановила её:

— Нет, майор. Эта женщина и без нас умирает. И она действовала на стороне Императрицы не по своей воле. По правде, мы трое тоже много раз так поступали, эта женщина ничем не отличается.

Майор Анджела грызла большой палец и лихорадочно думала.

— Нам нужна помощь.

Хила громко рассмеялся:

— И кто же нам поможет?

Доктор вежливо кашлянул:

— Позвольте вмешаться в ваш разговор. Я не привык к…

Бородатая Дама ухмыльнулась:

— Кто эта грязная тварь?

Он нахмурился:

— О, никто. Практически ничто. Но я мог бы попробовать помочь, если вам угодно.

Хила дотронулся до локтя Айрис, и та инстинктивно стряхнула его руку.

— Это правда, Анджела. Он довольно находчивый, этот Доктор. Нам сюда не удалось бы добраться без его помощи.

Майор вскинула бородатую голову:

— А тебе не приходило в голову, что я не хотела, чтобы вы сюда добирались?

— Что же, теперь мы уже тут, — резко ответил Хила. — Так что давай исходить из этого. Твоему милому уединению пришёл конец.

— Зачем ему помогать нам?

— Ради моей подруги, — внезапно сказал Доктор. — Ради Айрис. Потому что ей плохо и мне кажется, что она в беде.

Какое-то время они стояли, глядя друг на друга, пока Сэм не выдержала:

— Слушайте, вы же все хотите одного и того же. Вы все враги Алой Императрицы и она охотится на всех вас. Почему вы не хотите объединиться?

Майор Анджела резко развернулась:

— Мне нужно посоветоваться.

Когда она ушла, они собрались вокруг Айрис. Доктор суетился, проверял пульс и регулярность дыхания.

— Она ужасно выглядит, — сказала Сэм.

Доктор посмотрел на Герцогиню:

— Ей нужен её автобус. Ты же знаешь, где он, не так ли?

Киборг кивнула и развернулась, чтобы уйти. У двери вооружённые медведи попытались

перегородить ей путь, но Герцогиня прошла, словно их там и не было.

— Удобно иметь такого друга, — сказала Сэм.

Хила заворчал:

— Ненавижу киборгов. Она полезная, вот и всё.

Доктор смотрел на бледное лицо Айрис:

— Ну же, старушка. Не бросай меня.

***

Бородатая майорша считала, что всё нужно делать правильно. Несмотря на то, что войска Алой Императрицы могли быть уже рядом, она всё равно настояла на том, чтобы её гости вовремя пошли спать и как следует отдохнули. Она отправила с ними медведей, чтобы те прислуживали да приглядывали, приказала отвести Хилу и Сэм в комнаты для гостей, приготовленные в отдельном крыле лесного особняка.

— Для планирования будет достаточно времени и утром, — коротко сказала майор Анджела и махнула рукой.

Сэм сильно устала и в какой-то степени готова была согласиться на всё. По крайней мере, к ним больше не относились как к узникам. Но она не хотела расставаться с Доктором. Он все ещё стоял, обеспокоенный, над неподвижной Айрис. Он поднял голову, словно услышав мысли Сэм.

— Иди поспи, — сказал он таким тоном, что она поняла, что сейчас с ним лучше не спорить.

— Тебе тоже нужно.

— Сон для…

— Для черепах, я знаю. Но ты в ужасном состоянии.

— Большое спасибо, — он грустно улыбнулся. — Иди поспи, Сэм.

— Кажется, это самое странное место из всех, в которые ты меня привозил.

— Все они странные, — улыбнулся он.

Сэм задержалась в больших дверях.

— Слушай, — сказал он. — Я обещаю. Я дождусь возвращения Герцогини с автобусом, занесу в него Айрис, и тогда, честное слово, немного посплю.

Сэм пожала плечами и пошла вверх по лестнице.

Доктор вздохнул и тяжело опустился на стул рядом со столом, на котором лежала Айрис. В тепле камина его измазанная грязью и сажей одежда высохла, превратившись в хрупкую броню. Волосы спутались и потускнели.

Так это, значит, бдение. В этот раз *ему* досталось смотреть и ждать, и он думал о том, как много раз в таком положении оказывались его спутники. Он не привык вот так вот сидеть.

Через какое-то время к нему пришла майор Анджела, которая пришла сюда наощупь и принесла с собой какой-то завёрнутый в дорогую ткань предмет. Она поставила его на небольшой столик, и там он и стоял: широкий, тяжёлый, накрытый, размером примерно с переносной телевизор. Но Доктор был уверен, что это не телевизор. Она сделала шаг назад, явно ожидая вопроса Доктора о том, что это такое. Он был

уставший, он терял терпение. Он протёр глаза, и в них с его рук попала копоть.

— Ой.

— Ты член отряда, посланного с этой женщиной, — наконец, сказала Анджела, поглаживая бороду. Её голос был холодный, словно Доктор вызывал у неё отвращение.

— Можно и так сказать, — ответил он. — Я подумал, что за ней нужно присматривать. Она бы разозлилась, если бы услышала это.

— Ты знаешь, в чём состоит её задание?

— Ей сказали найти вас всех, воссоединить и вернуть всех на Хисперо. Кроме этого я ничего не знаю.

— Пожалуй, я верю тебе, — сказала Анджела. — Думаю, ты слишком простой человек, чтобы хорошо врать.

— Большое спасибо.

— Значит, ты всего лишь помощник этой женщины.

Он надул губы:

— Да, если вам так угодно.

— Я думаю, — сказала бородатая майорша, — что у этого задания был ещё один аспект, о котором старуха тебе не рассказала.

Доктор смотрел на Айрис, на её впалые щёки, на закрытые ярко окрашенные веки, на спутавшийся перманент на голове.

— Да, меня бы это ни капельки не удивило.

— Она ехала за кое-чем, что находится у меня.

Майорша вдруг хрипло захихикала, напугав его. «У бедняжки крыша поехала», — подумал он.

— Хочешь посмотреть?

Он развёл грязными руками:

— Почему бы и нет? — расправив плечи, он подошёл к ней.

— Не подходи слишком близко.

Он был намного выше майора Анджелы, и она хотела, чтобы он был на безопасном расстоянии. Она протянула руки к предмету на столике, а затем почтительно сняла с него багровую ткань. Под ней была банка из очень толстого стекла. Она была закрыта, и до краёв наполнена густой жижей. Внутри что-то плавало, искажённое толщиной стекла.

Доктор вздохнул, задумавшись на мгновение. «Прямо мозг Морбиуса по-новой», — подумал он.

— Видишь? — майор снова странно захихикала. — Ты видишь? Ты видишь, что я украла из дворца Алой Императрицы больше десяти лет назад?

Невольно заинтересовавшись, Доктор подошёл ближе.

— Назад! — предупредила Анджела, почувствовав его приближение.

Он всмотрелся в мутную жижу внутри банки. Там, внутри, что-то шевелилось. Сморщенное, похожее на эмбрион, свернувшееся калачиком, словно подвешенное. Но оно раскачивалось вперёд-назад, и он был готов поклясться, что существо трясётся от смеха.

— Это мой джинн в бутылке, — восторженно прошипела майор. — Мой злой гений, мой визирь, моя королева, моё всё. Моя собственность.

У Доктора пересохло горло:

— Кого ты туда посадила?

Теперь он мог видеть чётче. Сморщенный обитатель банки поворачивался к нему лицом, все ещё содрогаясь от беззвучного смеха. Теперь Доктору стало видно морщинистое личико невероятно старой женщины. Глаза у неё были запавшие, но яркие, маленькие ручонки стыдливо прикрывали древние, дряблые груди.

Он отвернулся.

— Кто это?

Майор Анджела рассмеялась, словно чувствуя то же, что и её ужасная собственность.

— Это королева. Она — самая первая Алая Императрица.

В этот момент со стороны главного вестибюля особняка майора донёсся грохот. Они услышали натужный звук двигателя, и это вернуло их в реальный мир. Доктор развернулся и выбежал из столовой, как раз вовремя, чтобы увидеть, как в главный зал въезжает двухэтажный автобус Айрис. Сидевшая за рулём Герцогиня-Киборг кивнула ему и остановила машину.

— Помоги мне занести её вовнутрь, — сказал он киборгу, и вдруг понял, что он до сих пор слышит злой смех крохотной старой королевы, словно его голова была внутри банки, в которой её держали.

Глава 20
Вне тела

И вот я оказалась свободной от уз своего старого тела, и первым, что я тогда сделала, было возвращение по пройдённому нами пути. Я хотела вернуться той самой дорогой в Хисперо и узнать, что замышляет Алая Императрица. Мне нужна была инсайдерская информация, и теперь, в бестелесном виде, пока моё больное тело пыталось восстановиться, лёжа на обеденном столе бородатой майорши, я получила шанс.

Я стала… Чем? Каплями пота на собственном нахмуренном лбу, выдавленными из пор, чтобы испариться в воздух. Молекулой, затем атомом, мелкой точкой, бесконечно малой частицей своей сущности, которая могла забраться в эфир и отправиться туда, куда ей нужно.

Для меня это был уже не первый опыт выхода из тела. Я на таких вещах, можно сказать, собаку съела.

Я устремилась вверх. Посмотрев вниз, на Доктора, я вздохнула, увидев его заботу. Я увидела, как ему показывают украденную, самую первую Императрицу в её банке. Я видела безумную страсть, которую майор питала к своему трофею. Я увидела, как Герцогиня и Доктор отнесли моё бедное тело в мой автобус.

А потом я выскользнула вверх, сквозь крышу дома, сквозь кроны Леса Кестхевен. Я нашла место в пышных густых облаках, безопасное место

в глазе бури. Я прокатилась на них над горами, через которые мы так долго путешествовали телесными существами.

Я лечу назад, назад, назад по маршруту нашего путешествия.

Вот каково жить без чувств.

Это не жизнь, но от этого есть своя польза, от того, что становишься такой маленькой, такой бесчувственной. Мне нужно уменьшиться до этой крохотности просто для того, чтобы узнать, что затеяла Императрица.

Чтобы пересечь пустыню, я соединяюсь с молекулами червя в язве хищной птицы, которая кружит в небе над песками. Я чувствую голод червя и его постоянное удовольствие от его простой жизни. Оно настолько чистое, что его почти достаточно для того, чтобы я поддалась соблазну остаться таким паразитом навсегда. Червь ужаснул меня своим простым самодостаточным образом жизни и симбиотическими взаимоотношениями с хищной птицей.

Мне удаётся освободиться от них немного южнее Хисперо, где я превращаюсь в разные стихии, чтобы пробраться через город во Дворец Императрицы. Я снова становлюсь водой, капелькой пота, вина, мочи, серебром в браслете знатного человека, соломинкой, волосом, и, наконец, плотью. Я частичка синей татуированной кожи одного из доверенных охранников Императрицы. Здесь я замираю, сливаюсь с неподдающейся расшифровке кожей, зная, что

этим вечером у него будет аудиенция у Её Величества.

И вот я снова вижу её в тронном зале, через несколько недель после того, как была здесь в последний раз. Я вернулась раньше срока, вернулась не вся, и я довольна своим умением шпионить.

***

Давайте я расскажу о том, какая она, Алая Императрица.

Её присутствие чувствуется. Воздух тут словно загустел от её величия. Из-за такого ощутимого присутствия им приходится держать её в банке. Королева Повидла всё время сидит с большой важностью. Её непослушные конечности сложены под ней, как ненужный шезлонг. Ей вовсе не нужно иметь туловище. Она могла бы быть просто головой. Но она просто излучает вокруг себя своё присутствие. И она очень чувствительная. Малейший шум может повредить её барабанные перепонки. В её присутствии охранники только бормочут и шепчут, а время движется очень медленно.

В её тронном зале с высоким потолком лорды и леди в одежде насыщенных цветов словно вжимаются в покрытые узкими панелями стены, чтобы слиться с орнаментом. Словно стараясь скрыться от её взгляда, эти усталые души отводят глаза и пытаются стать частями фресок. Но даже фрески боятся Императрицы.

Императрица гордится своим присутствием, своим величием; она гордится тем, кем является.

И как же ей не гордиться? Город Хисперо, весь огромный мир за его стенами, всё это, как она считает, принадлежит ей. Его многократно оплыла и картографировала её Армада, её солдаты прошли все более-менее пригодные для жизни территории. Они устанавливали её власть повсюду, куда бы она их ни послала. Каждый отдельный тщательно размеченный клочок земли, моря и неба известен ей. Собственными глазами она видела лишь очень малую часть своих владений, но по докладам помнит наизусть их все. Её народ — в первую очередь её татуированные охранники — приносят ей сообщения круглые сутки. Она велит записывать это всё на пергаменте. На такого рода коже информация хранится гораздо дольше. А именно информация ей и нужна: факты, цифры, личные впечатления от расползшихся по всему миру информаторов. На этом концентрированном полученном знании она основывает своё владыческое мнение о мире. Сидя в своей банке, Императрица каталогизирует доклады послов и мысленно сверяет параметры всего, чем правит. С учётом этих приобретённых знаний она заявляет о себе как о воплощении мира. Ей приходится всё это проделывать в уме, но этого достаточно. Представляя мир на основе ежедневно получаемых фактов, она может издавать указы. Ей кажется, что иногда её физическое отстранение от мира делает её довольно жестокой и капризной по отношению к подданным. Она старается гнать такие мысли.

За тронным залом были три помещения, в которых когда-то бывали танцы. Императрица велела освободить их для других целей, поскольку ей танцы в Алом Дворце были больше недоступны.

В первом помещении жёлтый полированный пол, стеклянная крыша и двенадцать раскрашенных дверей по периметру. Каждый полдень Императрица велит вкатывать себя сюда и располагать в самом центре. У каждой из двенадцати дверей в изогнутой стене этого помещения стоит охранник.

На роликах вкатываются двенадцать платьев Императрицы. Разумеется, она больше не надевает наряды, с тех пор как поселилась в огромной прозрачной банке. Но они заходят, надетые на моторизованных манекенов, чьи лица слишком пусты, чтобы нести хоть какую-то индивидуальность, не говоря уже о том, чтобы затмить её. Платья двенадцати цветов: розовый, шафрановый, оранжевый, зелёно-голубой… У каждого из платьев такие огромные юбки с кринолином, что кажется, что они, словно далеки, летят над полом, грациозно огибая периметр комнаты.

Платья одновременно берутся за руки, вернее, касаются друг друга лишёнными ладоней рукавами, и окружают Императрицу. А затем они начинают танцевать, водя вокруг неё автоматический хоровод. Императрица делает своим гвардейцам знак, что они должны оставить её любоваться танцем, и тогда, оставшись наедине, она вращается в своей банке с густой

жижей, ахая и любуясь восхитительными тканями танцующих манекенов.

Какое-то время я смотрю на это, пока мой татуированный гвардеец, в плоти которого я задержалась, не вынужден уйти. Пока он идёт обратно в тронный зал, я мельком замечаю другие два скрытые помещения. Оба помещения подтверждают два разных слуха о том, что Императрица хранит в неприкосновенности. Во втором помещении находится тот круг из кольев, на которые насажены отрубленные головы. Её совет бестелых визирей. Когда мы проходим мимо, их глаза закрыты, словно им нужен отдых. Тут темно, холодно и, разумеется, воняет. Только посмотрите на позвонки, торчащие чуть ниже почерневших шей!

В третьем помещении — не менее гадком — находятся содранные расписные шкуры мёртвых татуированных стражей. Каждая не похожая на другие, рисунки чудесно сохранены. Эта Императрица, похоже, хорошо разбиралась в нанесении шрамов и в лечении. Каждая шкура всё ещё примерно сохраняет человеческую форму, все они натянуты на каких-то не то рамках, не то пяльцах, расставленных вдоль алых стен. То тут, то там всё ещё можно увидеть пальцы, ноздри, ресницы.

А затем мы входим в тронный зал и ждём, ждём, пока Императрица нас снова позовёт. Мы исполняем её прихоти.

Я начинаю сомневаться, смогу ли я узнать тут хоть что-нибудь. Императрица не любит

раскрывать свои карты. Я думаю о том, не отцепиться ли мне от плоти этого гвардейца и не вернуться ли к остальным, в лес Кестхевен. Но тут она возвращается.

Я чувствую, как мой гвардеец вздрагивает, когда она закатывается в зал. По его коже пробегают мурашки, а так как я присоединилась к нему, я чувствую то же самое. Все гвардейцы собираются вокруг неё. Мы живём в ужасе перед её приказами. Я понимаю, что в любой момент она может пожелать, чтобы кто-то из нас стал больше украшением, чем слугой; больше гобеленом, чем живым человеком. Тем не менее, она всегда хотела, чтобы мы были на виду, чтобы она могла не отрывать взгляд от наших узоров. Для неё это ещё один способ почувствовать, что у неё есть доступ ко множеству зрелищ Хисперо — на нас нанесены образы многочисленных флоры и фауны этого мира. Каждый из гвардейцев, находясь внутри дворца Хисперо, вынужден исполнять свои обязанности голым, неприкрытым от её пристального взгляда. Плащи остаются за пределами этого внутреннего святилища. Какие же мы ярко-синие, восхитительные на фоне красного плюша стен и полов! Все вместе мы представляем собой то ещё зрелище.

Когда она говорит, её голос доносится отовсюду и ниоткуда. Тихо. Из-за того, что у меня такой необычный способ видеть эти события, я не могу понять, телепатия ли это, или какое-то электронное вещание, или что-то другое. В любом

случае, её ровный голос резонирует в высокой, запечатанной банке.

— Мои визири говорят, что наши друзья нашли свою цель.

Татуированные мужчины бормочут.

— Это мероприятия уже очень дорого нам обошлось. Несколько моих красивых гвардейцев были убиты в том лесу. Целый взвод.

Мой гвардеец осторожно подаёт голос:

— Все, Императрица?

— Все, — в её голосе чувствуется возмущение. — Их шкуры невозможно воссоздать.

Все ведут себя так, словно это самый худший аспект случившегося.

— Та порочная старуха, которую мы послали, похоже, вопреки всем ожиданиям, достигла цели.

При этих словах я забеспокоилась. Она говорит обо мне. Но она не знает, что я тут, в этом я уверена. Но на секунду у меня такое ощущение, словно меня обнаружили.

— Итак, — говорит она, — события движутся к кульминации. Мы должны перехватить их. В этот раз успешно. Мои визири считают, что им придётся пересечь море. Мне это кажется логичным. Предупредите мою дочь, пускай приготовит свой корабль, Кристеву. Скажите, чтобы она отправлялась на полуостров Келд. Скажите, пускай найдёт это… сборище и с максимальной скоростью пришлёт их ко мне. А остальные из вас могут сразу отправляться в эти леса. Я хочу, чтобы в этот раз моя дочь сделала именно то, что я ей велю.

Сказав это, Императрица медленно покинула тронный зал, направившись к содранным шкурам.

Татуированные мужчины отправились выполнять её приказы.

Я решила, что пришла пора отсоединиться от плоти моего гвардейца и вернуться к остальным.

Это оказалось непросто. Когда прилипаешь вот так к другому существу, по прошествии какого-то времени освободиться довольно сложно.

Я сбежала из дворца, из города, и направилась над пустыней, горами и лесами, обратно к Доктору и остальным. Это было ужасно утомительно — трансформироваться снова и снова. В моём возрасте такое количество познавания себя заново очень изнуряет.

Я раскрыла глаза.

***

— Полагаю, ты хорошо отдохнула? — с ироничным беспокойством спросил меня он.

Я села. Было утро. Я снова была в автобусе.

Доктор выглядел безупречно. Его серый галстук был аккуратно завязан, волосы зачёсаны назад. Ни единая ворсинка на его бархатном сюртуке не была сдвинута с положенного места. Своей ночной вахтой он воспользовался для того, чтобы заняться внешним видом.

А вот я выглядела чёрт-те как.

***

Я сказала ему, что не помню ничего о том, как сюда попала. Последнее, что я помнила — мы были в птичьем парламенте в кроне леса… а потом,

кажется, я спускалась вниз по горящим ветвям деревьев, ветви подо мной поглощало пламя… клубы дыма… и, может быть, ещё андроид, гладкий и равнодушно красивый, чьё органическое сердце находилось в золотой чаше.

— Что же, — сказал он. — Всё это тут и происходило, пока ты решила немного вздремнуть.

Я с трудом села. Доктор иногда такой доверчивый. Достаточно было выглядеть более слабой, чем обычно, и он уже слушается каждого моего слова.

— Хм… может, сделаем это забавное объединение разумов, чтобы обменяться сведениями телепатически?

Доктор беспокойно улыбнулся, словно я пыталась его соблазнить. Но ему не стоило переживать: для такого рода вещей я чувствовала себя слишком растрёпанной.

Он подошёл, стал возле меня, мы замолчали, сосредоточились… и я мгновенно увидела всё, что происходило вокруг моего бедного старого бесчувственного тела. Анджела, медведи, маленькая смеющаяся женщина в банке. И я чувствовала, что Доктор пытается нащупать ответы во мне. Я позволила ему узнать, что я предприняла небольшое астральное путешествие, и что часть меня пробралась к Алой Императрице.

Несколько минут спустя мы разошлись, у него был мрачный вид. К моему удивлению, астральное путешествие было не первым, про что он заговорил.

— Ты что, настолько серьёзно больна?

Я кивнула. Во рту у меня вдруг пересохло. Я попросила его пойти поставить чайник. Он с беспокойством пошёл исполнять мою просьбу, а я крикнула ему вслед:

— Это всё старое тело. Я пробыла в нём слишком долго. Но ты же знаешь, как сильно можно привязаться. Я просто привыкла к ней. Я загнала бедняжку до могилы.

Он поставил чайник на столик и задумчиво потирал руки. Было ощущение, что он тщательно подбирает слова. Это было нечто новое в этом Докторе.

— Забавно, — наконец, сказал он, — что ты в конце концов решаешь, что тебя вполне устраивает предыдущее воплощение.

— Они с тобой когда-нибудь разговаривают?

Я давно уже хотела спросить его об этом. Дома этот вопрос сочли бы довольно неприличным. Грубостью на грани богохульства. На Галлифрее к регенерации относятся так же, как на Земле относятся к сексу.

— Ну, — сказал он. — Иногда. Вечно они всё знают лучше меня. Среди моих предшественников я известен как «молодой». «Новый парень», — он посмотрел на чайник. — Чайный парень.

— Я не могу сказать, что жду не дождусь, когда моё теперешнее «я» станет донимающим меня внутренним голосом. Она та ещё ведьма, да?

Он усмехнулся.

— Когда я стану ею, следующей, присмотри за ней, хорошо? Объясни ей, что к чему.

— Конечно. Эта твоя болезнь… Ты вылечишься, когда регенерируешь?

— Надеюсь.

— А что это за болезнь?

— О… — и тут я становлюсь уклончивой. — Я пила чай с драконианским князем в его горном поместье. Из вежливости я не отказалась съесть сырого, ещё живого мутанта-каледа, только что из оболочки. Крохотное, красивое, изумрудного цвета тело. Моя собственная глупость. Не догадалась, что они ядовитые.

— И из-за этого у тебя всё это? И ты ничего не можешь…

Я не знала, сколько ему рассказать. Вдруг я увидела, что он что-то понял. Его глаза расширились. Красивые глаза.

— Она тебя вылечит, да?

— Кто? — отвернувшись, я наливала чай.

— У тебя договор с Алой Императрицей. И ты считаешь, что она может тебя вылечить.

— Доктор, ты слишком шустрый.

— Айрис, если бы ты просто прояснила всё с самого начала… Я переживал о тебе.

— Ты? Переживал обо мне?

Он ощетинился:

— Я всегда ужасно переживаю.

— Хм. Ну, да, у нас сделка.

— Она поможет тебе, если ты вернёшь эту компанию: Хилу, Анджелу и всех остальных?

Я кивнула:

— Это не так уж просто.

— А связано ли это с банкой, которую мне показала Анджела? Со сморщенной старушкой в банке?

— Именно с ней.

Наши голоса стали по-заговорщицки тихими.

— Кто это, Айрис?

— Это её бабушка. Её пра-пра-пра… бог знает, сколько «пра» бабушка. Это её предок, она украдена из хранилищ, которые находятся глубоко под Алым Дворцом.

— Ясно.

— И мы должны её вернуть.

— Майор Анджела этого не допустит.

Я укоризненно покачала головой:

— Эта женщина спятила, как мне кажется.

— Возможно.

И тут в дверь автобуса громко постучали. Снаружи нас ждала майор Анджела. Она была в наглаженной белой униформе, вокруг неё собрались безволосые медведи.

— Кажется, она хочет поговорить, — сказал Доктор.

Глава 21
Что-то вроде джинна

Сэм сидела возле огромного камина в обеденном зале Анджелы. Она увидела, как в зал спокойно вводят Доктора и Айрис. Сидевший рядом с ней Хила удивлённо хмыкнул.

— Она снова ходит, — пробормотал он.

Сэм бросилась им навстречу.

— Ты вернулась, — сказала она Айрис, а та вяло ей улыбнулась:

— Мне всегда удаётся как-нибудь вернуться, дорогая.

— Ты такая же изворотливая, как и он, — Сэм кивнула на Доктора.

Доктор недоверчиво посмотрел в другой конец зала, где Анджела усаживалась на простой деревянный трон.

— Ну что, Сэм? — спросил он. — Что скажешь? Ты пробыла с майором Анджелой дольше, чем я. Каковы наши шансы уйти отсюда подобру-поздорову?

Она пожала плечами:

— Шансы станут выше, если кто-нибудь включит Герцогиню.

Киборг стояла рядом с Хилой неподвижно, словно ожидая приказаний. Но Сэм казалось, что на самом деле Герцогиня себе на уме.

— На данный момент, — сказала Айрис, — думаю, мы зависим от следующего хода Анджелы.

Не хотела бы я встретиться с её медведями в драке.

В этот момент бородатая майорша обратилась к ним, и медведи выстроили путешественников перед её креслом.

— Мои медведи сообщают мне о том, что наше лесное поместье загрязняется и опустошается присутствием Алой Гвардии.

Айрис решила говорить от имени всех:

— Боюсь, это наша вина. Они гнались за нами. Но лишь за тем, чтобы прийти за тобой… и за тем, что ты когда-то давно украла у Императрицы.

Анджела фыркнула. Её борода торчала.

— Ты говоришь с непривычной честностью, мисс Уайлдтайм.

— Профессор, вообще-то, — соврала Айрис, подмигнув Доктору. — А говорю я так, как считаю нужным.

Один из медведей, дрожа от почтения, принёс большую стеклянную банку и поставил её на колени Бородатой Даме. Та погладила прохладные стенки банки. Гости и медведи смотрели на неясный силуэт находившегося внутри существа.

— Вы нарушили моё уединение, — сказала Анджела.

— Рано или поздно это должно было случиться, — нетерпеливо сказал Хила. — Она хочет подчинить себе весь этот мир. Ты это знаешь, Анджела. Она хочет картографировать его и сделать так, чтобы тут навеки было так, как она считает нужным. Не останется ни единого места, где бы ты могла спрятаться.

— Но вы привели ко мне гвардейцев, — сказала Анджела низким, угрожающим голосом.

— Ты сама на это напросилась! — вскрикнул Хила. — Если бы ты не украла… эту штуку!

— Штуку?! — закричала Анджела и прижала банку к своему коренастому телу.

— Хм, — вмешался Доктор, — не думаю, что Хила действительно хочет проявить неуважение…

— Ещё как хочу, — пробормотал тот.

Секунду Доктор молчал, а затем его посетила идея.

— Слушайте, слушайте, слушайте, — вдруг заговорил он, размахивая руками.

«О боже», — подумала Сэм.

— Послушайте, Анджела, у вас неприятности. Вы знаете, что не можете оставаться тут из-за вторжения Императрицы. И я знаю, что вы не из тех, кто бежит от драки…

— Точно, — сказала она, поглаживая одновременно банку и свою бороду.

— Мне кажется, что у вас появляется шанс, возможность доказать своё… бесстрашие.

— Доктор, — улыбнулась она. — Объясните, к чему вы ведёте.

— Вы говорите, что существо в вашей банке — ваш джинн, ваш собственный дружественный дух. Почему бы нам не спросить у него, как вам следует поступить? Спросите у него. Следует ли вам остаться тут и сражаться, или же отправиться с нами, чтобы сражаться с Алой Императрицей на её территории?

Майору Анджеле, похоже, понравилась формулировка Доктора.

— О каких это ещё сражениях идёт речь? — прошептала ему Сэм.

— Иногда, — ответил он, — нужно говорить с людьми их собственным языком. — Ну же, Анджела, — сказал он. — Задайте вопрос джинну из вашей банки. Почему бы вам не выпустить кота из мешка?

Медведи уже пятились, прижимались спинами к стенам обеденного зала. Воздух стал очень пресным, показалось, что небо заволокли тучи.

— Вы разумный человек, Доктор, — сказала Анджела.

А затем она сняла с банки крышку.

Айрис странно посмотрела на Доктора:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Возможно, — сказал он. — Но разве это не восхитительно?

Из банки поднялся столб едкого жёлтого дыма. Свет в комнате стал тусклее, медведи взволнованно рычали.

Когда пошёл дым, гости торопливо отошли, и между ними и Анджелой вспыхнул свет.

— Это действительно джинн, — сказала Сэм.

— Что-то очень на него похожее, — сказал Доктор.

Свет и дым начали сгущаться. Анджела была в восторге. В мутном золотистом облаке что-то уплотнялось, обретало форму. Бурлящие газы развеялись, и стало видно невысокую женщину,

которая отряхивалась и подозрительно поглядывала на них, сверкая взглядом.

В этот момент на ней откуда-то взялись вышитая золотом мантия и головной убор. Принюхавшись, Сэм почувствовала запах лимонов и жимолости. Женщина сняла свой головной убор, и из-под него высыпались медово-золотистые кудри. Она кашлянула:

— Вы меня слышите?

Она задрожала, как изображение на неисправном телевизоре. Как будто бы она была в каком-то другом помещении.

— Вы меня видите?

Доктор решил обратиться от имени всех:

— Как нам вас называть?

— Я Императрица, — сказала она. — Можно сказать, первая в своём роде.

— Разумеется, — Доктор быстро поклонился.

Айрис осторожно шагнула вперёд:

— Значит, это всё правда? Всё, что мне сказала Алая Императрица?

Женщина пожала плечами. «А она несколько легкомысленна», — нахмурившись, подумал Доктор.

— Вы про теперешнюю Императрицу? Я не знаю, что она вам сказала, дорогуша.

— Что все прежние Императрицы до сих пор живы и существуют, глубоко под тронным залом дворца, в банках в катакомбах.

— Чистая правда. Мы все там, на заслуженном отдыхе. Все мои многочисленные дочери и я. То есть, кроме меня, разумеется. Меня же выкрали.

Да ещё и работать заставили, несмотря на мой весьма почтенный возраст.

Впрочем, как для обращённой в рабство, она выглядела очень довольной собой. Ей нравилось это. Её лицо было покрыто пудрой, на щеках были румяна. На глазах было столько туши, что казалось, будто в них ткнули вымазанным в копоть пальцем. Головной убор снова был на ней, лихо надетый набекрень.

Айрис пробормотала Доктору:

— Это и вправду планета сказочных старых королев, не так ли?

Он ей натянуто улыбнулся. А затем набросился на Анджелу:

— Как вы смеете держать это пожилое существо заложником?

Глаза Анджелы загорелись. Медведи, преодолевая страх от появления среди них божества, ощетинились и приготовились атаковать.

— Думайте, что говорите, Доктор, — предупредила Бородатая Дама.

— Спроси, что она посоветует, — сказал Хила. — Если ты для этого вызвала её из мёртвых.

Его влажные ладони зудели. Раньше он никогда не видел никаких джиннов. Ни в одной из своих эскапад. Кабикадж не считается. Он просто знал, что эта Императрица имеет силу, которая может выполнять приказы и желания. Он видел это по её беспечному, беззаботному поведению.

А вот с точки зрения Айрис женщина из банки выглядела вполне обычной. Теперь, когда

изображение стабилизировалось и стало чётче, у Императрицы, которую видела Айрис, были светлые волосы, такого же оттенка как ванильное мороженное. Тело у неё было пышное и не особо скрытое. Несмотря на огромный возраст этого видения (Айрис оценила его в как минимум десять тысяч лет), в этой женщине всё равно было что-то очень… эротичное. Всё это время, не сводя глаз со своих зрителей, она медленно покачивала бёдрами. Обе её руки были на поясе, на пальцах ярко поблёскивали драгоценности. В особе самой первой Императрицы были сосредоточены провокационный шарм и ирония. На ней были ожерелья из крохотных жемчужин, каждая из которых была не больше рисового зёрнышка.

— Что же, — сказала она мурлычущим, елейным голосом. — Как мило, что вы, наконец, позвали меня. Я ждала возможности встретиться с народом. И вот они вы, — она неторопливо осмотрела Доктора с ног до головы, хлопая при этом своими семисантиметровыми ресницами: — Это ты раскрыл мою банку?

Он кашлянул:

— Хм, вообще-то… это совместное решение.

— Как чудесно быть желанной, — улыбнулась она, по-прежнему не сводя взгляда с Доктора.

— Она не такая, как я ожидала, — прошептала Айрис.

— Всё всегда не такое, как мы ожидаем, — сказала самая первая Императрица. Она обратилась к Доктору: — Вы на встречу с

королевскими особами всегда маму с собой берёте?

— Хватит уже! — грубо рявкнула майор Анджела. — Я вызвала вас, Величество, по вполне конкретному вопросу.

Императрица закатила глаза:

— Меня вызывают лишь тогда, когда не знают, что делать.

— Эти… разбойники прибыли сюда для того, чтобы похитить тебя.

Самая первая Императрица снова посмотрела на Доктора, потом на Хилу, который выставил свою блестящую грудь колесом и свирепо посмотрел в ответ.

— И ты пытаешься помешать им? Дорогуша, отпусти меня. Таким похитителям я сдамся.

— Ты, — сказала Бородатая Дама, — моя собственность.

— Ты не можешь перечить таким похитителям.

— Она говорит как моя бабушка, — сказала Сэм. — После того, как немного выпьет.

Вульгарная бабушка Сэм была позором для семьи, которая считала себя очень правильной и просвещённой. А Сэм с бабушкой хорошо ладила.

— Они хотят, — неистовствовала Анджела, — вернуть тебя в Хисперо, в лапы теперешней Алой Императрицы.

— К этой дурочке? — вздохнула старая женщина. — Она слишком много на себя берёт. Не вернусь я туда. Она чудовище. Почему она послала тебя за мной, милый? — спросила она у Доктора.

— Почему не послала обычных татуированных качков?

В разговор встряла Айрис. Сэм обратила внимание, что та всё ещё неуверенно стояла на ногах.

— Этой экспедицией руковожу я.

— Молодец, дорогуша.

— Алая Гвардия нас преследует. Майор Анджела хотела спросить у тебя, стоит ли ей остаться и принять бой, или же уехать вместе с нами.

Самая первая Императрица немного подумала.

— Я бы на твоём месте отправилась с ними. А если будут проблемы... Я буду рядом, смогу помочь.

Затем она замерцала, снова расширилась в столб жёлтых испарений и вернулась обратно в банку, которая сама закрылась. Медведи дружно вздохнули.

Майор Анджела приняла решение. Она решительно выдвинула вперёд свой кустистый подбородок:

— Если мы возвращаемся в Хисперо, мы будем делать это по-моему. И отправимся морем.

— Тогда нам нужно будет спуститься на следующий уровень, — сказал Хила. — Так можно оторваться от Алой Гвардии.

— Почему морем? — спросила Сэм.

— Нам нужно взять кое-кого с собой, — сказала Анджела.

Хила, похоже, понял:

— О, только не его!

Анджела кивнула:

— Четвёртый участник нашей старой компании. Он нам тоже нужен, Хила.

Человек-аллигатор застонал.

— Нам нужен транспорт, лошади и меха. На следующем уровне мороз.

Доктор не успел спросить, что они имеют в виду, потому что услышал, как Айрис у него за спиной застонала. Он успел подхватить её.

Глава 22
Всякое бывало

Когда медведи решили, что сильнее всего, больше всего на свете им хотелось бы быть людьми, возник вопрос: а что делать с мехом? Майор Анджела была их кумиром, образцом для подражания в их стремлении стать людьми, но она умоляла их не избавляться от золотой шерсти. Шерсть была такая блестящая и густая. Анджела отдала бы что угодно за такую бороду. Это озадачило медведей, которые хотели стать ею подобно тому, как средневековые святые хотели стать подобными Христу. Они хотели научиться пользоваться, как она, ножами и вилками. И тогда Джизель — самая верная, та самая Джизель, которая только что погибла на склоне — предложила, что они все свои состриженные локоны будут отдавать Бородатой Даме. Это будет своего рода дань.

Для хранения этих подношений у Анджелы была комната в верхней части её особняка. Это была золотая комната. Из-под её двери сочился мягкий золотой свет. Здесь хранились кипы золотой шерсти, и когда было решено, что майор Анджела поведёт группу беглецов к морю, она распахнула двери этой комнаты. Она велела медведям прясть, чтобы создать из сверкающей шерсти накидки с капюшонами. Она предупредила медведей о том, что никто из них с ней в этот поход не отправится. Они должны были

остаться и охранять любимое поместье от Алой Гвардии. Это решение далось ей нелегко. Майор Анджела не расставалась с медведями десять лет. Медведи начали жутко возмущаться, но она была не из тех, кого легко отговорить от чего-то.

— Мы тебя не отпустим, — нависая над Бородатой Дамой, предупредил лакей.

Это происходило в дверях в восхитительную золотую комнату. В очередной раз она сделала вывод, что у медведей она была в равной степени и правительница, и пленница.

— Ты обещала, что навсегда останешься тут и будешь учить нас быть людьми.

— Если я отправлюсь одна, я смогу вернуться быстрее, — настаивала она. — Мне нужно уладить это дело, а со свитой я это сделать не смогу.

Лакей был озадачен. Как и все медведи, он был чрезвычайно близорукий, а это, само собой, делало его более ворчливым и грубым, чем он был бы при других обстоятельствах. Анджела стояла прямо перед ним, чтобы он её видел. Она знала, что медведи видели этот мир сумеречным, их зрение было таким слабым. Но не настолько плохим, как у неё, разумеется. Она знала, что они её любили за то, что она не боялась стоять рядом с ними, лицом к лицу. Её никогда не смущало их вонючее дыхание.

— Вы же меня не остановите? — сказала она.

— Нам без тебя нечего делать.

— Нужно защищать и ремонтировать дом.

Медведь заворчал.

Майор Анджела ушла думать. Это может быть проблемой.

Она пошла на кухню, которая была глубоко под особняком. Здесь главными были две сестры-медведицы, одни из её фавориток, которым она доверяла больше, чем другим. Они готовили сегодняшний ужин. Анджеле потребовалось отвлечь их лишь на секунду, чтобы подбросить в кастрюлю некий мощный усыпляющий состав. Нечто, что было не очень вредным, но достаточно сильным, чтобы вырубить всех домашних медведей. Она имела его при себе на случай, если однажды ей понадобится скрыться из дома незаметно для них.

***

Я могла бы рассказать Бородатой Даме о том, как сложно иногда отказаться от власти. Очень часто — тысячи лет назад, когда я была Императрицей — мне хотелось отречься от бремени власти и просто уйти и заниматься тем, чем хочется. Но нет, как же. Всегда найдутся лакеи и нахлебники, визири и генералы, которые удержат тебя на месте, чтобы управлять государством. Потому что кто же тогда будет Императрицей?

Какое же это было для меня облегчение, когда мой срок вышел, и меня отнесли в Тоннель, в катакомбы под Алым Дворцом. Я была первой, которую по завершении царствования сослали под землю, а потом, на протяжении веков, ко мне присоединялись, присоединялись и присоединялись мои многочисленные дочери. И

все они тоже с радостью расставались с верховной властью над Хисперо. Мы все считали, что управление таким уделом утомляет. Все, кроме текущей дочери, разумеется. Которая, боюсь, стремится остаться Императрицей навеки.

Поэтому мне кажется, что будет лучше, если мы все подумаем вместе — вся эта собравшаяся вокруг меня шайка — и что-то предпримем. Мне кажется, что моя пра-пра-пра-пра-и т. д.-внучка стала в некотором роде злодейкой. И ты будешь рад моей помощи, не так ли, Доктор?

А, он этого не ожидал. Он не привык к голосам из ниоткуда. Он подскакивает со своего сидения. Он сейчас в кабине двухэтажного автобуса Айрис. Несколько секунд он смотрел на то, как остальные заносят на борт продовольствие. Отрешённо глядел сквозь грязные окна на бледно-кремовые стены имения Бородатой Дамы. Он думал о декоре, о золотой шерсти, которой забита золотая комната, и о том, когда же он увидит свою… как он это называет?.. ТАРДИС?

— Да, — резко говорит он. — ТАРДИС. Мой Корабль. А что это ты в моей голове делаешь?

А затем он встряхивает своими чудесными спутанными локонами, словно — вот бедняжка — может таким образом отделаться от меня.

— Считай, что это небольшой нарративный трюк, дорогуша, — шепчу я. — Одна из льгот рассказа от первого лица. Когда я была Алой Императрицей, я, разумеется, была всемогущественной, а от этого лишь один шаг до

того, чтобы считать себя всеведущей. И вот я могу проникнуть в твои мысли.

— А, это вы, — сказала он, чуть не нахмурившись. — Ваше Величество почтило меня своим присутствием.

— Вот именно. Ты заинтриговал меня, Доктор. И ты, и Айрис.

— Мне приятно это слышать.

А теперь он думает о том, где может быть моё реальное, телесное «я». Где моя закупоренная банка. Я припрятана под шерстяной накидкой бородатой майорши, готовящейся сбежать от медведей. Она гасит повсюду свет, задувает свечи и, нащупывая привычный путь, на цыпочках, очень осторожно крадётся между бледными телами храпящих медведей. Они спят там, где свалились, неуклюжей кучей, и она сожалеет — я чувствую это — что покидает их вот так. Майор Анджела по-своему хороший лидер. Но она хочет уехать. Тот старый, бродячий, авантюрный дух бурлит в ней, разбуженный экстравагантными гостями. Её почти не смущает то, что она слепая. Это будет её первое предприятие в темноте.

— Ты и Айрис все свои жизни были вольны бродить где угодно и ввязываться во что угодно, — говорю я Доктору. — Я очень завидую вам. Вы никогда не были закупорены в банке. Вам не приходилось занимать высокие должности.

— Ну почему же, — говорит он. — Всякое бывало. И мне пришлось много попотеть, чтобы избавиться от ответственности.

— Мне кажется, что ты тут уже не в первый раз, — говорю я и вдруг понимаю, что это правда. — Когда-то я уже ощущала твоё присутствие на этой планете.

— Возможно.

Он осторожничает.

— И лишь сейчас удосужился познакомиться со мной, — если бы у меня в этот момент было лицо, оно было бы подавленным. — Какой ты нехороший.

А затем я вырываюсь из его загадочного, запутанного разума и отправляюсь на нижний этаж автобуса, где Сэм, его молодая и преданная спутница, спорит со старухой Айрис по поводу инвалидного кресла.

***

Когда они садились в автобус, оно ждало их в проходе, серебристо-чёрное.

— Я не сяду в это! — вскрикнула Айрис. Она, казалось, обращалась к самому автобусу.

Увидев кресло, Сэм попыталась успокоить Айрис:

— Это неплохая идея. Ты сможешь сберечь свои силы.

Старуха набросилась на неё:

— С чего это все вдруг лучше меня знают, что мне лучше? Что это такое вечно происходит, когда кто-то заболеет? Я что, инвалидом стала?

— Нет, конечно же нет.

— Совсем от рук отбились. Это мой план, моя экспедиция! Все пытаются командовать.

— Я всего лишь сказала, — Сэм удавалось сохранить спокойный тон, — что в кресле ты сможешь немного отдохнуть.

— Сэм, этой ночью я отправила свою астральную проекцию на другой конец планеты.

— Я знаю, — пробормотала Сэм, хотя услышала об этом впервые.

Айрис внимательно посмотрела на её лицо, выискивая признаки того, что её ублажают. Затем тяжело вздохнула и опустилась в кресло.

— А, к чёрту всё. Я уже не понимаю, с кем я сражаюсь. Ты хорошая девочка, Сэм. Можешь толкать мою коляску.

Двери автобуса раскрылись, и вошёл Хила, нагруженный ворохом накидок из золотого меха. У Айрис загорелись глаза:

— Ух ты, они просто фантастические!

Хила закатил глаза. За ним в автобус зашла Герцогиня, на ней был такой же груз.

— По крайней мере, в этой части путешествия у нас будут классные костюмы, — улыбнулась Айрис. — Моя старая коллекция мехов на этом фоне просто меркнет.

Герцогиня направила на неё все свои десять глаз. У всех на виду киборг положила меха на диван, выбрала одну из накидок и аккуратно надела на свои серебристые плечи.

Со стороны лестницы послышались шаги, и появился Доктор.

— Представляете, та маленькая старушка из банки рылась у меня в голове! — он выглядел взволнованным.

— Повезло тебе, — проворчал Хила, облачаясь в меха.

Доктор с довольным видом взял из кучи одну из накидок. Сэм уже много раз замечала, что он никогда не отказывается от возможности приодеться. Когда все оделись, она сказала:

— Теперь нам тяжело будет различать друг друга.

— И это неплохо, — сказал Хила.

Всё ещё немного расстроенная, Айрис направила своё кресло в кабину:

— А теперь выкатим эту колымагу на дорогу.

Майор Анджела, уже одетая в меха, вошла в автобус, прижимая к груди банку. Покинув своё привычное окружение, она выглядела немного потерянной, и Сэм пришлось провести её к сидению. Двери за ней закрылись.

— Можем ехать, — она была беспокойная и бледная. — Как плохо, что я вот так бросаю своих медведушек. Я их словно предаю.

Сэм выглянула в окно. Вокруг них повсюду лежали спящие существа: прямо в вестибюле, на лестнице, на лестничной площадке.

— Они поймут, майор Анджела.

Анджела угрюмо сказала Айрис:

— Выезжай отсюда как можно тише. Я бы не хотела, чтобы они проснулись до того, как мы отъедем очень далеко.

Айрис вскинула голову.

— Езжай тише! — презрительно фыркнула она и завела мотор.

Автобус жутко раскашлялся и поехал задом в высокие, блестящие голубые двери особняка.

Сэм села рядом с Доктором. Его серые глаза под шерстяным капюшоном сверкали от волнения.

— Вот так команду мы везём, — улыбнулся он.

Сэм напряжённо сжимала зубы, пока они не выехали из зала на посыпанную гравием дорожку. Когда они ехали к дороге, казалось, что колёса создают невообразимый шум. Как оказалось, все затаили дыхание, пока здания не остались за пределами видимости, все боялись, что медведи проснутся и бросятся в погоню. Но никто внутри особняка даже не шелохнулся.

Айрис выехала на дорогу, проходившую за домом, и быстро поехала в лес. Майор Анджела прошла вдоль прохода к кабине, чтобы рассказывать, куда ехать.

В зловещем мраке леса, проглотившем автобус, они неслись вперёд, на юг.

Сэм думала о школьных экскурсиях и об отправлениях автобуса; каждый раз она чувствовала волнение, даже тогда, когда это были чисто образовательные выезды.

— Эй, Айрис! — крикнула она. — А поставь-ка снова Motown.

— Хорошо, — отозвалась Айрис, и раздался голос Дайаны Росс, удививший всех местных пассажиров.

Теперь, когда они снова были в пути, всё почему-то казалось значительно лучше.

***

Там, где колючие заросли были гуще всего, где лианы свесились вниз на дорогу, их ожидали врата на следующий уровень. Вспоминая дорогу к вратам, Бородатая Дама погрузилась в философские рассуждения.

— Мы приближаемся к южной оконечности моей земли. Я уже десять лет так далеко не ходила. Вы обратили внимание, — обратилась она назад, к Доктору, — что именно то место, куда хочешь направиться, сильнее всего окутано тайной, именно к нему путь самый опасный?

— О да, — радостно согласился он.

Айрис подумала, что Анджела слишком сильно привязывается к Доктору. Должно быть, ей нравится звук его голоса.

— Так что тут за опасность? — спросила она. Она остановила автобус. Дорога перед ними полностью заросла. — Чего нам следует остерегаться?

— Если врата на следующий уровень расположены действительно тут, — сказала майор Анджела, — следует рассчитывать на то, что их охраняет какая-нибудь тварь.

— Об этом мы могли бы и сами догадаться, — уныло сказал Хила.

Они вышли из автобуса. Свет почти не пробивался сквозь густой полог ветвей над ними.

— И где эта тварь? — спокойно спросила Герцогиня. — Я её уничтожу.

Майор Анджела возмутилась:

— Ты что, забыла, что тварей, которые охраняют врата, нельзя убивать? Они — всё, на чём держатся зыбкие барьеры между уровнями.

— Так где же она? — резко сказала Сэм. — Я кроме старых деревьев ничего не вижу.

— Среди деревьев, в темнейшей части леса найти сможешь, — сказала Бородатая Дама. — И там ты должен попросить разрешения пройти.

— Как тролли, — сказал Доктор. — В старых северных сказках они охраняли мосты…

— Здесь у них нет троллей, — отозвалась из своего стоявшего в проходе кресла Айрис.

— Ну, какая разница, — сказал Доктор. — Я просто загляну в гости и попрошу разрешение проехать.

Он беспечно шагнул в кусты, а потом вернулся.

— А о какого рода твари может идти речь?

— О злобном пауке-великане, — сказала Анджела.

Доктор замер:

— О. Серьёзно?

— Ты не любишь пауков, — ухмыльнулся Хила.

— Не очень, — смутился Доктор. — Сэм, пойдём со мной, пожалуйста?

Сэм решительно пошла вперёд, довольная его просьбой.

Остальные проводили их взглядом. Они пробирались сквозь подлесок. Майор Анджела предложила тем временем вырезать лианы, чтобы найти сами врата. Тут уже много лет никого не было.

Они взялись за работу.

***

В тусклом свете пространства за деревьями Доктор и Сэм внимательно смотрели по сторонам.

— Давай, Доктор. Ты лучше всех умеешь натыкаться на чудовищ. Даже когда ты не хочешь встречаться с ними.

Он слегка пожал плечами:

— У меня небольшой бзик по части пауков. Я тебе когда-нибудь рассказывал о том, как мне пришлось зайти в пещеру Великой?

— Кажется, да.

— На Метебилисе 3. Странное место. Всё вокруг синее. Это было несколько жизней назад, и это был полный кошмар.

— Тс-с, — Сэм остановилась как вкопанная. — Кажется, я что-то услышала.

Доктор задумался и не глядя ломился дальше; под ногами у него трещали ветки.

— О да, я тогда едва не погиб, но я видел царицу гигантских пауков. Ужасный писклявый голос. Они были просто ужасные. Айрис утверждает, что с ней было то же самое, хотя в её случае это были она и её роскошный спутник Томми, который…

Сэм выругалась.

Доктор резко развернулся:

— Сэм, я бы предпочёл, чтобы ты просто заорала во всю глотку, а не выражалась словами типа…

Стоявшая перед ними паучиха была выше их обоих вместе взятых. Она беспечно, почти с наслаждением, лежала на непрозрачной паутине,

залитой оранжевым светом. Её глаза сверкали, а все восемь ног нетерпеливо постукивали, словно ожидая их объяснений.

***

Слой за слоем они убирали подлесок и лианы. Наконец, они нашли камень. Над дорогой изогнулась арка, почти полностью покрытая буйной растительностью. Путь перекрывала дверь из песчаника. Герцогиня и Хила не прекращали работать, постепенно раскрывая рунические символы, выцарапанные на мягком камне (как будто когтями).

— И какой пароль? — спросил Хила, когда они остановились и осматривали плоды своих трудов.

— Обычно, — сказала майор Анджела, нащупывая пальцами текст, — нужно заплатить пошлину.

— Пошлину? — подозрительно спросила Айрис.

— Нужно скормить пауку наименее важного из спутников.

***

Голос существа доносился как будто бы одновременно из нескольких разных мест.

— Вы, медведи, никогда так далеко на юг не заходите, — размышляла она вслух.

Сэм ткнула Доктора локтем. Они оба плотнее завернулись в свои плащи и словно сжались внутри.

— Оно считает нас медведями, — прошептала Сэм.

— Оборотнями? — спросил Доктор, оглядываясь по сторонам.

— Не могли бы вы объяснить цель вашего визита? — апатично сказала паучиха, лёжа на своём мягком гамаке. Голос у неё был очень уверенный в себе.

— Мы тут… — начал Доктор, пытаясь говорить хрипло, как медведь. — Мы хотим узнать, как можно спуститься на следующий уровень. Сквозь ваши… чудесные ворота.

— Ясно, — существо согнуло и разогнуло пару волосатых, толщиной с запястье ног. — В таком случае вы, наверное, уже знаете, что я охраняю проход между уровнями. Моё предназначение — ограничивать передвижение через него. И особенно — уж простите — медведей.

— Я знаю, — триумфальным голосом сказал Доктор. — Но мы можем сделать так, что вы об этом не пожалеете.

— Я думала, что вы, медведи, последнее время бреетесь, — сказала недоверчивым голосом паучиха. — Почему вы оба такие лохматые?

Сэм сказала:

— Мы не из тех, кто следует за модой.

— Все медведи хотят быть людьми, — паучиха произнесла это так, словно выругалась.

— А мы не хотим быть такими, — сказала Сэм.

— Хм.

***

Паучиха старательно делала вид, что ей скучно. На самом же деле она была очень рада, что появилась компания. Она раздумывала над тем, чтобы обмотать их обоих паутиной и заставить разговаривать вечно. Её парализующий укус мог

бы поддерживать в них жизнь неопределённо долго; они не смогли бы двигаться, но смогли бы разговаривать. А разжижать их и поглощать она могла очень медленно. Больше ей здесь особо не с кем было разговаривать. Ей нравилось общаться со своими редкими жертвами.

— Давно вы уже охраняете этот проход? — спросил Доктор.

— Очень давно.

— Вы выглядите очень уставшей от этой работы. Эта работа едва ли требует столь высокой квалификации.

Зеркальные глаза паучихи пошевелились:

— Что вы имеете в виду?

— Вы, несомненно, обладаете гораздо большими талантами.

Массивные ноги дёрнулись:

— Ну, сильно напрягаться тут не приходится.

— А почему бы вам не отправиться с нами? — неожиданно для самого себя предложил повелитель времени.

— Что? — Сэм толкнула его локтем в бок.

— И куда же мне с вами идти?

Доктор радостно затараторил:

— Скажите, кто вас тут оставил? Кто в ответе за вашу должность, от которой тупеет ум?

— Как кто? — сказала паучиха. — Императрица, разумеется. Это она поддерживает барьеры между своими преисподними.

— Ясно, — сказал Доктор. — А мы направляемся противостоять Императрице. Мы считаем, что она зарвалась.

— Ко мне она относится возмутительно, — беспокойно сказала паучиха. — Иногда мне даже кажется, что она совсем забыла про меня.

— Тогда откройте врата! Идёмте с нами!

— И именно поэтому я не пожалею?

— Разумеется, — широко улыбнулся Доктор. — Небольшая революция! Разве можно хотеть чего-то большего?

— Я, разумеется, могу просто схватить вас и съесть.

— Вы этого не хотите.

— Вы думаете?

— О, нет, — Доктор продолжал улыбаться, как идиот.

— Вы не медведь.

— Вообще-то, нет.

— Хм. Мне нужно подумать.

***

Айрис и остальные уже теряли терпение. Какое-то время она сидела в дверях автобуса и прислушивалась к звукам леса. Где-то у неё была кассета с точно такими же скрипами, карканьями, тресками, и предполагалось, что всё это должно усыплять. Эту кассету купил ей один из её спутников, Гарри, но у неё от звуков леса только мурашки по коже бегали.

Она вернулась мыслями к текущей работе и говорила Хиле и Герцогине, какие части каменных ворот толкать. Она ломала голову над словами, которые смогут открыть проход. У неё на языке вертелось «Сезам, откройся», но она стеснялась произнести это вслух. Ей хотелось подобрать

правильную, как у Гендальфа, комбинацию фраз. Она не сомневалась, что такая есть. Уже не в первый раз она сожалела, что не могла, как некоторые, лихо продемонстрировать свою эрудицию, мигом выдав ответ.

Бородатая Дама скоро начала бушевать:

— Куда делся этот рассеянный болван? — она грубо провела рукой по бороде. — Сколько можно с пауком разговаривать?

Айрис пожала плечами. О майоре Анджеле она была невысокого мнения. Она считала её нуворишем. Псевдо-аристократкой. Вся из себя храбрость и слава. Совсем не такая, как Айрис, и не такая, как её обычные спутники. Она вздохнула, глядя на то, как Хила упёрся своим зелёным телом в монолитный камень врат. Айрис любовалась мышцами человека-аллигатора. Он вдруг показался ещё более коренастым и сильным, чем обычно. Мышцы на его спине напряглись так, словно там был гребень.

— Быть может, нам следует вернуться, — сказала Айрис. — Если Алая Гвардия нас ищет, быть может, нам лучше сдаться и отправиться с ними. Они идут туда, куда нам надо — обратно в Хисперо. Зачем бежать от них?

Бородатая Дама тут же расправила плечи:

— Что? Сдаться?! Этому татуированному отребью?

Айрис покачала головой. Хила предупреждал её о том, что Анджела бывает такой.

— Я не имею в виду сдаться. Мы же уже нашли то, что искали.

Бородатую Даму эту расстроило.

— Моя Императрица! Моя собственность.

— Ну, да. Вот именно. Мы теперь могли бы просто развернуться…

— Ни за что! — резко сказала Анджела. — Наш отряд ещё не в полном сборе. Нам нужен четвёртый. Мы не можем вернуться в Хисперо поджав хвосты. Я этого не допущу. Мы вернёмся в полном составе, с жаждой отмщения в сердцах, или не вернёмся вообще.

— Отмщение, — едко пробормотала Айрис.

Её такого рода вещи никогда не увлекали. Её стиль подразумевал в первую очередь смыться, не пострадав при этом. А во вторую очередь следовало вернуться к первому пункту, потому что, по её мнению, проще было иметь меньше принципов. В конце концов с принципами всё равно приходится расставаться, — подумала она. Она уже собиралась было прочесть Анджеле лекцию об этом, как вдруг густая стена листвы раздвинулась, и оттуда с триумфальным видом вышел Доктор. Затем вышла несколько менее воодушевлённая Сэм, а за ними шёл самый гадкий паук из всех, каких Айрис доводилось видеть. Он был пурпурно-чёрный, его страшная голова вертелась по сторонам. Паук был размером почти как половина автобуса. При виде этой твари Айрис едва сдержала крик.

— Что происходит? — спросила разочарованная Анджела, и Айрис ей быстро всё объяснила.

— Мы не говорили тебе подружиться с чёртовой тварью, Доктор, — выругалась Бородатая Дама. А

затем у неё в руке блеснул серебристый кинжал. — Мы сказали сделать так, чтобы врата открылись.

Он поспешил к ней:

— Анджела, Анджела, Анджела! Паучиха согласилась составить нам компанию, — он низко поклонился в направлении существа. — Не окажите ли честь? — сказал он.

Когда длинные ноги паучихи подтягивали её лоснящееся тело по дороге к каменной арке, Сэм не могла прогнать мысли о знаменитостях местного значения, перерезающих ленточки при открытии новых супермаркетов. Паучиха опустилась на землю перед аркой, а остальные отступили. Хила и Герцогиня отходили довольно неохотно, не сводя глаз с волосатой глотки стража. Паучиха принялась работать: ощупывать чувствительными частями своих лап углубления в камне.

— Она действительно откроет их нам, — ахнула Айрис. Она подкатила кресло к автобусу, встала из него и пошла в кабину. — Все садитесь по местам!

— Дипломатия! — поздравил сам себя Доктор. — Кто я такой?

— Гений, — ответила Сэм.

Каменную арку окружило сапфировое свечение. Оно словно растекалось, раскалывало песчаник, камень за камнем, вдоль тонких трещин, затем словно раздвигая их, и они как будто рассыпались пылью, растворялись, как сахар в чае. Они смотрели из автобуса на этот холодный свет, который словно прожигал их глаза.

В их сетчатки — даже майора Анджелы — впечатался массивный силуэт паучихи.

А затем ужасный свет погас. Путь был свободен.

Паучиха встала на все восемь ног и словно снова начала дышать. Обернувшись, она странно человеческим жестом позвала их пройти сквозь арку.

Айрис натянула на голову шляпу и завела двигатель.

Глава 23
Опускаемся

Они находились в замкнутом хромированном пространстве лифта. На стенах были страшные искажённые отражения их самих, паука и автобуса. Двери за ними закрылись. В металлической поверхности они видели свои многократно переотражённые, вытянувшиеся от удивления лица. Размера лифта едва хватило.

Затем раздался лязг и грохот древних механизмов: под и над металлической кабиной цепи приняли на себя нагрузку, готовясь к работе. Гладкий пол под колёсами автобуса и под чувствительными волосатыми ногами паучихи вздрогнул, дёрнулся, и у всех появилось то самое, ни с чем не сравнимое ощущение, возникающее при начале лифтом спуска. Паучиха вцепилась в бока корабля Айрис, её желудок оказался самым чувствительным.

— Такого я не ожидала, — сказала Сэм.

Освещение внутри автобуса мигало, словно от волнения.

— Мы словно в большом торговом центре, — довольным голосом сказал Доктор.

— Хорошо, хоть места хватило, — вздохнула Айрис, — для автобуса и гигантского паука.

— Но это просто безумие, — сказала Сэм, глядя сквозь грязное окно на паучиху, распластавшуюся своим огромным телом по автобусу.

Чёрные глазки существа тоже смотрели на Сэм, и девушка старалась не считать их злыми. Голова паучихи вздрогнула, пришёл в движение её маленький рот, и Сэм отвернулась от залившего окна потока рвоты.

Она повернулась к Хиле, хихикавшему при виде проблем паучихи:

— Так значит, вся эта планета состоит из нескольких уровней, соединённых шахтами лифтов?

— В том числе и лифтами, — сказал ей Человек-Аллигатор. — Нам повезло. В других местах нужно разгоняться и прыгать с уровня на уровень.

Они молча напряжённо смотрели, как лампы продолжали мигать, а внутри корабля Айрис всё дрожало и тряслось.

— Тебе нужно закрепить всё внутри, — сказал ей Доктор. — Или починить свои размерностные стабилизаторы.

Она недовольно покачала головой.

Майор Анджела, не впечатлённая из-за своей слепоты странным новым окружением, похоже, всё ещё горевала о том, что бросила медведей. Она не переставала убеждать себя в том, что она не из сентиментальных девочек, но всё равно продолжала прижиматься к золотистому меху и поглаживать его.

Герцогиня блестела и жужжала; её, похоже, восхищал новый поворот событий.

— Насколько глубоко мы опустимся? — спросила она безразличным тоном.

— Эта киборг, — прошептала Сэм Доктору, — обо всём всегда говорит так, словно это неважно.

Герцогиня услышала это.

— Это неважно, — сказала она, напугав Сэм. — Меня это не повредит. Меня ничто не может повредить, поэтому мне, в полном смысле этих слов, ничего не важно. Этот экзоскелет защищает единственную смертную, плотскую часть меня. Если твоим смертным ушам кажется, что я безразлична, причина именно в этом. Я всё проживаю с некоторой отстранённостью.

— Повезло тебе, — сказала Бородатая Дама.

— Я бы многое отдала за то, — торжественно сказала Герцогиня, — чтобы почувствовать опасность. Чтобы снова носить плоть снаружи. Вы не представляете, как это ценно.

Доктор вздохнул:

— Кажется, я ни разу не встречал полу-кибернетических личностей, которые были полностью счастливы.

Айрис сказала:

— А ты не знаком с моим другом Кротоном? Он был киберчеловеком, чья функция «убить-убить-убить-поработить-уничтожить» так и не запустилась на полную силу. Бедная, измученная душа. Но такой милый мальчик.

Старые цепи звякнули, и рывок автобуса сбил всех с ног. Они встали.

— Кажется, добрались, — прошептал Хила.

А потом они все как один вздрогнули от того, что одна из ног паучихи постучала в окно

напротив Анджелы. Салон автобуса наполнил шипящий голос.

— Тут нам выходить, — сказала паучиха.

***

Теперь мы поняли, зачем нам были нужны эти тяжёлые старые золотые меха. Я к своим уже очень сильно привязалась. По завершении этой эскапады я собиралась побеспокоиться о том, чтобы эта пушистая одёжка осталась в моём гардеробе на втором этаже автобуса, среди моих костюмов, трофеев, сокровищ и дневников. Это, разумеется, если мы вообще когда-нибудь выберемся с Хисперо.

Тяжёлые двери в стиле арт-деко застонали. Мы смотрели, как паучиха выбирается из ограниченного пространства и расправляет ноги.

Она повела нас на новый уровень.

Пропали деревья и жаркая духота лесов Кестхевена. Всё изменилось. Как кратко описать следующий отрезок нашего путешествия? Как подытожить следующие несколько дней?

Лёд, лёд, лёд. Льдины, ледовые поля, айсберги и ледники, смещающиеся тектонические плиты перламутрово-серого, фиолетового, индиго, аквамарина; со странными формами жизни, замороженными внутри льдин. Даже зелёный лёд — самый старый, который не таял уже тысячелетия. На ледниках начинаешь понимать, насколько старым был Хисперо. Его история застыла перед нашими глазами. До следующего нашего рандеву мы, возможно, продвигались целую неделю. До этого нашего странствия по

замёрзшим пустыням Внутреннего Хисперо, я никогда не осознавала, что зима такая разноцветная.

Всё это время нас гнал сильный ветер, из-за которого наши уши ныли и горели, словно где-то там, в этом снегу, кто-то — возможно, волки, которых мы иногда слышали по ночам — говорил о нас. Даже внутри автобуса эти ледяные ветра находили нас, и мы сидели завёрнутые в меха. Кто знает, как с этим справлялся наш человеческий контингент; я, хотя и стопроцентная галлифрейка, едва чувствовала кончики пальцев рук и ног. Было такое чувство, словно в моей обуви всё время был снег. Кассета с моим любимым сборником замёрзла в магнитофоне, так что мы даже музыку не могли включить. Мы попробовали поймать сигналы местных радиостанций, но то, что удавалось услышать, было слишком странным и необычным, чтобы слушать, поэтому мы отказались от этой идеи.

Каждое утро Доктор выходил из автобуса, чтобы разведать местность. Он обожал безлюдные места. Я всегда подозревала, что глубоко внутри его душа ледяная. Была у него склонность к сартрианским моментам. Все остальные тем временем завтракали, собравшись вокруг газовой конфорки со сковородкой. Именно в этом путешествии я заново открыла в себе любовь к картофельным котлетам, кровяной колбасе и хорошо прожаренному рождественскому пирогу. Вернувшись со своей арктической разведки, Доктор топал ногами, сбивая снег и лёд, как

доктор Живаго, и закрывал двери, чтобы не дуло. Его лицо всегда было увлечённое, глаза горели.

— Как там паучиха? — спросила я его одним утром с набитым сосиской с горчицей ртом. Мои силы постепенно восстанавливались.

— О, чудесно, — сказал он. — С каждым днём она становится всё разговорчивее. Она считает, что нам осталось ехать до берега примерно один день.

А дальше мы собирались плыть. Скрытная майор Анджела — такая загадочная за маской из бороды и невидящих глаз — уже сообщила нам об этом. Меня это ужасало. Из меня никудышная морячка.

— Мне кажется, что паучихе нравится такое внимание, — сказала Сэм, вглядываясь в окна, покрытые толстым слоем инея и льда.

Где-то там Герцогиня зависла на ветру и размахивала руками, жонглируя созданными ею же огненными шарами. С их помощью она согревала ноги паучихи, нежно втирая в её тело жар как мыло. Существо по очереди поднимало свои ноги, благодарно разминая их в тепле.

— Кто бы мог подумать, — сурово сказал Хила, — что эти двое так сблизятся.

Айрис смотрела задумчиво:

— Кажется, в воздухе витает любовь.

Киборг взлетела, расправив руки и выписывая в воздухе арабески. Её тело окружал нимб пламени. Она неспешно летала вокруг колоссального восьминогого существа.

— Не говори глупости, — с отвращением рявкнула майор Анджела. — Киборг не может влюбиться в паука.

Доктор пожал плечами.

— Кот может смотреть на королеву, — загадочно сказал он.

— Это просто отвратительно, — сказала Бородатая Дама. — Даже думать противно.

— А мне кажется, что это поразительно, — улыбнулась Сэм.

Она смотрела, как сверкают зеркальные глаза паучихи, сопровождая неторопливый полёт Герцогини. Она поняла, что Айрис права: два наименее гуманоидных существа из их отряда были весьма неравнодушны друг к другу.

— Всё это становится всё безумнее, — вздохнул Хила, жуя гренку. — Ты когда куда-нибудь прибываешь, всегда такой эффект производишь, Доктор?

— Всегда, — отсутствующим голосом сказал Доктор.

— И я тоже, — вставила Айрис.

Она смотрела на Человека-Аллигатора. Какие же у него острые зубы. Его шкура стала зеленее, насыщеннее, щели между чешуями потемнели. Его плечи и шея стали толще, чуть ли не за последние сутки. Даже его взгляд стал более диким. Никто не упоминал эти недавние изменения его облика. У него был такой вид, словно он голову откусит тому, кто хотя бы упомянет, что он постепенно превращается в аллигатора. Но втайне все они

имели подозрения относительно того, что происходило.

С учётом всех обстоятельств, старый автобус держался неплохо. Его старая оболочка хоть как-то защищала нас от окружающей среды, шины скрипели, катясь по толстому льду, прокладывая путь вперёд.

***

Одной ночью самая первая Императрица снова вырвалась из своих уз, чтобы высказать Айрис комплименты относительно её корабля и водительских навыков. К тому времени они уже проехали около ста миль ледяной пустыни.

— О, привет, — сказала Айрис. Она сидела в кабине, согреваясь двойным джином и кубинской сигарой. Остальные в это время спали. — Я всё думала, когда же, наконец, тоже удостоюсь твоего телепатического визита.

Императрица вздохнула:

— А я-то думала, что застаю вас всех врасплох, заглядывая в ваши умы вот так, тихо, словно тень.

— А Бородатая Дама не против, что ты шляешься вокруг?

— А чего ей быть против?

Айрис пожала плечами внутри тяжёлых мехов и выдохнула ярко-голубое облачко дыма.

— Ты же, в конце концов, её собственность. Так, по крайней мере, она нам говорит.

Она почувствовала, как старейшую из Императриц охватило недовольство:

— Я никому не принадлежу, Айрис Уайлдтайм. И уж тем более не этой слепой, заросшей, милитаристской…

— Понятно! — рассмеялась Айрис. — Так чем ты занимаешься? Что ты хочешь узнать?

— Просто мне нужна компания, — сказала Императрица. — Сама подумай: десять лет с этой женщиной и её лысыми медведями, а перед этим ещё бог знает сколько тысяч лет в банке со своими восемьюстами с чем-то дочерями.

— Понятно, — сказала Айрис, которой никогда не сиделось на месте.

— Если честно, дорогуша, мне никогда не было так хорошо. Я никогда не была посреди такой толпы.

— Хм. Я тоже.

— Твои воспоминания говорят об обратном, — сказала Императрица, словно листая журналы. — В каких только толпах ты не бывала.

Ночь прошла довольно беззаботно; две очень старые женщины обменивались воспоминаниями, Айрис попивала джин. Она налила себе ещё и ненадолго вышла, чтобы отколоть немного льда. А затем она услышала о том, каково это — вырасти в Алом Дворце, быть первой принцессой династии, которая должна была продлиться (как предсказывали визири) девятьсот поколений. Оказалось, что самую первую Императрицу когда-то звали Кассандра, и она с радостью позволила Айрис называть себя так.

***

Её импортировали из другой земли, в которой люди могли летать; по-настоящему летать. Когда они посетили привязанных к земле людей Хисперо — измазанных песком, потому что вся их планета была в песке, а они никогда не утруждали себя вытряхивать его из своих волос, обуви, из одеял — гости обнаружили, что им поклоняются. Летающих как орлы гостей почитали, и население этого мира обратилось к ним с просьбой остаться и быть полубогами.

Но у гостей были другие планы, поинтереснее. Тем не менее, они объявили эту планету своей, добавив её к коллекции своих завоеваний, и оставили на ней править одну из семей. Они преобразовали планету, окультурили её таким образом, чтобы она не была такой негостеприимной, какой она им показалась. Они превратили Хисперо в планету-мечту, в мир, где разворачиваются сказки, в мир желаний.

После себя они оставили маленькую Кассандру и её опекуна — лукавого и неприятного старика. Кассандра росла, зная, что мир, так элегантно созданный, однажды будет её. Хисперяне считали её своим трофеем; они пресмыкались у её детских ножек так, словно её действительно оставили им боги. И они побеспокоились о том, чтобы для неё в городе Хисперо был построен Алый Дворец. Башни были украшены рубинами, а скромные плоть и кровь строителей вошли в каменную кладку. Алые верхушки дворца простоят тысячи лет.

Поначалу Кассандре нравилось быть Императрицей. Когда она ещё только росла, ей нравилось исследовать различные роскошные местности, которые учёные её планеты, казалось, создали всего лишь подстройкой метеорологических факторов. На своём корабле она облетела с официальными визитами весь мир и осмотрела всё, что ей принадлежало. Она поощряла прибытие инопланетян, и они прилетали — самых разных видов. Хисперо стал знаменитым.

Но эта планета никогда не была стабильной. Переключённая в состояние реконструкции, она стала на путь, который никогда не заканчивался. Этот мир был в состоянии вечных изменений. В те ранние годы инопланетные посетители говорили, что всё, что стоит на Хисперо неподвижно, поглощается поразительной скоростью перемен.

Именно Кассандра ввела традицию татуировок Алой Гвардии. И разве они не восхитительны? Впрочем, как она признала во время одного из ночных разговоров с Айрис, этот татуаж зашёл слишком далеко. Это её потомки, а не она, приказали сдирать, обрабатывать и растягивать роскошную кожу гвардейцев. Кассандра считала этот обычай абсолютно варварским, одним из тех многих зол, увековечивание которых она ощущала на протяжении столетий, и одним из того, что она хотела бы исправить по возвращении в город и во дворец.

— И именно это мы и должны будем сделать, — сказала старейшая Императрица, — уладить злые деяния текущей Императрицы.

— Я знаю.

Кассандра в голове Айрис тогда замолчала, и они проникались величием темноты и искрящейся тишиной морозной ночи.

— Ой-ой, — снова раздался голос. — Я снова это чувствую. К нам что-то приближается. Что-то, что знает о том, что мы находимся тут, в его среде обитания.

Айрис тут же проснулась:

— Кто? Наша цель?

— Нет… что-то гораздо большее. Под этой ледяной корой. Глубоко под холодной водой. Что-то массивное.

— Превосходно. А что именно?

— Я не могу разглядеть. Лишь смутно чувствую злые намерения. Разум, который я ощущаю, слишком примитивен, чтобы я в нём могла зацепиться. Его мысли слишком расплывчаты. Но оно под нами, несколько миль подо льдом, пытается настроиться на нашу волну и найти нас. Пока что у него не получается.

Айрис вздрогнула:

— Не соскучишься. Ты уверена, что это не паучиха?

— О нет, — сказала Императрица Кассандра. — У неё чудесный ум. Превосходно отточенный. Один из этих превосходных, колючих и странных паучих умов, которые и должны быть у пауков.

Сегодня я выходила к ним поговорить, к паучихе и её возлюбленной.

— Возлюбленной? Ты о Герцогине? Ты общалась с ними обеими?

— Да, это было довольно интересно. Паучихе много лет не хватало внимания. Эти двое без ума друг от друга.

— Мне тоже так показалось.

— Они планируют сцепиться.

Айрис сглотнула:

— Что это значит?

— Они собираются объединить свои ресурсы. Стать единым симбиотическим существом. Увидишь.

Айрис всмотрелась в темноту, но ничего не разглядела.

— Что же, удачи им.

Но сама она не видела прелестей в слиянии с возлюбленным навсегда. Ведь половина радостей была не в удвоении, а в том, чтобы быть двумя разными личностями.

— Не будь такой гуманисткой, — одёрнула её первейшая Императрица. — Почему пауки и киборги должны рассуждать в таком же индивидуалистском духе, как ты? Они не могут себе представить ничего лучше, чем стать единым, частично кибернетическим арахнидом. Они ждут этого с нетерпением.

— В принципе, это логично, — рассудила Айрис. — Пауки и киборги всегда стремятся эволюционировать. Преодолевать границы,

становиться следующей ступенью эволюции. Наверное, это естественно.

— Нет, — рассмеялась Императрица. — Это ни капельки не естественно, именно поэтому они обе так счастливы.

Сказав это, Кассандра, старейшая Императрица Хисперо, ушла, и Айрис осталась одна. Моргнув, она обнаружила, что её разум снова ясен.

— Она не напоминает тебе немного Мэй Уэст? — Доктор стоял возле кабины, опираясь на её кресло-каталку. На лице у него была заразительная улыбка.

— Точно, — рассмеялась Айрис. — Своей развязностью. Именно на неё похожа. Откуда ты знал, что я с ней разговаривала?

Он пожал плечами и сел в кресло-каталку. Снаружи поднялся ветер, с пугающим усердием он заставлял дрожать все окна.

Айрис сказала:

— Она считает, что подо льдом кто-то есть. Охотится на нас.

Он кивнул:

— До сих пор Алая Императрица нас особо не беспокоила. Я думал, что она пошлёт кого-нибудь бросить нам вызов. Ну, что же… Уверен, что мы как-нибудь справимся, — он потёр свои ладони, но Айрис знала, что ему не может быть холодно. — Почему бы тебе не пойти отдохнуть? Все остальные спят.

— Пожалуй, я так и сделаю.

— Как твоё самочувствие?

— Ну… почти нормально. Я пройду это путешествие до самого конца.

— Надеюсь, что так, Айрис.

«Она выглядит изможденной», — подумал он, когда она вылезала из кресла водителя. Лицо у неё было осунувшееся и серое на фоне нелепой оранжевой шляпки в виде цветочного горшка.

— Как думаешь, далеко нам ещё до побережья? — спросил он, чтобы отвлечься от переживаний.

— Майор Анджела говорит, что завтра должны добраться.

Он улыбнулся:

— Из меня никудышный моряк.

— Знаешь, в этот раз ты гораздо скромнее. Я помню Доктора, который утверждал, что был причастен к трафальгарской битве.

— Серьёзно?

***

Позже, когда в самых дальних уголках ледяного поля начала пробиваться заря, Бородатая Дама вышла из автобуса и пошла искать Герцогиню. Она шла сквозь резкий ветер и понимала, что глупо рискует, выходя наружу слепая.

Пока она шла, её ботинки и бороду облепило снегом и льдом; она старалась не сбиться с направления. Эти несколько дней после завершения её уединения в Кестхевене она пыталась делать вид, что её раздражает необходимость общаться. Но на самом деле ей это даже нравилось. В ней снова пробуждалось то удовольствие, которое ей доставляла опасность. Её единственным сожалением было то, что корабль у

Айрис мог бы быть и мощнее. Они ехали как гражданские, словно на пикник. И ей казалось, что остальные взяли себе привычку смеяться над её бравадой и попытками держать всё под контролем. Особенно этот Доктор.

Но хуже всего было предположение о том, что Герцогиня, знаменитый член старого боевого отряда, действительно влюбилась в арахнида. Эта идея вызывала у неё негодование.

Она брела по колено в снегу, вслепую удерживая направление между ледяными торосами.

— Герцогиня? — пыталась она перекричать шум. — Ты ещё с нами?

Быть может, ей хотелось высказать Герцогине накопившееся. Что именно — она ещё и сама не вполне сформулировала, но молчать она больше не хотела. Ей казалось, что Герцогиня не оправдывает ожиданий, позволяя себе так привязываться. Ей нужно напомнить о том, в чём состоят их, солдат Хисперо, обязанности.

Именно Анджела много лет назад нашла Герцогиню. В одном из своих налётов в далёком космосе она попала в странную авантюру на некоей обитаемой луне. На этом вертлявом сухом астероиде майор Анджела сочла необходимым покончить с махинациями могущественного визиря по имени Сит аль-Хусн, который взялся создавать целую расу киборгов. В качестве сырья он использовал запчасти из колонии человеческих существ, потерпевших крушение на принадлежавшую ему луну. Он спасал и

использовал их сердца и разумы. Повезло же старому Сит аль-Хусну! Он взломал блестящую оболочку их корабля-колонии и нашёл пригодные тела, сохранённые в вязких животворящих сиропах. Сражение с ним и с его новенькими киборгами было одним из первых приключений Бородатой Дамы, когда их отряд состоял лишь из троих. Они расстроили планы визиря Сит аль-Хусна, уничтожили его секретную базу и демобилизовали его орды киборгов — всех, кроме Герцогини, которая по каким-то своим мотивам решила помочь им победить. Счастливые денёчки. Команда из троих стала четвёркой, и они изгнали визиря в Z-пространство, а затем вернулись на Хисперо по его шаткому, ненадёжному интерстициональному мосту. Насколько могла понять Анджела, это был своего рода межразмерностный эскалатор, который прожёг до дыр их ботинки, и после которого у неё целую неделю болела голова. Вот так и родился её боевой отряд бандитов.

О, а затем, примерно через год, тот самый визирь вернулся, чтобы завоевать весь Хисперо, его сила удвоилась благодаря загадочной сабле, которую он нашёл в глубинах Z-пространства, и он хотел отвоевать трон Алой Императрицы. Та вызвала четвёрку, чтобы они снова разобрались с ним. В тот раз их шеи тоже спасла Герцогиня.

Так много историй, — думала майор Анджела.

Она стояла у входа в ледяную пещеру. Она словно ощущала кожей царящую внутри темноту. Слепота сделала её очень чувствительной к

определённым условиям и присутствиям. Её борода щетинилась, чтобы сообщить ей о тех, кто находится рядом.

В последнее время она отвыкла бывать в таких открытых пространствах. Анджела привыкла полагаться на защиту медведей.

Лёд возле входа в пещеру немного растаял, и её привлёк его звук — равномерное капание холодной воды. Она знала, что за этим пологом из талой воды находятся паук и киборг. Она чувствовала большую неподвижную тушу паука сразу за входом в пещеру, обмотанную паутиной.

— Уже светает, — сказала она в темноту. — Нам пора отправляться.

Послышались шипение и потрескивание, предвещавшие, что сейчас заговорит Герцогиня. Голос, казалось, звучал совсем рядом.

— Почему ты решила прийти сюда и поговорить со мной? — спросила Герцогиня.

— Просто так, — Анджела начала разворачиваться, чтобы уйти.

— Ты, должно быть, думала о том, как всё было раньше? Когда мы были вместе, одной командой? Не в твоём это духе, майор Анджела, жить прошлым, — голос Герцогини был странно заботливый.

У Анджелы свело живот. Действительно, это не в её духе. Она же должна была быть крутая, как яйца. Она никогда не предавалась сожалениям. И уж точно никогда не переживала о будущем, как сейчас. Что-то этим ранним утром вселило в её

разум тревогу. Ужасное дурное предчувствие, хотя раньше у неё их никогда не бывало.

— Ты думаешь, что в этой миссии нам не выжить, — без выражения сказала Герцогиня. Уже в который раз киборг со свойственной ей безжалостной манерой попала прямо в точку.

— Мы теперь настолько старше, — сказала Бородатая Дама. Её плечи поникли. Она внезапно словно стала очень маленькой. — Да, я не думаю, что мы выживем. Как мы могли вообще подумать о том, чтобы пойти против Алой Императрицы? Даже в наши лучшие дни мы бы на такое не осмелились.

Она вздохнула. Из ледяной пещеры послышалось какое-то движение, словно паучиха просыпалась и готовилась выйти.

— Я никогда не слышала, чтобы ты чувствовала себя проигравшей, майор Анджела, — сказала киборг.

— Если честно, у меня сейчас есть желание избавиться от этой… штуки здесь и сейчас.

Из-под мехов, в которые она была одета, она вынула банку, в которой была самая старая Императрица, Кассандра.

— Я могу прожечь дыру во льду, мы кинем её тёмную воду, её не станет, и у Императрицы больше не будет причин преследовать нас.

В утреннем свете банка казалась тёмно-сиреневой.

— Нет, — когда Герцогиня снова заговорила, её голос был немного другим. — Ты так не сделаешь, майор Анджела.

Бородатая Дама слегка вздрогнула:

— Почему? Что происходит?

Уже в который раз она кляла свою слепоту. Ей было противно, что она не знала, что происходит вокруг.

Голос Герцогини стал громче, более скрипучим и странно раздвоенным.

— Боги… — ахнула майор Анджела, хотя не была ни капельки верующей.

Она чувствовала, что что-то выходит из пещеры. Она знала, что это не Герцогиня и не паучиха. Это было что-то другое, от него шёл металлический жар, который она ощущала кожей. Снег шипел и таял от этого прикосновения. Она даже чувствовала противный запах палёного мяса и волос. Она испуганно сжалась.

То, что возникло из тусклого мрака ледяной пещеры, было пауком, немного б**о**льшим, чем исходная паучиха, и состоявшим полностью из серебристого металла и стекла. Его хрупкие ноги шипели, щёлкали, искрились; оно испытывало их, как будто было новорождённым существом, а не алхимическим результатом комбинации двух исходных существ. Оно неуклюже прошло по льду мимо майора Анджелы, его поверхность сверкала в лучах слабого солнца как свежеотлитый сплав. Десять глаз Герцогини увенчали фасеточные глаза паучихи, словно группа драгоценных камней на головке рукояти меча. Эти сильно усовершенствованные глаза просто впитывали свет.

Даже не имея возможности увидеть это существо, Бородатая Дама поняла, что произошло.

Гибридное существо заговорило одновременно двумя голосами:

— Ты сказала, что мы все постарели, майор Анджела. А вот мы… сделали себя заново.

— Как? — беспомощно спросила майор.

— Это завершено. Мы слились.

С каждым следующим, всё более уверенным шагом Пауко-Герцогини шипел и таял лёд. Её панцирь сверкал в утренних лучах. Этот блеск и излучаемое ею тепло привлекло к окнам тех, кто был в автобусе.

А ещё жар этого слияния привлёк внимание существа, которое преследовало их глубоко подо льдом. Это существо посмотрело вверх и увидело в Пауко-Герцогине маяк, ведущий его к цели.

Он услышал, что Алая Императрица велит ему атаковать.

Глава 24
Морж и черепаха

Какую-то часть того утра мы провели, размышляя о пауках.

О. Это Доктор пишет. Думаю, мне стоит объяснить. Мне довольно непривычно писать что-то от первого лица. Мне всегда нравилась несобственно-прямая речь. Не знаю, что это говорит обо мне. Но... Я затягиваю рассказ о произошедшем..

А произошло очень много!

Вначале я был вместе с остальными в автобусе и рассказывал им, что когда-то считалось (по всему космосу, во многих разных культурах; просто такие верования имеют тенденцию возникать), что души спящих покидают тело в виде пауков. Не самая уютная идея, согласен. Поэтому когда Сэм, Айрис, Хила и я проснулись и увидели это невероятное преображение паука, я сперва подумал, что чья-то душа ночью выползла и не вернулась. Странные мысли. А затем я понял, что паучиха и киборг сделали последний шаг и объединились вместе в одном невообразимом существе.

Разумеется, я подумал об Уильяме Батлере Йейтсе, написавшем в своём стихотворении:

изменилось, совсем изменилось

ужасная красота родилась.

Потому что действительно было что-то неотразимо красивое в существе, которое мы увидели, выглянув тем утром за окно.

Паук, — сказал я остальным, — всегда считался существом, которое вряд ли достойно доверия. Как и ящерица, — и тут я посмотрел на Хилу, но ничего не сказал. Я всегда считал пауков очень умными и организованными, но находиться в их компании мне никогда не нравилось.

Я спросил у Айрис, бывала ли она на планетах, на которых главными являются пауки? Очень тёмные места. Еда там, разумеется, ужасная. Опера чудесная. Я спросил у Айрис: «Ты слышала, как пауки поют?»

Пауко-Герцогиня опускалась брюхом на лёд, словно нуждалась в восстановлении сил после шока обретения новой себя.

Я думал о мифе о том, что паук опускается на паутине, и поэтому ассоциируется с радостями, нисходящими с небес. Глупости, разумеется.

Я думал о решении Герцогини жениться на всей этой традиции и мифологии. Но она и паучиха по сути поместили себя за пределами любой расы. Они стали абсолютным уникумом. А затем я подумал, что для неё это было не столько приобретением супруга, сколько приобретением шести дополнительных ног. Айрис в тот момент словно прочла мои мысли и добавила: «И умение производить паутину».

Серебристое паукообразное провело какое-то время на льду, наслаждаясь, приходя в себя. Я приготовил всем завтрак — гренки и много сиропа

— и мы все ждали, когда Пауко-Герцогиня решит, как дальше распорядиться своим новым «я». Мы не были полностью уверены в том, что ей всё ещё можно доверять. В автобусе были довольно жаркие дебаты по поводу того, стоит ли нам просто ехать дальше и посмотреть, пойдёт ли она за нами, или же нам нужно попытаться поговорить с ней. Громко топая и фыркая, в автобус зашла майор Анджела и сказала, что Пауко-Герцогиня стала очень молчаливой и в данный момент почти ничего не говорила. Бородатая Леди, похоже, плохо это переносила.

А затем… а затем Пауко-Герцогиня позвала нас выйти. Её вкрадчивый голос разносился над ледяной равниной, он звал нас выйти поговорить с ней:

— Мы ожидаем гостя.

— Кого? — спросили мы.

— Мы чувствуем приближение…

— Кого? На что нам рассчитывать?

— Мы объединились, чтобы защитить нас всех от этой надвигающейся угрозы, — сказала Паучиха-Герцогиня.

— О, отлично, — сказала Айрис.

В этот момент плоский участок льда между нами и Пауко-Герцогиней взорвался, взлетел в воздух огромным потоком льда и воды. Огромные плиты с неровными краями полетели во все стороны. Гигантское тело поднималось у нас под ногами, пыталось проломиться сквозь лёд. Вода бурлила, взлетала брызгами и паром, в течение

нескольких ужасных секунд царили шум и неразбериха.

Существо под нами запрокинуло голову и заревело. Оно вылезло из проделанной им проруби.

— Хм, Доктор, — сказала Айрис, пятясь к дверям автобуса. — То большое и ужасное существо, которое мы ждали… Кажется, оно уже тут.

Это был морж, невероятно древний, размером как три двухэтажных автобуса. Не успели мы даже ничего сказать, как он вылез из ледовой трещины и попрыгал к нам. На земле он выглядел очень неуклюжим, поскальзывался на своих огромных ластах, каждый их которых был размером с Фольксваген «Жук». Он тянул своими огромными лапами-ластами своё тяжёлое тело! Меня заворожили его зловонные жёлтые клыки, покрытые слоем налёта, и толстые чёрные усики, торчавшие над губой и на подбородке.

Я закричал, чтобы все бежали в автобус. Они были поражены и растеряны, пытались удержаться на неустойчивой поверхности. Сэм тоже кричала мне: если лёд треснет, нам конец. Хила выглядел готовым к бою.

Но на помощь нам пришла Пауко-Герцогиня. Когда морж сориентировался, заревел и поковылял к нам, его встретило это сверкающее и уже не такое неуклюжее объединённое существо. Её ноги были похожи на щупальца, которые рассекали воздух, когда она мчалась к моржу. Ей, казалось, даже нравится скользить и семенить вокруг этого

зверя, метать в него толстые нити паутины. Её ноги щетинились, дёргались и ударяли по его складчатой коже. Он кричал, отбиваясь от паутины, которой она пыталась опутать его. В попытке разорвать нити он даже поранил бивнем собственное тело.

Множество глаз новорождённой Пауко-Герцогини сверкали зелёным. Она выиграла для нас время, чтобы мы успели добежать до автобуса. Я схватил Бородатую Даму за обе руки и, не слушая никаких возражений, оттащил её на безопасное расстояние, пока она ревела, требуя объяснить, что происходит.

Пауко-Герцогиня словно танцевала на льду. Казалось, что она наконец-то нашла достойного противника, на котором сможет испытать своё новое тело, свои усовершенствованные возможности.

Морж заревел, завизжал и начал лупить огромным хвостом, отчего плиты льда задрожали и начали трескаться.

— Доктор… — сказала Сэм таким тоном, словно я должен был всё уладить.

Я повернулся к Айрис. Она уже выскочила из кресла-каталки и рылась в своих запасах оружия, в оружейном шкафу под лестницей. Я попытался предупредить её: не используй ничего тяжёлого, не сломай лёд…

Раздался жуткий электрический треск, металлический скрежет. Обернувшись, мы увидели, что морж вонзил один из своих бивней в

металлическое брюхо Паучихи. Её ноги дёргались в спазмах. Сэм выругалась.

Хила решил взять дело в свои руки. Он выбежал из автобуса и помчался по льду. Огромные фонтаны пены и льда вставали на его пути как небольшой шторм, но он пробирался вперёд, и мы увидели, что он размахивает большим тесаком, найденным в арсенале Айрис. Пока морж продолжал калечить Пауко-Герцогиню, Хила ударил тесаком по его незащищённому морщинистому локтю. Морж закричал. Небрежным движением он опрокинул Хилу на спину и наступил на него раненой лапой. Не в силах вдохнуть, Хила дёргался, пытаясь освободиться, и далеко не сразу смог возмущённо закричать.

— Сделайте что-нибудь! — кричала Сэм.

— Сэм! — крикнула ей Айрис и потащила её к своему ржавому арсеналу.

Я сказал что-то вроде «Я не позволю ей пользоваться твоим старым грязным оружием», но они вдвоём оттолкнули меня в сторону. Лёд под ногами снова покачнулся и вспучился. Я даже стоять ровно не мог. Айрис и Сэм, тяжело дыша, советовались.

Рядом со мной майор Анджела порылась в своих мехах и вынула гладкую стеклянную банку, в которой хранилась первая из Императриц. Я испугался, что она бросит её, и Кассандра разобьётся.

— Может быть, она может нам помочь… — сказала Бородатая Дама.

— Не рассчитывай на это, — ответила Айрис, согнувшись в своём кресле возле дверей автобуса.

Они торопливо раскладывали треногу. Подбежав к ним, я увидел, что они собрали ржавый агрегат, и Айрис достаёт из старого шкафа самый большой гарпун, какой мне доводилось видеть.

— Это гарпунное орудие! — крикнула Сэм.

Снаружи снова раздался шум: одним неожиданным движением Пауко-Герцогиня ожила и атаковала. Она крепко вцепилась в покрытую толстой кожей спину зверя, задержав его. Тот взбрыкнул, тряхнул спиной и завыл, нечаянно освободив злого Хилу. Пауко-Герцогиню кидало из стороны в сторону, её ноги и обрывки паутины свистели в морозном воздухе, как ледяная вьюга.

Я увидел, что Айрис методично собирает воедино последние детали гарпунной пушки. Сэм отошла от неё и с возмущением смотрела на этот аппарат, который всего несколько секунд назад помогала собирать старой хитрой чертовке. Я видел, что её терзает внутренняя борьба. Она больше не могла помогать Айрис, но и мешать ей тоже не могла. Сэм посмотрела на меня. Айрис встала возле аппарата. Приняла нужную позу. Она прищурилась, глядя на мушку. Сэм увидела, куда она целится, и вдруг закричала:

— Скажи паучихе отойти…

И Айрис выстрелила.

Из автобуса вслед за гарпуном разматывались кольца металлического троса, в ушах всё ещё

звенел выстрел, пахло порохом, Сэм и Айрис отбросило назад.

Гарпун громко воткнулся в цель.

***

Экран дрожит, трещит, появляется изображение. Дёргающееся изображение интерьера автобуса. Мелькает метель снаружи. Айрис снова взяла свою камеру и снимает, болтая без умолку в микрофон.

Мы видим возмущённое лицо Доктора, бегущую к двери Сэм.

А затем камера показывает нам вид наружу. Мы видим последнюю агонию битвы.

Пауко-Герцогиня всё ещё приматывает себя паутиной к спине существа. У моржа в груди торчит гарпун, животное бьётся об лёд. Его крики заглушают в звуковой дорожке всё остальное.

И мы видим Хилу, который свободно катится и бежит по льду.

По морщинистой груди моржа сильно течёт кровь. Он размахивает лапами и запрокидывает свою великанскую голову. Гарпун застрял в нём как огромный серебряный шип.

Хила бежит к нам. Его лицо искажено. Мы видим, как он добирается до автобуса, хватает гарпунную пушку и начинает перезаряжать её.

Мы видим, что Доктор возмущённо кричит. Он бежит, чтобы остановить Хилу. Вид загораживают тела тех, кто борется за контроль над пушкой. Громче всех кричит Айрис, прямо нам в уши.

Камера падает, и мы видим абсолютно неуместный спокойный вид на лампу в стиле арт-

деко: купающаяся красавица, поддерживающая абажур.

К тому времени, когда Айрис снова берёт камеру в руки, пушкой завладел Хила. Он заряжает орудие взрывчаткой. И он стреляет.

— Но паучиха… — слышим мы голос Доктора на фоне воя выпущенного снаряда и свиста троса.

Хила — меткий стрелок. Он попал.

Издав последний вой, морж взрывается. В один ужасный красочный момент его тело разрывается на части. Даже если мы сейчас перемотаем ленту назад, всё произошло слишком быстро, чтобы видео могло запечатлеть все детали. Вспышка, клубы чёрного дыма, а затем… дождь из окровавленных больших кусков плоти на чистый снег. Ближе всего к нам, к автобусу и камере, падает разбитая голова чудовища. Его клыки разбиваются. Летят брызги уже сворачивающейся крови.

А в самом центре дыма и грохота мы видим разваливающуюся на части Пауко-Герцогиню. Её ноги расколоты, они падают, как соломинки. Её тело, разорванное и разваливающееся как перезрелый серебристый фрукт, отбросило в сторону.

В автобусе не слышно ничего, кроме криков.

Хила скалит в камеру зубы. Его лицо заполняет весь экран. Его глаза насыщенно-зелёные. В них не видно ни следа человечности.

Изображение пропадает.

***

— Если его прислала Алая Императрица, — сказала Сэм, — не пришлёт ли она за нами ещё кого-нибудь?

Они стояли посреди всё ещё дымившихся рваных и окровавленных кусков жира.

— Наверняка пришлёт, — сказал Доктор.

Пошёл снег. День, похоже, подходил к концу. Плотное небо становилось ниже.

В нескольких метрах от них Пауко-Герцогиня залечивала свои раны, которые до сих пор пылали и искрились. Хила и Бородатая Дама брали руками снег и тушили языки пламени, охлаждали металлическую кожу. Она ещё не говорила.

Майор Анджела сказала:

— Ты покалечил её. Разнёс на кусочки. Хорошо, что я не могла этого видеть.

— Заткнись, — огрызнулся Хила, нагнувшись над огромным туловищем Пауко-Герцогини. Он с видом эксперта рассматривал механизмы в проломе. — Она будет жить.

— Ты ей почти все ноги оторвал. Как ей теперь ходить?

И тогда заговорила Пауко-Герцогиня, надтреснутым голосом, который гораздо очевиднее, чем раньше, состоял из двух отдельных:

— Я не могу двигаться. Я не могу двигаться.

Шипящие культи когда-то элегантных ног дёргались в морозном воздухе. Её мандибулы тарахтели в странном аниматронном отчаянии.

— Мы не можем бросить её тут, — сказала Сэм, подойдя, чтобы посмотреть.

— Мы должны, — сказал Хила.

Майор Анджела начала спорить, но Пауко-Герцогиня перебила её:

— Оставьте меня здесь, в снегу. Скоро Алая Императрица пришлёт своих гвардейцев, чтобы они узнали, как и зачем мы уничтожили её морского зверя. Я буду тут, чтобы помешать им следовать за вами. Вы должны продолжить путь.

— Что ты будешь делать? — спросил Доктор.

— Я разберусь с ними, — сказала Пауко-Герцогиня. — Я восстановлю силы и буду лежать в снегу, ожидая. Если явятся гвардейцы, чтобы вернуть вас в Хисперо, я собью их со следа. Вы все должны иметь возможность вернуться туда самостоятельно. Вернуться так, как вы сами этого захотите. Я задержу их ради вас.

— Спасибо, — сказал Доктор.

— Жаль, что я не могу пойти с вами.

— Мы вернёмся за тобой, — пообещала Бородатая Дама. — Когда всё закончится.

И они пошли в автобус.

***

И автобусу Айрис, и ей самой стало гораздо легче, когда они съехали со льда. Примерно через сто миль они снова оказались на промёрзлой земле и больше не рисковали провалиться под лёд. Теперь они были уже недалеко от берега, и замёрзшие пучки травы были единственным препятствием на их ночном пути. Майор Анджела выслушала их описание сурового ландшафта и провозгласила, что они уже очень недалеко от моря.

Они взобрались на труднопроезжаемый пригорок, а за ним раскинулась плоская тёмная полоса моря. Ярко сверкали звёзды. Айрис радостно вздохнула от перемены вида.

— Теперь я действительно чувствую, что мы продвинулись, — сказала она, сидя за рулём.

Рядом с ней сидел Доктор. Он кивнул в сторону моря:

— Посмотри, там корабль.

Он щурил глаза. Она уже привыкла к этому орлиному взору. Она попыталась посмотреть туда же. И действительно, в море, напротив той полоски берега, к которой направлялись они, было крохотное, похожее на игрушку судно. Его серебристые паруса раздувались под лунным светом, и скоро уже все пассажиры автобуса смотрели на него.

— Похоже, транспорт для нас уже готов, — сказала Айрис.

— Вначале нам нужно кое-кого найти, — сказала Анджела.

***

Пауко-Герцогиня начала свой медленный, медленный, бесконечно медленный путь домой. Её оторванные ноги, словно заблудшие дети, дёргались и скользили по льду к ней.

***

На следующее утро, съехав на галечный пляж, они нашли его.

Ночь в автобусе была тревожная, все кроме угрюмого изворотливого Хилы сгрудились, чтобы было теплее, и завернулись в меха кестхевенских

медведей. Этой ночью Айрис сидела какое-то время одна, глядя на бурное тёмное море. Она открыла двери и вышла покурить, опёршись на автобус и обнимая себя, чтобы согреться. Может быть, её здоровье немного улучшилось? Она потопала ногами по неровной замёрзшей дороге.

И вдруг, словно из ниоткуда, мимо неё прокрался кот. Вначале она увидела его глаза: в ночи вспыхнули два бледно-зелёных диска. Потом она смотрела на него, а он смотрел на неё. Одно ухо у него было надорванное, словно после драки. Он был грязный и равнодушный. Он выполз из-под автобуса, какое-то время смотрел на неё, а затем пошёл прочь по жёстким пучкам травы. Она пожала плечами и затоптала окурок.

Это было прошедшей ночью. А утром они снова отправились в путь, катились вдоль берега, выискивая неуловимого четвёртого участника.

Сэм всё тут казалось мрачным и безлюдным. Словно на этом пляже никогда не бывало ни единой души. Вдруг Хила удивлённо рявкнул и заставил Айрис остановиться.

Он вывел их из автобуса и повёл по галечному пляжу. Хрустя галькой и ракушками, они побежали за ним.

Там, где волны ласкали береговые скалы, в защищённом заливчике стоял постамент. На нём были белые полосы соли, местами он осыпался, приняв странную, гротескную форму. На постаменте стоял кусок льда размером примерно с человека. Эта льдина была словно стеклянная, многогранная и сверкающая. Когда они подошли

ближе, это напомнило Сэм святилище. Внутри льдины было видно тёмный вмёрзлый силуэт.

Доктор прибыл последним: пыхтя, он толкал по гальке кресло, в котором сидела Айрис. Маленькие колёса скрипели и давили хрупкие ракушки. Он поднял её и перенёс через кучи коричневых водорослей.

К тому времени, когда Айрис и Доктор добрались до постамента, остальные уже удовлетворённо смотрели на льдину.

— Это должен быть он, — сказала майор Анджела.

— Говорили, что его заморозили. Сказали, что оставили его там, где до него доберётся море. Но оно не добралось. Он здесь уже десять лет, — голос Хилы был спокойнее, чем когда-либо за прошедшие дни.

Во многих местах лёд прокалывало поразительное множество кинжалов и сабель.

— Похоже на огромную подушку для иголок, — сказал Доктор. Он не мог унывать, когда унывали все. Он этого не выносил. — Или на огромную игру Ker-plunk.

— У меня в автобусе есть такая игра, — сказала Айрис.

— Или же, — сказал Доктор, — это похоже на Экскалибур.

Они решили поверить этому, и каждый схватился за украшенные драгоценными камнями рукояти, до которых смог достать. Хила потянулся и взялся за одну из самых верхних. К их удивлению, все клинки легко выскользнули.

Они отошли.

— Возможно, мы все короли Артуры, — усмехнулся Доктор.

— И что теперь? — спросила Сэм.

Он прикусил губу и кивнул на лёд. Лёд искрился, пульсировал и начинал таять. Шёл пар, по поверхности льда катились капли.

— Он просыпается, — сказала Анджела.

Скоро они уже могли рассмотреть его лучше. Вначале появились его голова и плечи. Он сидел неподвижно, приходил в себя, но все они видели, что он оживает. Когда появились его слабые руки, он пошевелил ими, и сплошной кусок льда, сковывавший его остальную часть, начал трещать гораздо быстрее.

— Это он, — улыбнулась Айрис.

Внутри таявшей ледяной оболочки сидел Псевдо-Черепах. Его тяжёлая телячья голова была мокрая, глаза плохо видели, они еле размыкались после десятилетнего сна во льду.

— Он выглядит так, — сказал Доктор, — словно он только что заново родился.

— Я не родился, — хриплым голосом прошептал Псевдо-Черепах, — я вылупился из огромного яйца.

Он встряхнулся, и с него слетели остатки льда. Он попросил их помочь ему спуститься с постамента.

— Доктор, — сказала Сэм, похлопав его по плечу. — Мне неприятно это говорить, но…

— Что говорить?

— Что-то вроде «Доктор, смотри!»

Он закатил глаза:

— Все всегда так говорят.

— Но смотри! — крикнула Айрис.

В залив, сверкая широкими белыми парусами, во всём своём великолепии вплывал корабль, который вчера был очень далеко. С берега отряд из ТАРДИС Айрис видел, что с корабля спускают шлюпки, фигурки в которых, похоже, были полны решимости высадиться на берег.

— Пираты, — сказал Хила.

— Этот корабль — Кристева, — сказала Айрис. — А его капитан — дочка Императрицы!

Глава 25
На Кристеве

Я черепаха. Жизнь моя — не праздник.

У меня есть панцирь. Есть ноги-ласты. Я всегда медленный. Если только я не под водой. Тогда я могу что угодно. Попробуй уследить! В прошлом, когда я с тремя другими участвовал за деньги в авантюрах и квестах, все водные задания доставались мне. Человек-Аллигатор (Хила), разумеется, считал себя таким же быстрым и плавучим, как я, но я по-прежнему настаиваю, что он, по сути, существо суши. Ему это не нравилось. Мы четверо были не самым радостным коллективом.

Черепахи вылупляются из яиц. Я даже помню, как вылезал из скорлупы. Обычно мы (по крайней мере, большинство из нас) пробиваем скорлупу изнутри своими маленькими клювами, а потом бежим вприпрыжку по песку к холодному морю. Сначала, когда только вылупился, думаешь: «Но я же такой неуклюжий!» А затем оказывается, что нет, вовсе нет, что это далеко не вся история, просто нужно попасть в пенящуюся воду и там обрести все свои способности.

Разумеется, из-за того, что я псевдо-черепаха, мне с самого начала было сложнее. У меня была другая голова, а на концах передних ног были копыта. Блестящие, заострённые, довольно элегантные, но всё-таки копыта, а ласты у меня только сзади.

Когда я только-только родился, когда я вылупился, мне пришлось колотить по внутренней части моего тёплого яйца кончиками копыт, лишь так я смог выломиться на золотой песок. Мне с самого начала было сложнее. Я всего лишь *псевдо*-черепаха.

А последние десять лет я был замороженным, освобождённым от уникальности своего тела, лишь мой разум продолжал жить. К счастью, у меня есть телепатические способности низкого уровня (да, всего лишь низкого уровня, как однажды радостно сообщила мне Герцогиня, ставя меня на место), поэтому, пользуясь разнообразными ненадёжными, но, тем не менее, прикольными телепатическими каналами, мне удалось держать себя в курсе происходящего в мире. Хотя я и был узником.

Год за годом я слушал, как Алая Императрица собирала силы, вынашивала планы, плела паутину. Я подслушивал её гвардейцев, которых она посылала в разные уголки мира. Я подслушивал джиннов и визирей, скрытно отправлявшихся выполнять её зловещие поручения. Я знаю её планы и мечты. Поэтому, когда мои друзья прибыли и ослабили заклятье, удерживавшее меня во льду, я понял, что настало время противостоять нашему излишне самоуверенному монарху. Я чувствовал приближение своих товарищей.

Это из-за Алой Императрицы я был тут. Это она заморозила меня и водрузила на постамент. Это из-за неё мой ум был вынужден метаться, как тигр

в клетке. Она обездвижила меня там, где это было для меня больнее всего — у самого берега моря. Я пытался заблокировать ощущения беспокойной массы воды, её солёный привкус, её настойчивый зов.

И за все эти десять лет хоть кто-нибудь, хоть один из моих бывших союзников и товарищей прибыл спасать меня? О, нет. Никого не было. Поначалу я был уверен — настолько, насколько можно быть уверенным — что они скоро появятся. Если не сегодня, то завтра или послезавтра. Я представлял себе препятствия, стоявшие на их пути. Но они так и не появились. Какой же я дурак, что верил в своих якобы друзей. Дни, месяцы, годы проходили, а никого не было. Майор Анджела — буйная, неистовая, к несчастью слепая Бородатая Дама, которая однажды страстно заявила, что влюблена в меня, в мой чудесный блестящий зелёно-коричневый панцирь, в мои мягкие жёлтые незащищённые места — разве она примчалась выручать меня из беды? Нет, не примчалась. Бросил ли Хила воровство и городской преступный мир? Контрабанду, вымогательство и прочие тёмные делишки? Его и близко со мной не было. Его мысли никогда не обращались ко мне. Прилетела ли на этот тёмный берег питаемая энергией солнца Герцогиня? Чёрта с два. И вот он я тут. А вот и они тут. Внезапно рассчитывают на мою помощь. Хм.

А это кто такие? Новые друзья, новые спутники.

Я поворачиваюсь к человеку-женщине. Она ещё почти ребёнок: мягкие светлые волосы, лицо угрюмое, наверное, как и у меня.

— А ты какого рода существо, дорогуша?

Мой вопрос, похоже, застал её врасплох, словно существо вроде меня не должно было иметь способность излагать мысли.

Но мы в движении. Нас конвоируют. Нас ведёт по пляжу шайка пиратов. Разумеется. Я чувствовал приближение их корабля одновременно с приближением моих друзей.

И вот теперь мы все в равных условиях. Вместе в плену. Я почувствовал приближение пиратов и почувствовал приближение моих спасителей. Неплохо для телепатических способностей низкого уровня! Неплохо для какой-то псевдо, блин, черепахи!

Корабль стоит в заливе. Гордый, украшенный всевозможными флагами и броскими самодельными парусами и, надо сказать, я снова радуюсь цветам так, как когда-то, когда только вылупился. Мир для меня снова новый. Моё внимание привлекает шумная толпа наших пленителей в грязных заплатанных экстравагантных нарядах, и какое-то время, пока нас толкают к шлюпкам, я просто любуюсь этим зрелищем.

Но впереди маячит Кристева, и мне следует серьёзно задуматься о том, хочу ли я так скоро после своего спасения снова стать пленником. Судно — плоскодонный буксир, ощетинившийся оружием. Агрессивная штука, напичканная

бандитами, головорезами и прочим сбродом. За прошедшие годы я с помощью своих ограниченных телепатических способностей много раз настраивался на их мерзкие предприятия. Я отслеживал похождения Кристевы, её экипажа и её капитана с некоторым удовольствием. Но я не уверен, что хочу подняться на борт.

Меня несут на чём-то вроде носилок. У меня пока что мало сил. Хила, эта девочка и высокий мужчина с волнистыми волосами несут меня (не очень ровно) в направлении шлюпок.

— Я Сэм, — говорит девушка. — А это Доктор.

Я моргаю, глядя на них. В своей прошлой жизни я всегда был рад новым лицам. Нельзя позволить этому измениться. Нужно помнить о своих манерах.

Долговязый мужчина внезапно смотрит на меня пронизывающим взглядом. Он восторженно болтает:

— Правда, это интересно — быть похищенным настоящими морскими пиратами?

Он говорит со мной так, словно не находит ничего странного в том, что обращается к такому существу, как я. Я вижу, что он старается быть вежливым и непредвзятым, отказываясь комментировать мою гибридную необычность.

— Вы не находите это поразительным? — спрашивает он у меня.

За излишне громкий разговор он заработал тумак от одного из пиратов. Это было необычно худое существо, с поразительно длинной шеей и с зажатым в остром клюве кинжалом. На одном из

глаз у него повязка — он идеально исполняет свою роль.

Вместе с нами толкают инвалидное кресло, в котором сидит женщина. Она кажется несколько подавленной, руки она сложила на коленях. Впрочем, в её глазах горит интерес, она старается ничего не пропустить.

— Хила, Хила, друг мой, — обращаюсь я к самому крупному и самому чешуйчатому из несущих меня. К тому, с кем я, казалось бы, должен иметь больше всего общего. Но Человек-Аллигатор сердито смотрит в ответ, словно он совсем не рад нашему воссоединению. Майор Анджела, разумеется, не может видеть меня. Её ведёт другой, тёмный пират, и когда я зову её, она меня игнорирует. Герцогиню я вообще не вижу.

О, как же приятно снова дышать воздухом! Мои лёгкие кажутся мне новыми и восстановленными. Как здорово дёргать моими ластами и копытами.

Нас грузят — не очень аккуратно, вообще-то — в небольшую деревянную шлюпку, и моих товарищей заставляют грести. Я наклоняюсь и слушаю ритмичный плеск холодных, холодных, холодных волн. Как же мне не хватало возможности слушать, по-настоящему слушать. Быть может, я могу (пока никто на меня не смотрит) перевалиться через борт шлюпки и уплыть в восхитительную холодную воду? Только меня и видели. Этот соблазн, разумеется, охватывает меня всего. Как бы мне хотелось сейчас сбежать в море.

Но я не могу, не могу, не могу бросить своих чёртовых друзей. О, нет! Только не я!

Я верный товарищ!

Рядом с нами плывёт ещё одна шлюпка.

И вот, наконец-то, Джулия. Стоит на носу другой шлюпки. Голова запрокинута, громко смеётся, а морской ветер развевает её роскошные кудри. Гордая, дерзкая Джулия. Наследница всего Хисперо. Любимица Императрицы. Самая дерзкая и опасная пиратка многих морей этой планеты. Весь мир может быть в её руках, но, как это широко известно, ей больше нравится быть уголовницей, она предпочла бы украсть этот мир, а не получить его по наследству. Джулия от головы до ног одета в алую кожу — покрой тоже весьма смелый. Я отмечаю, что она немного набрала вес, и пара лишних унций не помещаются в её наряд. К такому обычно приводит хорошая жизнь, а жизнь Джулии, насколько я понимаю, отличная. Рукой в перчатке она держит золотой мегафон; она взмахивает им и подносит к губам. Она смахивает длинные алые волосы, и они дрожат на солёном ветру. Принцесса-пиратка насмехается над своими пленными. Я пытаюсь помахать ей, вспоминая нашу встречу во дворце её матери, но она меня игнорирует, предпочитая обращаться ко всем нам сразу. Я сажусь и понимаю, что мои силы потихоньку, капля за каплей возвращаются.

Капитан Кристевы Джулия рассказывает нам нечто очень простое. Она много раз с апломбом проговаривает это в мегафон.

— Теперь вы пленники Империи Хисперо! Вы пленники Алой Императрицы!

Конечно, конечно, мы это и так знали.

Майор Анджела бормочет в сторону шлюпки Джулии грязные ругательства. Ого, какая длинная борода выросла у Бородатой Дамы! Какая изящная. Растительность, достойная украшать её благородный подбородок. Как жаль, что она не может увидеть своё отражение. Похоже, моё присутствие её не сильно радует. Я себе возвращение к жизни совсем не так представлял. Ожидал ли я большой праздник? Лучше всего ожидать как можно меньшего и радоваться тому, что получишь. Поэтому я молчу.

Это человеческое дитя — Сэм — кажется довольно милым, надо будет подумать о том, чтобы подружиться с ней. Быть может, это вызовет у Бородатой Дамы ревность. О, я чудесно оттаиваю, ощущения возвращаются ко мне в виде замечательных рывков и подёргиваний. Я могу скрипеть зубами, шевелить плавниками и больше не дрожу. Кристаллики льда на моих длинных-длинных ресницах уже растаяли, и на моих коровьих ноздрях тоже. Я тихонечко, совсем тихонечко мычу от удовольствия, чем зарабатываю недовольный взгляд Человека-Аллигатора.

— Друзья мои, — осторожно говорю я, — я вернулся к жизни и к своей полной силе!

Я пытаюсь встать в шлюпке, но это тяжело, потому что она качается.

— Нам это очень поможет, — ворчит Хила. Он всегда критически относился к моим умениям. — Нас наверняка убьют. Или на борту этого корабля, или по возвращении в Хисперо.

— Что, правда? — спрашиваю я.

Он закатывает свои злые глаза. Бедняга Хила, как я вижу, стал ещё больше похожим на ящерицу, чем раньше. Его челюсти вытянулись вперёд в виде морды. Его зубы похожи на кинжалы, они торчат наружу. Ему кто-нибудь сказал о том, как сильно он изменился, насколько менее человечно он выглядит? Наверное, сказали.

— А план неожиданного побега должен придумывать я? — говорю я и моргаю, обводя взглядом эту унылую толпу. Никто из них не производит впечатление умного или решительного. — Теперь моя очередь?

Хила презрительно фыркает. Он всегда такой.

— А у тебя есть какие-то идеи? — кто-то наклонился ко мне поближе. Наконец-то меня воспринимают всерьёз. Это мужчина, которого человеческое дитя называла Доктором.

— Я могу воспользоваться своими слабыми телепатическими способностями для того, чтобы позвать на помощь.

— Тогда зови! — одобряет он.

Шлюпки уже приближались к большому кораблю. Было слышно непрекращающийся плеск волн об его нос. Внезапно с него слетели, разворачиваясь, верёвочные лестницы, которые шлёпнулись своими концами в воду.

— Сделай что-нибудь, — шепчет Доктор, и я закрываю свои веки с большими ресницами, чтобы сосредоточиться.

***

Капитан Кристевы Джулия уже лезла вверх по одной из лестниц. Как обычно, первая на борту, как и следовало. Её подручные сомкнули две лодки и принялись заставлять нас, пленных, по очереди лезть по мокрым, холодным верёвкам.

А я сосредотачивался. Я сосредоточил свой крохотный разум на существе, которое было всего в нескольких лигах отсюда. На существе, которое, возможно, сможет спасти нас.

Старая женщина в кресле безутешно стонала:

— И как мне в этой штуке туда подниматься? Я не могу лезть! — она дерзко смотрит на них. — Что вы собираетесь с этим делать?

Пираты рассмеялись и сбросили её кресло за борт. Её саму они удержали, весело раскачивая, а кресло булькнуло и пошло ко дну.

Хила, как ни странно, бросился защищать старушку. Он ударил длинношеего с кинжалом по клюву, и тот потерял равновесие и упал спиной в воду. Внезапно началось столпотворение: возня пленников заставила обе шлюпки раскачиваться на волнах, пираты пытались взять ситуацию под контроль и вытащить из ледяной воды своего визжащего, похожего на цаплю товарища. Похожее на гориллу существо лупило Хилу по спине, они начали бороться, рискуя опрокинуть нас всех. Все кричали. Громче всех орала капитан

Джулия, которая уже залезла на корабль и с презрением смотрела на драку сверху.

Майор Анджела ухватилась крепкими руками за шею грызуна, который был ростом с человека. Сэм вся эта толпа придавила к лодке, и Доктор поспешил к ней на помощь.

А я всё это время сосредотачивался. Я звал подмогу. Волнение моря усиливалось.

Сэм вдруг вскочила на ноги и бросилась в драку. Хила швырнул ей нож, она автоматически его поймала и смотрела на него, не зная, что с ним делать. Старушка вырвала его из её рук и замахнулась им, но тут вернулось похожее на цаплю существо с повязкой на глазу, оно кричало и щёлкало смертоносным клювом. Места там едва хватало нам всем.

А я всё ещё сосредотачивался.

С Кристевы спускались пираты. Они сердито орали — подкрепление. Джулия отправила их вниз, вооружённых до зубов, они спускались по лестнице на помощь. Ох и шуму от нас! Он нашей маленькой неунывающей команды!

И вот, наконец, мы перевернулись.

Обе шлюпки подняло большой волной. И сразу же драка прекратилась, потому что нас опрокинуло в воду. Подкрепление спрыгивало с лестниц, чтобы затащить нас на борт.

Но к этому времени я уже добился результата. Теперь у нас тоже будет подкрепление. И ничто его уже не развернёт. Я нырнул глубоко в воду и увидел его. Он плыл к нам.

Как приятно было находиться в воде.

Я всплыл на поверхность, где остальные боролись и плескались.

— Он идёт! — крикнул я, размахивая копытами, чтобы они заметили и поняли, что у меня получилось.

— Кто? — крикнул в ответ Доктор.

Они повернулись, чтобы увидеть. Они все повернулись.

Позади нас море рассекала горбатая пурпурная спина с полосой плавников, по сравнению с которой Кристева казалась маленькой. Как они все смотрели! Как у них отвисли челюсти! Они все прекратили драться.

Он раскрыл свою гигантскую пасть и направился на нас. Времени было разве что на то, чтобы вскрикнуть.

Самая старая, самая большая рыба на планете откликнулась на мой призыв. Пришлось потянуть за пару ниточек, чтобы привести его сюда. О, какой успех!

Мы увидели, как он раскрыл рот, и это были словно врата на небеса. Рот был огромный.

Меня потянуло вовнутрь. Я с радостью бросился в пасть, меня кружило: голова, копыта, ласты, панцирь — всё вертелось. Я мельком увидел Доктора, который барахтался в воде, и старушку без кресла, а потом…

А потом пасть морского чудища захлопнулась, стало темно, затхло, и проглоченная им вода понесла нас по его длинному кишечнику. Сила его чудовищной перистальтики проталкивала нас по километрам этих труб. Мы были проглочены.

Спрятаны в темноте его живота. Я не мог понять, сколько нас, но мы, немногие проглоченные, были спасены, по крайней мере, от пиратов. Моё дело сделано.

А затем был сильный, могучий рывок: монстр нырнул, направился ко дну моря.

Глава 26
В животе Зверя

Ох и разношёрстная же они команда! Иначе и не назовёшь. Джулия с Кристевы собрала себе в помощники самых отпетых воров и бандитов Хисперо. Они были бедные и отчаянные, они пользовались каждым поводом подразнить бедных испачканных пленников, которые лежали, мокрые и изможденные, на не очень чистой палубе. Капитан Джулия стояла среди них, уперев руки в боки, и громко хохотала.

Вокруг неё собрались самые доверенные члены её команды. Безумного вида похожее на цаплю существо с большим клювом, блестящая зелёная рептилия-замбекарт, двуногий тигр и один бритый медведь. К счастью, майор Анджела не видела этого типа. Сэм подумала, что Бородатая Дама почувствовала бы себя преданной, если бы узнала, что один из членов экипажа был членом её собственной семейки.

Но Сэм до сих пор была в шоке от того, что она увидела, от того, что только что случилось.

— Он действительно погиб, — сказала она Хиле. — В этот раз он действительно погиб. Это как в «Челюстях»… это…

Хила кивнул и угрюмо согласился:

— Думаю, ты права.

Внезапно весь их поход показался Сэм бессмысленным. Доктор, Айрис и Псевдо-Черепах внезапно погибли страшной смертью. Она видела,

как их проглотили. После чего чудовище уплыло так же быстро, как и появилось, оставив их потрясёнными и растерянными.

Сэм лишь мельком увидела большие пурпурные чешуи этой чудовищной рыбы, а затем ужасную пасть. Зубы высотой с мусорные баки и каскады воды, вливающейся между ними. Как только Доктор, Айрис и Черепах оказались внутри, челюсти за ними захлопнулись, и рыба уплыла, разбив по пути в щепки обе шлюпки. Выжившие радовались тому, что их не засосало под воду созданным рыбой течением. Сэм, должно быть, проглотила несколько галлонов воды. Прямо сейчас её тошнило.

Джулия злорадствовала:

— Моя мать будет разочарована. Она хотела, чтобы я доставила вас всех живыми.

Сэм больше не могла терпеть. Даже не подумав, она подскочила и всем своим весом толкнула капитана Кристевы.

Джулия была к этому не готова и пошатнулась от удара. Её похожий на цаплю доверенный помощник бросился на девушку, и Сэм оказалась прижатой к палубе весом его мокрых вонючих крыльев. Она каталась и хрипела, размахивала ногами и руками, и мельком увидела, что Джулия вынимает из ножен клинок. Сэм закричала, и увидела, что майор Анджела тоже бросилась в драку, вынув откуда-то короткую шпагу и вопя о том, что без боя не сдастся.

Противников было ужасно много. Сэм подумала, что сейчас все они погибнут.

А затем подумала: «А где Хила?»

Ах, вот он где. Сразу за Бородатой Дамой он бросился в толпу. Серией сокрушительных ударов он уложил троих приспешников, и тогда пираты бросились на него все сразу. Взмахнув своим сильным, блестящим хвостом (У него уже хвост есть? — удивлялась Сэм, вырвавшись из-под цапли и покатившись к остальным) и свалил им тигра. В этой свалке была поразительная калейдоскопическая мешанина шкур, перьев, кожи и клинков. Сэм напирала, пробиваясь всё ближе и ближе к Джулии, намереваясь каким-то образом вынудить злорадствующую капитаншу отозвать своих псов.

Хила сражался с радостью. Он бил и парировал, делал ложные выпады и уворачивался. В воздухе пролетали брызги и струи крови разного цвета. Кто-то кричал, но он не позволял ничему отвлечь его. Наверное, для него это как старые времена, — думала Сэм. — Настоящая потасовка.

А затем, в самом разгаре битвы, они увидели, как Джулия с необычайной грацией и спокойствием вынула из ножен свой клинок и протолкнулась сквозь толпу к Анджеле, успешно разившей противников, несмотря на свою слепоту. Джулия взмахнула в воздухе своей шпагой и воткнула её в грудь Бородатой Дамы. Не настолько, чтобы убить её, но достаточно, чтобы та остановилась.

Анджела взвизгнула и упала на деревянную палубу. Ещё до того, как она ударилась об доски, её кровь пропитала белый мундир.

Драка прекратилась.

— Отведите их вниз, — ухмыльнулась капитан корабля. — А вы, трое… считайте, что вам повезло, что мне приказано привезти вас живыми. Я бы вас всех под килем протащила.

Затем их схватили и заставили смотреть вслед уходящей Джулии. А потом увели вниз, в сырой трюм Кристевы.

***

Очнувшись, они обнаружили, что лежат на чём-то влажном и, в прямом смысле этого слова, мясистом. Но также они с удивлением обнаружили, что не утонули и не плавают в какой-нибудь ужасной мешанине желудочных соков и кислот. Псевдо-Черепах очнулся первый и перетащил Доктора и Айрис в помещение с розовым полом и низким потолком, где они пришли в себя в относительном комфорте: пускай промокшие и побитые, но зато живые и в безопасности.

В общем, они очнулись почти одновременно и осмотрелись. И с шоком обнаружили, что это место освещено странным розоватым сиянием. Свет слегка пульсировал, словно в такт сердцебиению.

— Нас проглотили, — мрачно сказала Айрис. — Проглотили и утащили на дно. О, Доктор, в этот раз мы точно доигрались.

— Хм, да, — сказал он. Он пытался сориентироваться в произошедшем. — Кажется, со мной такого раньше не случалось.

— А со мной случалось, — довольно беспечно сказал Псевдо-Черепах. Он сидел чуть в стороне от них на перевёрнутом горшке. Он обвёл их злым взглядом: — Насколько я понял, вы не в восторге от избранного мною способа бегства.

— Это ужасно! — вскрикнула Айрис.

Псевдо-Черепах захихикал:

— Я тоже так сказал, когда оказался тут впервые. Но тут не так уж плохо.

Пол дёрнулся, сдвинулся под их ногами и задрожал в подобии спазма, словно напоминая о том, что всё это сырое сооружение было живое.

— Думаю, тебе нужно отдохнуть, Айрис, — серьёзным тоном сказал Доктор. — Соберись с силами, пока мы с этим Черепахом поговорим о том, что мы можем сделать дальше.

Она была подавлена:

— Ничего мы не можем сделать дальше, — простонала она и легла. — В этот раз нам конец. Дальше будет наше переваривание, а затем нас... — и тут она заснула.

— Ну что же, — сказала Доктор. — Рассказывай.

***

Кристева была достаточно грязной, чтобы произвести на Сэм впечатление настоящего пиратского корабля. Не все бродяги-авантюристы путешествовали в уютной претенциозности, как Доктор.

Она предположила, что пираты предпочитают, чтобы всё было проще и грубее, потому что тут всё

было именно таким. Но о Докторе она сейчас думать не хотела.

Тесные помещения под палубой имели деревянные стены, покрытые чёрным жиром от масляных ламп, едва освещавших их. Когда корабль кренился, лампы раскачивались, отбрасывая жуткие тени на стены коридоров, по которым их вели. Повсюду, в том числе под ногами, валялись странные предметы, о предназначении которых Сэм могла только догадываться. Похоже, дисциплина на этом судне была не очень жёсткая.

У неё возникло ощущение, что команда Кристевы только играет в пиратов, примерно так же, как это делали много лет назад на улицах некоторые из её друзей. Они одевались в полосатые тельняшки и банданы, носили неуклюжее оружие, которое, казалось, было больше ради вида, чем для реального применения. Просто часть имиджа. У некоторых даже повязки на глазу были. Обо всём этом Сэм рассеянно думала, пока их вели в камеру. Но на самом деле её мысли были сосредоточены на том, что в этот раз Доктору конец.

Обычно как минимум раз в неделю ей казалось, что он склеил ласты, или отбросил копыта, или отправился в большую космическую оперу на небесах. И на такие случаи у неё было особое психологическое состояние, которому она отдавалась. Что-то вроде оцепенения, которое позволяло ей справляться с текущими проблемами (а они всегда были), жить дальше, справляться с

рутиной и быть готовой к тому моменту, когда Доктор, словно Лазарь, окажется вдруг живым.

А сейчас она оказалась с диким и свирепым Хилой, который не хотел мириться с тем, что их уводили во мрак Кристевы, и с раненой майоршей Анджелой, которая побледнела от шока, и у которой до сих пор текла кровь, хотя уже и не так сильно. Для того чтобы попытаться остановить кровотечение, ей дали грязные тряпки.

Матрос-замбекарт — высокий и глупый — вёл их туда, где их продержат до прибытия в Хисперо.

— Мне нужна помощь, — сказала Бородатая Дама. — Эта рана…

— Это поверхностная рана, — проворчал большой пират.

— Но вы должны сохранить меня живой и здоровой для аудиенции с Императрицей!

Существо с этим не согласилось:

— Мы не можем быть в ответе за хрупкость вашего вида. Вам следовало лучше защищаться.

Майор Анджела рявкнула в ответ:

— Что, экзоскелет вырастить?

Замбекарт посмотрел на Хилу:

— Он вырастил. А вы почему не можете?

Бородатая Дама не нашлась что сказать.

***

Проснувшись, Айрис не имела ни малейшего понятия о том, сколько прошло времени.

— Представь себе, что ты вне времени, — печальным, как обычно, голосом говорил Доктору Псевдо-Черепах. — Ты можешь такое представить?

Доктор грустно улыбнулся:

— Могу попробовать.

— Пока мы внутри Большой Рыбы, — величественно говорил Черепах, — внешний мир не нуждается в существовании. Сюда ему не проникнуть, мы тут в полной сохранности.

Айрис подумала, что со слов Черепаха это может показаться каким-то религиозным опытом. Впрочем, для него, возможно, именно так и было.

— Если достаточно долго оставаться тут, внутри, — продолжал Псевдо-Черепах, — можно даже самого себя встретить. Представляете?

— Всё это очень интересно, — сказал Доктор, заметивший, что Айрис проснулась и беспокойно посматривает на него, — но не можешь ли ты помочь нам найти выход отсюда? Мы волнуемся об остальных.

— Снаружи рыбы жизнь будет течь своим чередом, — поучал Черепах. — Но мы на какое-то время изъяты из неё. У нас есть время поразмышлять.

— Ненавижу, когда есть время поразмышлять, — закашляла Айрис, вставая на ноги.

— Иногда рыба может говорить, — сказал Черепах. — Он может обратиться к вам, зная, что вы у него в желудке, и спросить кто вы такие. Не бойтесь его. Но имейте в виду: память у него ужасная. Память обновляется раз в пять или шесть минут, поэтому нужно постоянно напоминать ему о своём присутствии. Это сказывается действие тех отходов, которые Алая Императрица выливает в наши моря. Говорят, что

эти загрязнения являются побочными продуктами её экспериментов по получению ещё более рафинированных жизнесохраняющих мазей. Но она постепенно отравляет жителей хисперонских океанов.

— Что же, это, конечно, печально, — искренне сказал Доктор, — но если мы не выберемся из рыбы, то и остановить Императрицу тоже не сможем, не так ли?

— В общем, если рыба спросит кто вы такие, он будет спрашивать об этом снова и снова. В каком-то смысле это даже полезно. Заставляет собраться. По крайней мере, в эпистемологическом смысле. Нельзя быть самодовольным, даже если находишься за пределами времени и известного мира. Начинаешь задаваться вопросом: кто я теперь? То ли самое я существо, каким был утром? Не изменился ли я с тех пор? Остался ли я самим собой? Это очень полезные вопросы. Я всегда очень много думал об этой последовательной смене, а вы?

— Ну… — начал было Доктор.

Айрис его перебила:

— Нет. Потому что если ты последовательность своих изменений не испортишь сам, найдётся сволочь, которая тебе в этом поможет, — она сняла свою фетровую шляпу, выкрутила из неё воду, а потом снова расправила. — Я даже не пытаюсь делать вид, что последовательная.

— Я это заметил, — сказал Доктор.

— Что если? — неожиданно сказал Черепах.

Они посмотрели на него.

— Я имел в виду, — поправился он, — а что если мы часть этого времени проведём за игрой «что если»? Это моя любимая игра. Мы же не знаем, как долго здесь пробудем. Так почему бы не поиграть в «что если»?

— Да он спятил, — сказала Айрис. — Слишком долго во льду пробыл.

Доктору тоже не очень хотелось играть. Но он понимал, что Черепах знает об их положении больше, чем они, поэтому решил подыграть.

— Жаль, что у меня нет волос, — сказал Черепах. — Что если бы у меня были волосы? У вас обоих много волос. Наверное, вашими предками были примитивные обезьяны.

— Ничего подобного, — фыркнул Доктор.

— Волосы очень хорошо отображают образ жизни людей. Состригите их — и они снова вырастут. Волосы — это непрерывность. Можно видеть прошлое.

— У тебя есть панцирь, — оживилась Айрис. — Разве это не то же самое? Разве у тебя не появляется с каждым годом новое кольцо?

— О да, — улыбнулся Черепах.

— Я хочу сыграть в «что если», — неожиданно сказала Айрис и повернулась к Доктору. — Я хочу узнать, что будет, если на самом деле это ты остановил вторжение далеков на Землю? Что если это ты открыл кибер-гробницы на Телосе? Что если это ты присутствовал во время начала Великого Пожара в Лондоне? Что если всё это был ты, а не я? Как это скажется на моём таймлайне? Это что, отменяет меня?

— Но так ведь всё и было! Так и должно быть! — вскрикнул Доктор. — Всё это был я, — он нахмурился. — Кажется, — затем он махнул рукой: — В любом случае заткнись, Айрис. Достаточно того, что мы и без твоих комментариев застряли тут в какой-то ужасной дзен-притче.

Айрис мило улыбнулась озадаченному Черепаху:

— Просто бедный Доктор страдает от экзистенциальной тревоги.

Черепах покачал головой.

— Он совсем запутался в себе, — грустно сказал он. — Быть может, ему стоит состричь свои волосы?

— Нет! — резко сказал Доктор. — Слушайте, а что если мы найдём тут какие-нибудь щепки, разведём большой костёр, чтобы рыба вычихнула нас?

— Не получится, — сказала Черепах. — Она никогда не чихает.

Доктор устало сел:

— Мы куда-нибудь движемся?

— О да.

— Откуда ты знаешь?

— Я постоянно поддерживаю контакт с рыбой. Мои низкоуровневые телепатические способности беседуют с ней, напоминают ей о том, что мы здесь.

— Напомни ей, чтобы она нас не переварила, — вздрогнула Айрис.

— Скажи ей, что мы хотим, чтобы она нас выпустила, — потребовал Доктор. — Ну же, скажи!

***

Их заперли в каюте, поперёк которой были натянуты бельевые верёвки. На них висело бельё, с него капала вода, на грязном полу она собиралась в лужи. Воздух был сырой и спёртый, им едва можно было дышать. Хилу, впрочем, это лишь обрадовало: в этой болотной атмосфере ему дышалось легче.

Они сидели и ждали. Они проверили рану Анджелы: повреждение было не таким уж и сильным, главное было дать ей несколько часов на заживание.

Они тихо сидели и ждали. Матросы оставили их одних. Они сидели и почти не разговаривали друг с другом.

В конце концов Бородатая Дама попыталась затеять ссору. Ей было скучно и больно.

— Вообще-то, даже хорошо, что Доктора и Айрис больше нет. Они только мешали. Особенно Айрис. Старая дура, которая лезла не в своё дело. Где вы нашли это ископаемое?

Хила зашипел и смог заставить её замолчать, а затем примирительно сказал Сэм:

— Если бы не они, мы бы уже давно погибли.

Сэм не стала вмешиваться в спор. Она думала о Докторе. Думала о том, как впервые зашла в его корабль. О первых месяцах их совместных путешествий, о том, как всё было жутко и страшно. Об их разлуке. Об их воссоединении. О том, как теперь, когда она выросла, всё стало иначе, хотя всё равно хорошо, а то и лучше. А теперь его не стало. Она не могла представить себе жизнь без него.

Хила расхаживал по их грязной камере.

— Что я хочу знать, — сказал он, наконец, Анджеле, — так это каким образом первая Императрица попала в твои руки?

Она в ответ лишь самодовольно изогнула брови.

Откуда-то донёсся гул разогреваемых двигателей, которые словно готовились к разгону. Очевидно, Кристева должна была вот-вот помчаться на всех парах обратно в Хисперо, на частную аудиенцию у правящего монарха, матери капитанши.

Хила разочарованно бил по стене. Если бы он только мог каким-то образом послать вперёд сообщение, он бы собрал своих собственных бандитов и разбойников, которые ждали бы их в доках. Он мог бы придумать какое-то спасение. Он взялся взламывать большой набор антикварных замков, на которые их заперли. Это выглядело безнадёжно.

***

Идея о том, что они снова за пределами времени, ранила Доктора в самое уязвимое место. Он ударился в философию. Айрис скрипела зубами, когда он рассказывал о себе:

— Моя работа — как у врача в больнице, или как у писателя… в том смысле, что я пытаюсь не давать людям умирать.

Псевдо-Черепах одобрительно кивал.

— Всё, во что мы впутываемся — это сюжет. Запутанный, конечно, не такой как в книге. Большинство книг логичны. Они принадлежат к видам и жанрам, и мы знаем правила этих

жанров. Ковбои, романтика или ужастик. Есть чёткая линия, которой они следуют. Но берегись, если сам попал в такой сюжет! Такого рода сюжеты хотят убить всех персонажей. Или упростить их до обычных… функций.

— Да, да, — бормотала Айрис.

— Моя задача, — сказал он, — уберечь нас всех от западни жанровой смерти. На мой взгляд, интересные части любой истории или любой жизни — те, где жизнь просто продолжается. На обочине большого приключения. Те части, которые выходят за принятые границы.

Он, похоже, был доволен этим.

— Твоя жизнь! — рассмеялась Айрис. — Да твоя жизнь — сплошной жанр! Кого ещё ты знаешь, кто почти каждый день встречается с вампирами, солдатами, убийцами и роботами, стремящимися поработить мир?

— А, — постучал он пальцем по своему носу, — но мои чувство жанра и методы действия абсолютно перекручены. Я никогда не играл в этих историях по правилам. Мои приключения (если можно их так назвать, а мне кажется, что это правильное слово) — это своего рода бриколаж. Большой переполненный сборник самых разных альтернатив.

Он лихо вынул из кармана Аджа'иб. Потрескавшаяся кожаная обложка сияла в этом слабом освещении.

— Неужели приятно было бы иметь прямолинейную жизнь? — спросил он. — Неужели было бы приятно иметь хорошо прописанный

сценарий? Что бы вы подумали об обычной жизни?

— Я бы не возражала, — сухо сказала Айрис.

— Если бы у нас была бутылка чего-нибудь, — сказал Доктор, — мы могли бы поднять тост. За плутовскую жизнь.

— Доктор, — сказал Черепах, — а что это у тебя за книга?

Доктор барабанил пальцами по жёсткой обложке:

— Просто плутовской роман. Я нашёл его на базаре в Хисперо, когда мы только прибыли. Когда же это было?

— Несколько недель назад, — пробормотала Айрис.

— Уж не Аджа'иб ли это?

Доктор улыбнулся:

— Он самый.

— А, — сказал Черепах.

— Что-то не так? — резко сказала Айрис.

Черепах её раздражал. В кои-то веки она была рядом с Доктором, пребывавшем в относительно хорошем расположении духа, так тут ещё и это существо в качестве третьего лишнего.

— Мне кажется, что у вас в руках находится единственное эффективное против Алой Императрицы оружие, ну или как минимум предмет торга. Она хочет заполучить эту книгу. Она что угодно ради неё сделает.

И вдруг, ни с того ни с сего, рыба остановилась.

Они попадали на мясистый пол, потому что рыба решила выползти на сушу. Она раскрыла

свой огромный рот, и её внутренности залило дневным светом, который, правда, не сразу дошёл до их скрытого, пульсирующего помещения.

Они лежали на влажной внутренней стенке желудка. Доктор снова спрятал Аджа'иб в карман.

— Это ты сказал рыбе выпустить нас? — спросил он Черепаха.

Свет был странный, голубой. Лёгкий ветерок указывал им путь наружу. Там придётся протискиваться.

Черепах пожал плечами.

— Пойдём, Айрис, — сказал Доктор. — Я выскользну первый. Осторожнее возле зубов. Похоже, это наша остановка.

Она угрюмо пошла за ними по дрожащим потрохам рыбы.

***

Хила не мог взломать замки. Сэм не могла прогнать мысль о том, что Доктор сделал бы это в мгновение ока. Его внезапная смерть способствовала посмертному признанию его талантов.

Анджела вдруг сказала:

— Ты правда хочешь знать, как я всё это начала?

Хила сполз по стене, сел и уставился на неё.

— Вы хотите знать, как я вас во всё это впутала?

Сэм кивнула. Она думала о том, не спятила ли Бородатая Дама из-за своей раны и всего прочего. Но когда майор Анджела заговорила, её голос был

чёткий, и стало ясно, что она в здравом уме, несмотря на всю безумность её рассказа.

***

Пока Анджела рассказывала, Кристева совершала нечто довольно странное. Пленники глубоко внутри неё едва ли могли это почувствовать. Корабль поднимался над океаном. Двигатели ревели, турбины выли, и корабль уносился в ночь. Кое-что при этом упало, но никто этого не заметил, потому что у команды было праздничное настроение. Они знали, что их сегодняшний успех вернёт Джулии расположение её матери, Императрицы. Этой ночью на палубе со своей капитаншей праздновала весьма разодетая команда, уверенная в тёплом приёме, который ждёт их по скором возвращении в Алый Дворец. Они кутили, выпивали, а большой корабль тем временем нёсся вверх, над облаками, направлялся домой.

***

Рыба уплыла.

Как только они выползли на песок этого райского острова, рыба попятилась обратно в море, оставив их. Им некуда было деваться. Но они были рады (что бы там ни говорил Черепах) распрощаться с чудовищной рыбиной.

Их внимание вернулось к острову; они понятия не имели, что им делать дальше.

— Теперь всё будет по её, Императрицы, воле, — сокрушалась Айрис. — Мы потерялись. И это конец. И я просто умру тут одна на пустынном острове.

Она не находила себе места. Доктор попытался успокоить её, разбив некое подобие лагеря.

При других обстоятельствах Айрис вполне могла бы счесть эти условия сносными: Доктор, удовлетворяющий любую её прихоть, тропический остров и всё такое. Уже не впервые за свою необыкновенно длинную жизнь Айрис подумала о том, что не всегда всё прекрасно, когда получаешь всё, чего хочешь.

Доктор соорудил ей из кожистых листьев навес. Она наблюдала за его работой. Не успела она и оглянуться, как наступила ночь, а незнакомые звёзды были просто поразительные. Доктор размешивал в кокосовых скорлупах крепкие коктейли. От них пахло лекарством. Все трое тихо пили, погрузившись каждый в собственные мысли.

А потом Псевдо-Черепах сказал:

— Пожалуй, мне следует рассказать вам, к чему всё это.

— Хм? — спросил Доктор.

— Я расскажу вам о том, как получилось, что Бородатая Дама украла Старейшую из Императриц, Кассандру.

И он начал свой рассказ, а в то же самое время, где-то высоко-высоко, майор Анджела тоже рассказывала свою историю.

Глава 27
Рассказ Бородатой Дамы

Она всегда была одержима тем, с чего всё началось и почему.

Много лет назад Анджела была настоящим майором, с кораблём и подчинёнными. Наступала вперёд, дерзко шла туда, где не ступала нога, совершала первые контакты — в общем, производила обычный межзвёздный тарарам. Остальным командам оставалось только идти по её следам, доставляя дары, послов и мирные договоры. А она тем временем отправлялась ещё дальше в неизвестный космос.

Эта карьера завершилась во время высадки на планету Хисперо, где её экипаж, состоявший из девяноста девяти членов, был загадочным образом убит существом-оборотнем, которое также взорвало и корабль. Майор Анджела не могла вернуться. И именно она привела всех своих товарищей к смерти.

Но затем она услышала от инопланетного купца, что на Хисперо все получают прощение, и нашла себе новое применение. Знаменитая местная Алая Императрица знала все ответы на вопросы о том, как всё началось и почему.

Анджела вырядилась наёмником-головорезом и сошлась с Хилой, Человеком-Аллигатором, с которым познакомилась в не самом приличном питейном заведении столицы. Скоро она попала в авантюры, в которых познакомилась с Псевдо-

Черепахом, а затем и с Герцогиней, во время того дела с визирем и его кораблём, набитым сердцами и другими жизненно важными органами. Бородатая Дама и сама не заметила, как стала знаменитой гражданкой и героиней Хисперо.

Их четвёрка выполняла поручения самой Императрицы. Они даже встречались с ней, в золотисто-красном официальном зале, где никому не было дозволено поднимать голос выше шёпота из опасений то ли о драгоценной банке Императрицы, то ли о её чувствительных ушах. Говорили, что она сама состоит из органов, сделанных из расплавленного стекла.

Их четвёрка — генетические уродцы-авантюристы, дополнявшие друг друга своими способностями — сопровождала инопланетных послов и важных персон, воровала на их кораблях добро и информацию, когда те не видели, аккуратно устраняла соперников Императрицы, а однажды даже уничтожила небольшой корабль далеков, приземлившийся в пустыне с целью разведки.

Алая Императрица была довольна своими четырьмя приручёнными воинами. Она часто давала им распоряжения, нередко через Алую Гвардию. К её нежной, находящейся в тишине особе их допускали очень редко. Псевдо-Черепаха потом годами преследовали кошмары о ней.

Своё последнее задание они получили тогда, когда Императрица решила, что хочет, чтобы её собственную дочь вместе со всей пёстрой командой Кристевы убили. Четвёрка была тайно

вызвана во дворец, и там им спокойно сообщили задание. Это была серьёзная работа. Они поссорились друг с другом по поводу того, следует ли за неё браться. Хила был всеми руками за, Герцогине было всё равно, а остальных план Императрицы откровенно возмутил. Это предложение Императрицы стало началом напряжений, которые в конечном итоге и развалили команду.

Пока они спорили по этому вопросу, их гостеприимно устроили во дворце, каждому выделили номер в башнях.

Бородатая Дама решила не упускать такую возможность.

— И что ты сделала? — спросила Сэм.

Пауза.

Хила нетерпеливо сказал:

— Расскажи ей, Анджела.

Анджела выглядела пристыженной, ей было явно не по себе. Прежде чем продолжать свой рассказ, она раскашлялась в сырой, затхлой атмосфере каюты.

***

В тронном зале три двери. Ощупав периметр зала, она нашла их. Насколько же отчаянной, насколько любопытной должна была быть она, чтобы слепо пойти в самые секретные помещения монарха. И насколько храброй.

Анджела хотела открыть каждую из дверей и узнать, что за ними. Ей хотелось узнать самые грязные секреты Императрицы. И самые возвышенные тоже.

А за этими тремя дверями, даже не имея возможности видеть, она нашла три комнаты. Круглую как барабан комнату, в которую Императрица ходила, когда хотела посмотреть на своих домашних механизированных манекенов. Они до сих пор были в её роскошных платьях, заведённые и готовые танцевать для своей хозяйки. Она нашла комнату, в которой пахло обработанной кожей, и она знала, что там находятся высушенные и развешанные шкуры мёртвых гвардейцев. Она могла себе представить их изысканные страдания и их сине-розовую кожу, висящую теперь на стенах как одежда.

Затем комната провидцев. Их головы на кольях до сих пор бормочут. Она стояла, залитая голубым светом и думала о том, могут ли они говорить с ней. Но, видимо, для совещания с ними нужен был особый навык, потому что Анджеле их тихое зловещее бормотание казалось неразборчивым. Именно тогда, когда она стояла там и слушала, навострив уши и оттопырив бороду, она поняла, что в этой ночной прогулке кто-то пошёл за ней. За ней крался Псевдо-Черепах: бесстрашный, беспокоящийся, любящий. Он хотел разделить с ней все риски, даже во время этой полуночной эскапады. Она услышала его шаги, почувствовала, как он вздрогнул при виде отрубленных голов. Сама она была рада, что не может видеть это мрачное зрелище.

Но от провидцев ей не было никакого толку. Они могли говорить только о будущем. Это Бородатую Даму не интересовало. Она хотела

узнать о далёком-далёком прошлом. Ей нужны были ответы на большие-большие вопросы: почему она здесь, что привело её сюда изначально? На этом фоне вопросы будущего для неё мельчали.

— Хм, — сказал Доктор, слушая рассказ Черепаха. — Это закон убывающей отдачи. Будущее никогда не соответствует твоему воображению.

— И прошлое тоже, — вздохнула Айрис. — Память всегда врёт. Но вернёмся к рассказу.

Словно Гензель и Гретель, они нашли под навощёнными полами тайных комнат тоннель. Прежде чем спуститься в эту нору, они набрали полные груди воздуха. Анджела радовалась, хотя и не признавалась в этом, глазам Черепаха, потому что именно он нашёл этот проход; он был полезен. И вот Бородатая Дама дрожит на пороге всего того, о чём мечтала узнать.

Тоннель извивался и уходил глубоко в каменистую суглинистую почву под дворец, под город Хисперо. Воздух там был резкий и застоявшийся, и они предположили, разговаривая шёпотом, что этот воздух не тревожили со времени рождения современной Императрицы. А потом они увидели банки.

Первые банки из долгой-долгой последовательности были высотой почти два метра. Это были самые недавние предки Алой Императрицы. Женщины смотрели на своих посетителей надув губы; они словно спали. Но незваные посетители не могли быть в этом уверены. Они шли дальше. Постепенно, миллиметр

за миллиметром, банки становились меньше. Полтора метра, метр, полметра. С каждым пройдённым километром Императрицы становились всё меньше. Вскоре банки уже стояли на полке и продолжали уменьшаться. Они были расставлены через равные интервалы так, что глаза маленьких женщин всегда были на уровне глаз посетителей. Банки уходили вдаль, словно какой-то бесконечный винный погреб.

Все маленькие женщины, которых они видели, все Их Величества зажимали руками уши, словно этот взлом с проникновением был самым жутким грохотом, который им довелось услышать за много столетий.

Анджела и Черепах за всё это время не произнесли ни слова. Очень постепенно стал заметен звук. Глухое, далёкое хихиканье. И именно оно их и влекло. Почему-то они оба знали, что этот далёкий смех приведёт их к цели. Она ждала их.

Тоннель опускался и извивался как внутреннее ухо.

К смеху и хихиканью присоединились другие голоса: бормотание, напев.

Какая яростная, чудовищная мадам раскалывает черепа, извлекает сердца и мозги?

Императрица, и никто другой! Мази и повидло!

Цемент и прах! Недостижимые желания!

Дети-сироты в канавах! Девушки, всхлипывающие в объятиях стариков!

Солдаты, мужья и жёны на улицах!

Императрица! Императрица! Мечта Хисперо! Мать с пустой утробой! Лишённая любви и безумная, приговаривающая до суда, предтеча, старейшая из всех наших реликвий!

Императрица, в которой находятся все наши карты, вся география!

Императрица, чей разум — чистые механика и зло!

Чьи глаза ничего не видят, чьи слуги повсюду!

Алая Королева, чьи фабрики и улицы трескаются, сыпля пыль и грязь, забивая бесконечные тоннели!

Которая любит масла и дым

Которая не выносит гениев

Которая рубит головы и называет их провидцами

Которая причиняет боль и рисует узоры на шкурах всех своих мужчин

Императрица, которая делает всех на Хисперо одинокими.

Чей разум вращается и досягает ради деликатесов неба и земли, морей, снега, лесов

Из глазёнок которой разит свет

Императрица! Императрица! Платья роботов! Орды скелетов!

Демоническая мать духов и джиннов и чудовищная чувствительность!

Мы всё это видим!

Мы все были тут задолго до вас!

Мы обладали теми глазами, тем резким голосом и барабанными перепонками, страдающими от малейшего звука

Ты держишь нас тут, Императрица, Императрица

Выведи нас на улицы, усыпь наш путь цветами, верни нас...

Наконец они свернули за последний поворот. Банки здесь были не больше кофейника, но хихиканье стало ещё громче. Погружённые в густые жидкости, королевы покачивались и дрожали от радости.

Анджела чувствовала, что Псевдо-Черепах держится за её локоть. Ей было противно касание его копыт. Он испачкает её идеально чистый мундир. Она знала, что он её любит. Он смотрел на неё своими наивными телячьими глазками при каждой возможности. Тут, внизу, в этом ужасном месте, он вцепился в неё, и она тащила вес их обоих. Его тёмный блестящий черепаший панцирь был совсем не лёгкий. Она знала наощупь, что панцирь — самое красивое, что в нём есть. Бородатая Дама часто думала о том, что он блестящий и сверкает как огромный ноготь. Как бы возмутился Черепах, если бы узнал, что она часто думала о том, чтобы убить его и выковырять мясистую плоть из роскошного панциря. Она бы избавилась от его тела, а его защиту оставила бы себе. Какое хорошее вышло бы украшение! Как хорошо, — думала она, — что их четвёрка была почти готова разойтись до того, как её соблазн завладеть этой драгоценностью стал непреодолимым.

— Кажется, конец уже близко, — прошептал Черепах.

***

На пляже Псевдо-Черепах подходил к концу своего рассказа. Он уныло посмотрел на своих слушателей, и ему было приятно увидеть, что Доктор и Айрис были зачарованы.

— Эти рассказы часто бывают о войне и мире, о добыче и потере богатств и друзей, а ещё об опрометчивых поступках. Это был как раз один из них.

— Она украла саму маленькую, самую старую Императрицу! — вскочил с места Доктор.

Айрис шикнула на него:

— Дай Черепаху закончить.

— Мы подошли к последней старушке, к самой первой, и Анджела начала задавать ей вопросы.

— Я пришла сюда за тем, чтобы потребовать ответы на самые большие, самые важные вопросы. Мне нужно знать. Мне сказали, что ты ответишь на все вопросы, которые у меня могут возникнуть. Что только ты обладаешь этим знанием.

— Внутри этой самой маленькой банки, — продолжал Черепах, — которую хранили в довольно непримечательной, как для такого персонажа, нише, старушка покачивалась и хихикала.

— Отвечай! — крикнула Анджела, и задрожали стены.

Сверхчувствительные старушки, жившие в этих тоннелях, возмущённо запищали. Я очень испугался, что тоннель обрушится, засыплет нас и раздавит всю живую историю Хисперо. И тогда

старейшая из живых Императриц, Кассандра, проявила себя. Вначале она вышла в виде золотого облака. Потом появились серебряное платье и светлые кудри. На лице у неё была насмешливая ухмылка. Мы были потрясены.

— Освободи меня, — сказала она, — и я расскажу тебе всё, что хочешь.

— Как нам тебя освободить? — спросила Анджела.

— И она сказала, что мы должны выкрасть её вместе с её банкой. Не успел я и слова возразить, как майор Анджела взяла банку, а Императрица Кассандра триумфально вскрикнула и скрылась внутрь. Анджела спрятала банку в своём мундире. А потом потащила меня назад, по галереям и тоннелям, которые мы обыскали. Мы сбежали.

— Майор Анджела тяжело дышала и была вне себя от ликования. Мы вернулись во дворец и пошли к своим номерам. Никто не заметил, что мы сделали. Я спал у двери комнаты Бородатой Дамы, где она бросила меня на пороге. Спал я плохо, я опасался наихудшего.

— А на рассвете, когда я проснулся, Анджелы уже не было. Ни единого следа после неё не осталось.

— Это было десять лет назад, — довольным голосом сказала Анджела. — Вот сколько времени понадобилось Алой Императрице, чтобы узнать о своей утрате. Она не заслуживает такого предка. Да и вообще, Старейшая Императрица Кассандра не хочет возвращаться. Ей нравится быть моим личным джинном.

Сэм подумала, что Анджеле скоро придётся распрощаться с этой служанкой.

— Где она сейчас?

— У меня в рюкзаке, — сказала Бородатая Дама. — Я о ней хорошо забочусь.

— И ты спросила её? — спросил Хила. — Что было, когда ты её спасла и задала все эти важные вопросы?

Грустно, со странной улыбкой, Анджела покачала головой:

— Она мне так ничего и не сказала. Она хихикает. Просто смеётся. Смех — её единственный ответ.

Глава 28
С возвращением

На острове они какое-то время были заняты разбиванием лагеря и организацией ночлега. Айрис легла у костра, а Черепах ушёл ловить рыбу, сказав, что у него это не очень хорошо получается, но он постарается. Доктор задумчиво смотрел в пламя костра.

— Айрис, когда мы выпутаемся из этого, я хочу почитать твои дневники. Если ты не возражаешь.

Она вскинула голову и пострела на него:

— Правда? Я думала, что ты против них.

— Возможно, я поторопился с выводами.

— Ещё как!

— Прости, если был невежлив. Иногда я ненавижу, когда кто-то упоминает что-то из прошлого. Я так быстро всё забыл, понимаешь? Некоторое, во всяком случае. Мне не нравится, что другие знают обо мне больше, чем я сам.

— Не переживай об этом, — сказала она.

— Может быть, если я прочту то, что ты записала, я что-нибудь узнаю. Я странствую, совершая одни и те же ошибки, впутываюсь в такие же точно проблемы. Быть может, если бы я слушал немного больше, то смог бы вести более спокойную жизнь.

— А ты хочешь более спокойную жизнь?

Он засмеялся:

— Нет.

Она с усилием села. Солнце уже зашло, и стало прохладно.

— Послушай. Если тебе так хочется, живи себе и продолжай наступать на те же грабли. Живи такой же славной жизнью снова и снова, если тебе хочется именно этого. Я тебе завидую в этом. Ты снова молодой! Ты можешь делать то, что тебе захочется.

Она взяла его за руку и продолжила:

— Если я смогу выбраться из этой передряги и мне станет лучше, и если я снова стану молодой женщиной, я поступлю именно так. Я не возьму с собой обузу истории.

Какое-то время они сидели молча. А затем со стороны берега донёсся крик, и они увидели Черепаха, семенившего по мокрому песку с веткой, на которой дёргались рыбы.

— Мне кажется… — беспокойным голосом сказал он. — Мне кажется, что проблема с транспортом решена.

— Да ну? — сказала Айрис.

— Кое-кто последовал за нами.

Айрис закатила глаза:

— Надеюсь, ты не о той чёртовой рыбине.

— Нет, — засмеялся Псевдо-Черепах и указал рукой.

Сквозь волны прибоя, катившиеся по вспененному пляжу, двигалась знакомая фигура.

— Глазам своим не верю, — сказал Доктор.

— Боже её храни! — воскликнула Айрис. — Она нашла нас!

Из отмели выезжал двадцать второй автобус до Патни Коммон. По его окнам лилась морская вода, омывая его, делая ярко-красным. На капоте, как лавры, висели водоросли.

***

Джулия приказала экипажу одеться в самое лучшее. Эта ночь должна была стать последним случаем, когда они были оплачиваемыми слугами Императрицы, поэтому Кристева была украшена, увешана лентами. И свой корабль и самих себя пираты разодели в самое лучшее из того, что им удалось накопить за годы грабежей. В ход пошли и сундуки, добытые на местах крушений, и яркие наряды, снятые с плеч несчастных мореплавателей.

Джулия выпивала с Виттолом — похожим на цаплю существом, бывшим её доверенным помощником. Они пили из тонких бурлящих пробирок, осторожно держа их за горлышки и надпивая горячий кислый нектар.

— Она обещает нам, — сказала Джулия, — что я буду свободной, если мы выполним это.

Виттола это веселило:

— И ты сможешь уплыть в закат.

— И больше никогда не возвращаться в ненавистный Хисперо.

— Почему Императрица решила отпустить тебя?

Капитан Джулия пожала плечами:

— Не знаю и знать не хочу.

— Всего год назад, когда ты сказала ей, что не хочешь быть её наследницей, она и слышать об

этом не хотела. Она готова была тут же схватить тебя и твой корабль, а нас всех перебить. Просто за то, что мы твоя команда.

— Думаю, моя мать хочет быть Императрицей вечно, — сказала Джулия. — Когда-то ей была невыносима мысль о том, что нужно будет отказаться от трона. Потом она старела и ей пришлось думать об этом, и она захотела обучить меня необходимому. Ты прав, Виттол, она всегда сожалела о моих пьянках и авантюрах. Но сейчас она, похоже, согласна отпустить меня после завершения этой миссии.

— Быть может, ей всё-таки удалось найти способ быть Императрицей вечно?

— От нынешней Алой Императрицы можно чего угодно ждать. Она вечно лезет в ведьмовство и некромантию. Быть может, она действительно будет жить вечно.

— Должно быть, что как-то связано с нашими пленниками, — сказал цапля. — Может быть, допросим их и узнаем, чем они такие особенные? Хм? Мне они кажутся простым сбродом.

Глаза у Виттола горели. Ему хотелось поквитаться с этими пленными.

Джулия задумалась:

— Можно, наверное, протащить их под килем. Или заставить пройти по доске. Давно мы уже никого как следует не пытали.

— Привести их?

— Почему бы и нет?

***

Поразительно, но внутри автобуса было сухо.

— Ой, ведь правда, она чудо? — вскрикнула Айрис, когда Доктор помог ей зайти.

— И это действительно ТАРДИС? — благоговейным голосом спросил Псевдо-Черепах. Набравшись храбрости, он зашёл в дверь. — О, — сказал он, оглядываясь по сторонам.

— Удивлён, да? — подмигнула Айрис.

— Но тут же… — запинался Черепах. — Внутри она такого же размера, как и снаружи!

— Это размерностный трансцендентализм, — ответила Айрис, неуклюже ковыляя по проходу. — И даже больше того: внутренние размеры немного меньше, чем внешние. Разве это не гениально? Последний писк моды.

Она плюхнулась на диван.

В автобусе был жуткий беспорядок. Повсюду валялись книги и подушки. Но Айрис считала эту обстановку уютной и домашней, она была рада вернуться сюда.

— Пойду поставлю чайник, — сказал Доктор, пробираясь к кухне. — А потом…

— О, достань вначале джин, — крикнула Айрис. — В холодильнике должен быть лёд.

— А потом, — твёрдо продолжил Доктор, — я поработаю над твоей консолью.

— Ещё чего! — возмутилась она.

— Я поставлю твой корабль снова на колёса.

— Не трожь её! Я видела, как ты со своей обращаешься!

Он покачал головой.

— А что он хочет сделать? — спросил Черепах, подвинувшись ближе к Айрис.

— Мы направимся прямо в Хисперо, — сказал Доктор. — Мы догоним пиратов и всех остальных. И мы полетим напрямик.

— Мы можем ехать по океанскому дну! — протестовала Айрис. — Это не так уж долго. Тут всё довольно герметично.

Но он стал неожиданно решительным:

— Нет, Айрис. Мы полетим, причём через Вихрь. Ворп-ворп — и вспышка! Вот что я имею в виду. Мы больше не будем терять ни секунды. И в этот раз ты меня послушаешься.

— Ой, Доктор, — улыбнулась она, когда он отобрал у неё поднос с кубиками льда и отставил его на кухонный стол. — Ты такой властный!

Он закатил глаза.

***

Хила решил, что может воспользоваться своим толстым, мускулистым гибким хвостом, который вырос у него в последнее время.

— Отойдите, — сказал он и с размаху ударил им по запертой двери. — Почему бы не воспользоваться этой… мутацией.

Замок постепенно слабел, с каждым ударом сыпалась ржавчина, шелушилась краска. Дверь начала приоткрываться.

Анджела встала, держась за рану:

— Почему твоя мутация прогрессирует?

Он зарычал и триумфально вскрикнул: дверь их тюрьмы развалилась.

— Откуда мне знать? — он резко повернул к ним недовольную морду, и Сэм с шоком осознала, насколько сильно он изменился за последние дни.

— Идём, — сказал он.

Они вышли на нижнюю палубу корабля.

***

Айрис заснула, Черепах сидел рядом с ней. Доктор работал в кабине автобуса, довольный тем, что Айрис не видит, как он распотрошил её приборы. Её набор инструментов оказался неполным, в нём постоянно попадались то старая губная помада, то колпачок от ручки.

— Так вы, значит, оба галлифрейцы? — спросил его Черепах.

Доктор насторожился:

— Ты слышал о нас?

— На Хисперо все бывают, Доктор, — сказал Черепах. — Даже повелители времени прилетали сюда за приключениями.

Доктор, похоже, был недоволен этим. Он хотел спаять два обрывка провода, торчавшие из консоли, просто чтобы они не мешали, но они вдруг вспыхнули зелёным светом. Он резко отдёрнул пальцы и положил в рот.

— Этот корабль ещё старше, чем мой, — сказал он.

Черепах вдруг встревожился:

— Доктор, кажется, Айрис потеряла сознание. Мне кажется, что это не похоже на естественный сон.

— Что? — Доктор разгонял рукой чёрный дым.

— Посмотри.

В тусклом освещении автобуса растрёпанную Айрис окутывало оранжевое сияние.

— А, — сказал Доктор. — Она погрузилась в своего рода восстановительный транс. У нас мало времени.

— Почему она светится оранжевым?

— Откуда мне знать? — резко ответил Доктор. — У нас у всех всё по-разному. Если тебя это нервирует — включи свет.

Черепах вздохнул и включил свет.

— А что с ней такое?

— Она толком не рассказывает. Где-то подцепила какую-то болезнь и теперь в очень тяжёлом состоянии. Из-за этого она и ввязалась в это сомнительное мероприятие. И поэтому я должен добраться до Императрицы. Оказывается, только она может вылечить бедняжку.

Черепах промокнул старой женщине лоб:

— Бедная Айрис.

— Ага! — вскрикнул Доктор. — Кажется, сейчас поедем, — он высунул голову из кабины. — Уже почти починил.

— И мы действительно дематериализуемся?

— Через несколько минут.

— Мне что-нибудь нужно делать?

— Тебе может уши заложить. Держи мармеладку.

Доктор был снова счастлив. Он запрыгнул на сидение водителя и начал щёлкать переключателями.

— Ну, держись за свой панцирь. Дорога может оказаться ухабистой.

Автобус неуверенно поехал по тёмному песку пляжа. Доктор лихо развернул его на 180

градусов, кабиной к необъятному морю. Черепах уселся и взялся за поручень, Доктор резко наступил на педаль газа. Они помчались прямо в море.

— Поехали! — широко улыбаясь, кричал он.

И почти в тот момент, когда колёса должны были въехать в воду, перед ними раскрылся вихрь: вращающаяся туманная труба. Гораздо более тёмного синего цвета, чем ночное небо, вихрь проглотил их вместе с автобусом.

Как только их на пляже не стало, вихрь исчез, сложившись, как раздвижная подзорная труба.

***

Кристева мчалась сквозь облака на высоте нескольких сот футов. Именно с этим шоком Сэм и компании пришлось справляться, когда они, наконец, вышли на верхнюю палубу.

— То-то я море больше не слышала!

— Мы уже почти прибыли, — сказал Хила.

Посмотрев за борт, они увидели в нескольких милях от них тёмный Хисперо. Всматриваясь в его сверкающие огни, Сэм едва различала башенки, пики и купола-луковицы.

Звучали весёлые крики экипажа. С палубы юта доносилась странная диссонансная музыка. Они решили, что им повезло, что вся команда веселится. Но затем у них за спиной раздался шум — кто-то их заметил.

Это был тот самый замбекарт, который отводил их в камеру. Когда они удивлённо обернулись, он радостно вскрикнул.

Хила бросился на большую зелёную тушу. Они сцепились друг с другом и покатились по палубе.

— Шлюпки! — заревела Анджела, хромая по палубе и морщась от боли. — Помоги мне, — сказала она Сэм.

Сэм аккуратно обошла двух человеко-рептилий, боровшихся на палубе.

— Судя по звукам, всё довольно серьёзно, — пробормотала Анджела. — Ты видишь шлюпки?

Сэм провела её к борту, где было привязано маленькое тупоносое судно.

— Стяни брезент, — резко сказала Анджела и нашла на ощупь электронный механизм управления подвеской. — На этой штуке мы можем сбежать. Пускай они пока сами дерутся.

Однако, подняв взгляд, Сэм обнаружила, что рядом стоит Виттол — существо, похожее на цаплю.

— А я как раз за вами шёл, — сказал он, щёлкая блестевшим в свете луны клювом. — Пришло время повеселиться.

Майор Анджела выругалась. Он бросился на неё, но их обоих сбил с ног хвост Хилы, когда человек-аллигатор катился мимо вместе с замбекартом.

Сэм успела отскочить в сторону. А затем она увидела, что Кристеву атакуют.

— Смотрите! — кричала она, но дерущиеся не слушали.

Бородатая Дама била наугад во все стороны.

Сэм смотрела вверх, на паруса корабля. На реях, словно рой, уселась огромная масса

летающих тел. По всей Кристеве раздавались крики матросов, заметивших атаку сверху. Звуки веселья резко прекратились — стало ясно, что им угрожает опасность. Сэм услышала, как Джулия отдаёт команды.

Сэм смотрела. Тёмная туча опускалась ниже, разрезая шёлк раздутых парусов. В этом облаке Сэм смогла различить отдельные тела. Это были птицы. Сотни птиц всех видов и размеров. Они кружились и опускались, выставив когти, а их крылья были обожжённые, словно этих птиц принесло из ада и они были настроены расквитаться. Птицы бросились вниз, на сам корабль, хватая по пути острыми клювами любую плоть, до которой могли дотянуться. Птицы Леса Кестхевен, оставшись без дома, потеряли интерес к сказкам. Теперь их интересовал только один сюжет — беспощадная месть.

Птицы сосредоточили свою атаку на юте. Это давало беглецам несколько секунд.

Сэм торопливо завершала подготовку шлюпки. Она забыла про скрытность и сильно стучала по клавиатуре, управлявшей подвеской. Посыпался сноп искр, и маленькое судно начало отстыковываться. Затаив дыхание, девушка перелезла с корабля в шлюпку. Потом посмотрела на органы управления. Ничего такого, с чем она не справится. Она полностью сбросила брезент, и тот улетел, словно воздушный змей, сквозь небо в направлении моря. Затем она крикнула остальным:

— Эй! Вы, двое! Хватит развлекаться, идите сюда!

Виттол и замбекарт были потрясены.

— На нас напали, простофиля ты, — резко сказал цапля.

Он лежал на спине, придавленный весом Анджелы. Его крылья дёргались, он пытался высвободиться.

— Помоги Джулии, Аснотт. Ей понадобится защита.

Когда большая рептилия быстро поковыляла прочь, цапля приготовился сбросить с себя Бородатую Даму. Но в этот момент Хила резко развернулся и одним ловким взмахом клинка отрубил цапле голову. Отрубленная шея безвольно легла на палубу, обильно поливая её кровью. Голова укатилась в тень.

— Господи боже, Хила! — не выдержала Сэм.

— Он сам напросился.

— Всё в порядке, — сказала Анджела. — Мы живы. Идём.

Они запрыгнули в шлюпку и уселись позади Сэм. Хила помог слепой женщине и убедился, что судно способно летать. Сэм включила мотор, и тот завёлся мгновенно.

Они оставляли Кристеву и её экипаж сражаться без них.

Выслушав несколько советов Хилы по управлению маленьким судном, Сэм взяла курс на золотые огни Хисперо. Ветер уносил их слова, им становилось то холодно, то жарко; ветер приносил

то морской туман, то песок, а затем смог и дым. Сэм начала кашлять.

Отлетев на безопасное расстояние и зафиксировав свой курс, они оглянулись посмотреть на корабль, густо покрытый массой птиц. Похоже, кому-то в голову пришла блестящая идея избавиться от нападавших поджогом парусов Кристевы. Паруса вспыхнули восхитительным голубым светом. Они горели всего несколько секунд. Они горели как бумага и скоро в небо пошли большие клубы дыма.

— Они её утопят, — сказала Анджела.

— Ну и чёрт с ней, — пробормотал Хила.

Пока они летели к суше, большой гордый корабль постепенно опрокидывался назад и летел вниз. Вначале медленно, а затем всё быстрее и быстрее, он неотвратимо планировал обратно в море. К моменту соприкосновения с водой он был весь в огне. Он забрал с собой многих птиц.

Убедившись, что кораблю конец, Хила удовлетворённо прорычал и отобрал у Сэм управление шлюпкой. Она протестовала против такой бесцеремонности.

— Слушай, — прорычал он, — нам сейчас не до вежливости. Я знаю город, а ты — нет. Я знаю, куда лететь. Не мешай мне.

Они пролетели над крышами.

Ночь в Хисперо.

Внизу были обычные гуляки, весёлые толпы, хриплые крики. Казалось, что с тех пор, как Сэм тут была в предыдущий раз, прошли уже годы.

Майор Анджела была недовольная:

— Я не хотела возвращаться сюда.

Хила нашёл им место для посадки. Это было в доках — в мрачной и негостеприимной части города. Он умело увёл их подальше от толпы, к свободному месту у пристани. Заработав лишь несколько синяков и царапин, они упали, приземляясь в полумраке. Край берега был обозначен бледно-зелёными светящимися сферами, похожими на чудовищные фрукты.

— Это совсем рядом с моим домишкой, — сказал он.

— О, — сказала Анджела. — Твоя знаменитая тайная нора.

— Ты хочешь, чтобы твоё плечо лечили? — сердито спросил он, недовольный её тоном. — Или хочешь без обеих рук остаться?

— Ты начинаешь действовать мне на нервы, Хила.

— Вот и хорошо. Значит ты…

— Послушайте, — сказала Сэм. — Вы не могли бы…

Они только-только выходили из шлюпки. Не успели они ещё даже стать на землю, как обнаружили, что их окружили.

Над ними стоял целый взвод татуированных Алых Гвардейцев. Они появились молча.

— С возвращением, — улыбнулось одно из покрытых густой сетью узоров лиц. — Если я не ошибаюсь, у вас есть нечто, на что хотела бы взглянуть Императрица.

Глава 29
С Императрицей

С первого взгляда Сэм увидела только глаза. Где-то в этой розовой жиже внутри сосуда сверкала пара глаз, она наблюдала за тем, как пленников заводят в красно-золотой тронный зал. Зрачки у глаз были алые, как автобус Айрис.

Стражники велели им молчать. Пленникам сказали, что Императрица исключительно чувствительна.

Троих пленных провели по холодному мраморному полу и поставили перед банкой. Приглядевшись, Сэм рассмотрела внутри смутные очертания женщины. На мгновение она почувствовала жалость к этому запертому за стеклом существу. Она чувствовала, что самосожаление и обида висят в воздухе: колючие волны паранойи, исходящие от этой особы.

Какое же мы представляем собой зрелище, — думала Сэм, — для этих красных глаз. Грязные, избитые. Белый мундир Бородатой Дамы плохо гнулся из-за коричневых пятен засохшей крови. Только Хила стоял прямо, огрызался и был готов в любой момент вступить в драку. Татуированные гвардейцы держали оружие наготове. Намёк был понятен: они находились в присутствии царской особы, и нечего было даже мечтать о том, чтобы что-то сделать Императрице. Поначалу Сэм была шокирована тем, что внутри дворца гвардейцы были голые. Они маршировали без тени смущения,

демонстрируя свои яркие шрамы. Но через какое-то время она перестала их рассматривать. Были дела и поважнее.

Когда Алая Императрица заговорила, казалось, что её голос доносится из древней рации. Он был далёкий, потрескивающий:

— Мы ожидали, что вас будет больше.

Майор Анджела кашлянула. Слишком громко. Один из стражей шагнул вперёд и поднёс к её горлу кинжал.

— Тихо, — сказал он.

— Один из нас был уничтожен, — прошептала Бородатая Дама.

— Это та старая карга, которую я за вами послала?

— Герцогиня погибла, — прорычал Хила. — Её убило чудовище с бивнями, которое ты послала.

— Я ещё кого-то посылала? — удивилась Императрица.

Один из Алых Гвардейцев кивнул.

— Возможно, посылала. Так где же эта карга, которую я за вами посылала?

Голос Сэм был очень ровный:

— Она погибла вместе с Черепахом и Доктором. Это, кстати, произошло тоже по вашей вине.

— Кто этот ребёнок?

— Она случайно оказалась замешана, — сказал Хила. — Вам следует отпустить её.

— Никуда я не пойду!

— Тихо! — снова приказал страж.

— Я останусь тут до самого конца!

— Возможно, до него осталось не так уж долго, — прошипела Императрица. Её обрамлённые розовым глаза посмотрели на Бородатую Даму. — Майор Анджела. Ты совершала ужасные вещи, не так ли? Ведь это ты провозгласила себя королевой небольшого участка земли? Это ведь у тебя хватило наглости поработить моих подданных и заставлять их выполнять твои прихоти?

У Анжелы был мрачный вид:

— Всё это я, Ваше Величество.

— Ты же знаешь, что это было неправильно. Разве я не единственная Императрица?

Рот Анджелы дёрнулся. Её ответ был почти язвительным:

— Нет, Ваше Величество.

Глаза в банке сверкнули:

— Ты знаешь, очень маловероятно, что твоя голова покинет этот зал, оставаясь на твоих плечах.

— Да, — вздохнула Анджела. — Я так и думала.

Сэм впервые почувствовала настоящий приступ страха.

— Но, разумеется, — говорила Императрица, — Самое худшее, что ты сделала — украла у меня кое-что. Этот самый… предмет… имеется при твоей косматой персоне?

— Да.

— И не хочешь ли ты его достать?

Анджела сняла с плеча свой грязный рюкзак и начала его раскрывать. Это мой единственный шанс, — думала она. — Если Старейшая Императрица Кассандра снова проявит себя и

будет говорить или действовать от их имени… то это будет единственный их шанс уйти отсюда живыми.

— Быстрее! — нетерпеливо сказала Алая Императрица. — Я вас и так ждала слишком долго.

— Не торопите её! — крикнула Сэм. — Она же раненая! Мы через что только не прошли, чтобы попасть сюда, знаете ли…

Один из стражей взмахнул саблей и плашмя ударил её по спине. Сэм снова закричала, злая поднялась на ноги и вдруг заметила, что все с ужасом смотрят на майора Анджелу.

Бородатая Дама держала рюкзак вверх ногами.

— Анджела, — сказал Хила. — Что за?..

Рюкзак был пустой.

***

Вокруг автобуса бурлил и завывал Вихрь.

— Ну вот, — сказал Доктор, возясь с координатами. — Айрис будет очень довольна, что позволила мне починить её консоль. Я чудесно поработал. Вот почему так: свой корабль починить не можешь, а как доходит дело до чужого…

— Доктор! — крикнул Черепаха.

— А, — улыбнулся Доктор, выходя из кабины. — Как тебе нравится твой первый визит в это загадочное место, где время и пространство едины?

Затем он посмотрел на поражённое корово-черепашье существо:

— Что-то не так?

Айрис сидела, держа спину прямо. Странное свечение спало с неё, как вуаль. Она была сама смерть. Она сказала два слова: «Помогите мне», и снова упала на выцветший мягкий диван.

— Принеси ей попить, — крикнул Доктор и пошёл обратно в кабину. — У нас очень мало времени.

— Что с ней происходит?

— У неё критическая стадия! — крикнул Доктор. — И у нас тоже.

Органы управления шипели и дрожали.

— Мы вот-вот прибудем.

***

Розоватая жижа в банке стало ядовито-красной. Из своего примитивного громкоговорителя Императрица вопила:

— Убить их! Убить этих бестолковых идиотов!

Тронный зал пришёл в движение: словно из ниоткуда возникли гвардейцы, они потащили Хилу, Анджелу и Сэм на возвышение в одном из концов зала, где уже стояли приготовленные плахи. Они ничего не могли поделать, хотя Хила дрался из последних сил. Численное преимущество было не на их стороне. Их подняли на ступени из красного камня и положили шеями на старые куски древесины. Быстрыми взмахами точились сабли.

— Убить их немедленно, — прошептала Алая Императрица, приложив к стеклу пальцы и прижимаясь лицом, чтобы не пропустить ни одной детали резни.

На короткий миг Сэм подумала, не закричать ли ей. Но затем между плахами и высокой стеклянной банкой Императрицы воздух задрожал и стал уплотняться. Воздух сотрясали оглушительные вой и скрежет. Непонятно откуда подул ветер, и стражники озадаченно опустили сабли. Императрица зажала уши руками и взвыла от боли и ярости, а сердце Сэм чуть не выпрыгнуло из груди, потому что посреди мраморного пола появился красный двухэтажный автобус.

Гвардейцы разбежались.

Императрица вопила:

— Слишком шумно! Слишком громко! — она в агонии размахивала внутри банки тонкими ручонками.

Растерянные гвардейцы бросились к ней на помощь. Сэм же и остальные остались без охраны, целые и невредимые.

— Это он! — кричала Сэм. — Это они! Они прибыли за нами! Они выжили!

Императрица снова закричала.

— Шумите громче! — крикнула Анджела и поспешила к автобусу.

Гидравлические двери распахнулись, и Доктор быстро спустился навстречу багровым стражникам. Волосы у него торчали во все стороны, галстук перекосился.

— Привет, ребята, — улыбнулся он.

— Это он! — булькала, пуская пузыри, Императрица.

— Доктор! — закричала Сэм.

— Привет, Сэм, — сказал он. — Не кричи так громко. Императрица этого не любит. Не так ли, дорогая?

— Убить их всех! — верещала Императрица.

— Ой, знаете, — сказал Доктор, — возможно, это не такая уж и хорошая идея.

Его окружили татуированные мужчины с блестящими мечами.

— Назад, джентльмены! — сказал он тихим, вкрадчивым голосом.

— Убейте его! — заклинала Императрица.

Доктор пожал плечами:

— Если вы так настаиваете. Но, как на мой взгляд, это будет ужасно несправедливо, — он запустил руку в свой вместительный карман. — Особенно если учесть, что я вернул именно то, за чем вы нас посылали, — и он эффектно вынул из кармана небольшую запечатанную банку.

Все замерли и замолчали.

Гвардейцы отступили.

Доктор широко улыбнулся. Он посмотрел в мутное содержимое банки.

— Я так и думал, что это заставит вас прислушаться.

Анджела удивлённо хрипела. Она сказала:

— Когда ты?..

Он небрежно пожал плечами:

— Стырил несколько дней назад. Ужасная привычка. Рядом со мной нужно уши держать востро, — вежливо кашлянув, он махнул рукой, чтобы гвардейцы отошли ещё дальше: — Прочь с дороги! И оденьтесь во что-нибудь.

Затем он посмотрел на Алую Императрицу и обратился к ней чётким, насмешливым голосом:

— Итак, ошибаюсь ли я, предполагая, что крохотная женщина в этой банке — кто-то, кого вы хотите вернуть?

Голос Императрицы был такой, словно ей от боли свело зубы:

— Вы не могли бы говорить тише, Доктор?

— Я? — беспечно улыбнулся он. — О, я не умею говорить тихо. Какой смысл? Ответьте на мой вопрос.

— Да. Мне нужно, чтобы она вернулась.

— А вы её просили?

Императрица выругалась:

— Чего это мне её спрашивать?

— Ну, она же может не хотеть возвращаться домой. Быть может, эта пожилая дама чудесно проводит время.

— Она мой предок. Она должна быть тут, со мной. Вы не имеете права указывать мне, где ей быть!

— А давайте узнаем? — спросил Доктор.

Императрица вдруг заволновалась.

Доктор развернулся лицом к гвардейцам и своим спутникам. «Ему это нравится, — подумала Сэм. — Разборка».

— Стоит ли нам спросить вышеназванную даму?

— Да! — крикнула Сэм.

Майор Анджела хрипло рассмеялась:

— Выпускай её!

Доктор с большим удовольствием аккуратно открыл банку. Оттуда хлынул шум, похожий на звук бури или на бесконечную какофонию моря. Алая Императрица запищала от боли. Золотистый свет окутал тронный зал, ослепив гвардейцев, которые все до одного попадали на колени. А посреди всего этого, довольно внезапно и довольно спокойно появилась старейшая Императрица, Кассандра. Она смотрела на текущую Императрицу, съёжившуюся у себя в банке.

Кассандра возвышалась на восемь метров. Она насмешливо смотрела на них всех. Её ноги были словно светящиеся золотым светом стволы деревьев. Автобус был ей всего лишь по пояс. Отбросив назад копну жёлтых волос, она рассмеялась со всех них:

— Итак, я, наконец, свободна. Кто бы мог поверить? Снова в старом дворце, — она набросила на плечи огромную меховую накидку и посмотрела по сторонам. — Не могу сказать, что тут стало лучше. За исключением этих голых мальчиков повсюду. Это новый штрих, дорогуша, — сказала она Императрице. — Едва ли не единственное приличное из твоих нововведений.

— Вернись в свою банку! — приказала Алая Императрица. — Твоё время прошло! Тебе тут не место.

— Я имею полное право быть тут, милая. Я была тут раньше вас всех.

— Но ты должна быть под землёй. Со всеми остальными. Теперь я Императрица.

— Твоё время подошло к концу, — сказала Кассандра. — Я знаю, что ты планируешь, дорогуша. И этому не бывать. Твоё время заканчивается, и ты в отчаянии. Ты хочешь быть Императрицей на веки вечные. А я здесь для того, чтобы остановить тебя.

Казалось, что Старейшая из Императриц разбухает всё сильнее и сильнее. Её свечение резало глаза зрителей.

— В этот день время начнётся с начала, — смеялась она. — Оно неисчислимое… о, сотни тысяч лет с тех пор, как я начинала, и сегодня у меня годовщина. Я вернулась, чтобы начать всё заново. Тебе конец!

— Помогите! — взвизгнула Алая Императрица, и гвардейцы беспомощно сгрудились вокруг неё.

— Она шарлатанка, — громыхал голос Кассандры. — Она тысячи лет держала меня и моих дочерей закупоренными в банки, и никто не спускался, чтобы выпустить нас хотя бы на секундочку. Вот как должно продолжаться время: моим возвращением!

— А она хороша, да? — спросил Доктор Сэм и тут же начал тянуть её к автобусу. — Это напоминает мне мои совещания с моими другими воплощениями.

— А где Айрис?

— А, ну… Она…

Старейшая из Императриц расправила огромные морщинистые руки, и по всему тронному залу затрещали молнии. Стражи схватились за головы и попадали на пол.

— Бежим! — закричал Доктор. — Все в автобус!

Майор Анджела повернулась к Хиле:

— Делай как он…

Хила лежал на полу. Он посмотрел на неё снизу и щёлкнул огромными челюстями. Его руки и ноги укоротились до обычного крокодильего размера, локти торчали вверх, удерживая туловище над землёй. Он полностью преобразился. Его хвост сердито бил из стороны в сторону.

Даже не видя его, Анджела поняла, что случилось. Она бросила его и побежала по мраморному полу к остальным. В комнате продолжали сверкать голубые молнии.

— Сдавайся, милочка, — смеялась Старейшая из Императриц. — Сдавайся, дочь. Пока ещё есть возможность!

Алая Императрица извивалась внутри своей банки:

— Ни за что!

А потом банка лопнула, с треском развалившись на толстые грязные осколки. По красному мрамору растеклись галлоны розовой полупрозрачной жижи.

— Дочь… — сказала огромная Кассандра.

На твёрдый пол рухнуло тело. Оно лежало в жиже: разбитое, чахлое, почти бесформенное.

— Быстро! — кричал Доктор, загоняя спутников на борт. Он захлопнул позади них двери автобуса.

Они смотрели в окна на то, как помещение наполняется золотым свечением. Они услышали слова древней Императрицы:

— Вот так время начинается заново. Как это и должно было быть.

Они отвернулись, когда помещение беззвучно взорвалось золотым, а затем белым светом.

А затем окна потемнели.

***

Через какое-то время Сэм спросила:

— А что там снаружи?

— Пока что ничего, — сказал Псевдо-Черепах. — Всё должно начаться заново.

— Хисперо уничтожен? — на удивление безучастным голосом спросила Анджела.

— Не уничтожен, — ответил Доктор. — Он в процессе обновления. Можно сказать, закрыт на ремонт.

Сэм посмотрела по сторонам:

— А где Хила?

— Там остался, — ответила Бородатая Дама. — С ним что-то случилось. Он полностью лишился своей человеческой природы, — она опустилась на диван.

— Айрис! — ахнула Сэм.

Пожилая женщина лежала рядом. Последние события её не коснулись. Она казалась мёртвой.

— О, да, — задумчиво сказал Доктор. — Думаю, настало время заняться ею. Пора попросить о парочке одолжений.

На мгновение он посмотрел в черноту за окном. Затем расправил свой зелёный сюртук и пошёл к дверям.

— Не выходи наружу! — сказала Сэм. Она не хотела так скоро снова потерять его.

— Думаю, уже можно, — сказал он. — Просто там немного темновато. И не убрано.

— Там ничего нет! — протестовала Бородатая Дама.

Доктор повернулся к ним и широко улыбнулся:

— Да нет же, всегда что-нибудь есть.

А затем он открыл двери автобуса и вышел.

Глава 30
Кое-что для Айрис

Так оно и оказалось. Внутри дворца было темно и не убрано. Часть потолка была словно оторвана, там было видно небо. Башни потрескались. На полу валялись каменные обломки и тела. Снаружи по крышам ударила молния. Кутилы Хисперо перестали кутить.

Доктор на цыпочках отошёл от автобуса. Он дал своим глазам привыкнуть к темноте.

В дальнем конце зала он увидел длинные осколки стеклянной банки. Среди них лежало распростёртое тело Алой Императрицы.

На ступеньке сидела женщина: вполне нормального роста, одетая в золотое платье.

Он сел рядом с ней.

— Вот, значит, и всё, — грустно улыбнулся он.

— Жаль, что ей не хватило здравого смысла, — сказала Старейшая из Императриц и вздохнула. — Со стольким нужно разобраться, — она теребила пряжку на туфле. — Я вообще-то никогда не хотела быть Императрицей.

У Доктора было задумчивое лицо.

— Кассандра, мне нужна твоя помощь.

— Тебе?

— Вернее, Айрис, — он зачерпнул с пола разлитую розовую жижу, сохранявшую жизнь Императрицы. — Ей нужно это вещество.

Кассандра пожала плечами:

— Это редкая дрянь.

— Без неё она умрёт.

— Её очень сложно добыть.

— Я добуду. Просто расскажи мне, как это сделать.

Старейшая Императрица посмотрела на тыльные стороны своих рук. На глазах у заворожённого Доктора пигментные пятна исчезали, морщины разглаживались.

— Причём, — сказала она, — ты всегда подчёркиваешь, что эта Айрис — сущая катастрофа, при каждой вашей встрече. Не будет ли тебе лучше, если она покинет твою жизнь навеки?

— И она больше не будет носиться по вселенной, выбалтывая всем мои секреты? Всё записывать? И она не сможет утверждать, что носилась по всему космосу в своём раздолбанном автобусе и пережила все мои приключения? И не сможет время от времени возникать в моей жизни и утверждать, что влюблена в меня? — он тихо рассмеялся.

— Не будет ли тебе проще, если ты просто позволишь ей умереть?

Он покачал головой:

— Не думаю. Она мой друг.

— Серьёзно?

Доктор встал:

— Это слова настоящей Императрицы. Ты не можешь себе позволить иметь друзей, не так ли? Не можешь ни с кем сблизиться, не можешь никому довериться. Я бы на твоём месте тоже не смог. Я бы очень не хотел иметь такую власть, как

у тебя, — он указал на разбитое тело Алой Императрицы. — Или такую, которую всего несколько минут назад имела она. Такая власть изымает своего обладателя из обычной жизни. Обычная жизнь — это сплошная борьба, и всё, что ты можешь — стараться изо всех сил. А таким, как ты, нужно лишь щёлкнуть пальцами — и это уже вопрос жизни и смерти. Ужасно.

Кассандра посмотрела на него:

— Как я уже говорила, я не хотела быть Императрицей.

— Но теперь эту работу выполнять больше некому.

— Да, даже Джулия погибла. Её собственная мать отправила птиц уничтожить Кристеву. Она спятила. Убила даже собственную дочь.

— От такой работы можно лишиться рассудка, — сказал Доктор. — Будь осторожна. Вспомни о Екатерине Великой.

Кассандра, похоже, приняла решение. Она стряхнула мусор со своего блестящего платья.

— Хорошо, Доктор. Я исполню твоё пожелание. Можешь заняться этим, пока я буду уборкой заниматься.

Затем она щёлкнула пальцами.

— Спасибо, — сказал Доктор и тут же исчез.

Кассандра провела его взглядом. Она посмотрела на развалённый потолок и увидела, что тёмное небо начинало светлеть. По небесам расползалась синева. А затем раздался крик.

Из автобуса выбежала Сэм:

— Куда вы его отправили?

— Тсс, дорогуша, — сказала Императрица. — Недалеко. С ним всё будет хорошо.

К Сэм подошла и Бородатая Дама:

— Насколько недалеко?

— На северный полюс, — сказала старая женщина. — Небольшая миссия ради его подруги, — а затем она повелела: — А ну-ка, все! Нам нужно поработать.

Они осмотрели разваленный тронный зал.

Из автобуса неуверенно выходил Псевдо-Черепах.

— Думаю, для Айрис уже слишком поздно, — тихо сказал он. — Пульса нет. Дыхания тоже, — вдруг он замер, его копыта застыли в воздухе. — Смотрите!

Все посмотрели туда, куда он указывал.

Из теней выползал аллигатор. Довольно молодое, проворное животное, его чешуя искрилась в свете наступающего нового дня. Они с отвращением смотрели, как он подполз к мёртвому телу сверженной Алой Императрицы, и слушали, как он чавкает своими мощными челюстями. Хила невинно лакомился её телом и сохранявшими её жизнь гелями.

Глава 31
Кража мёда

Крайний Север Хисперо не был похож ни на одно другое место этой планеты.

Доктор сел и посмотрел по сторонам. Воздух был золотисто-голубым, он просвечивал сквозь потолки и стены.

Доктор встал и отряхнулся.

Издалека доносились монотонные гудение и жужжание пчёл. Он знал о них всё. Знал об алхимии их процесса производства мёда. Он знал, что ему нужен свежий мёд, а не тошнотворная, застоявшаяся жижа, в которой плавала Алая Императрица. Всё это он узнал, читая Аджа'иб. Он похлопал по карману, в котором лежала книга. Рано или поздно всё становилось полезным. А теперь ему нужно поработать.

Он пошёл, привыкая к мягким стенам и полу из воска, к приторной сладости воздуха. Это было всё равно как ходить и дышать в абсолютно новом веществе. Где-то за стенами этих тоннелей работали пчёлы размером с велосипед. Но они его не волновали. За свою жизнь ему снова и снова доводилось иметь дело и с вирусами размером с омаров, и с омарами размером с динозавров, и с динозаврами и прочими ужасами. Он начал насвистывать.

Когда он дошёл до широко открытого пространства, от которого расходилось несколько путей, он достал из кармана старую книгу в

кожаном переплёте и раскрыл её на нужной странице. Проводя пальцем вдоль загадочных слов, он пробормотал одно из заклинаний.

Вспышка света, движение воздуха — и перед ним возникла большая смуглая фигура кабикаджа, джинна повелителя насекомых.

— Доктор, — прогудел джинн. — Надеюсь, ты по делу.

— У меня есть для тебя небольшое задание, — улыбнулся Доктор. — Думаю, ты сможешь мне помочь.

Глава 32
Месяц спустя

Сэм проснулась в своей непривычной постели. Простыни из сатина. За окном шум улицы. По-прежнему воскуряют фимиам. Вокруг её постели мерцают ночники. Она потянулась и решила, что уже выспалась.

Какое-то время она сидела на парапете и смотрела вниз, на суету улиц. Одновременно она отщипывала от грозди виноградины. Толпа внизу, под дворцом, была странной смесью ночной толпы, всё ещё продолжавшей гулять, и уличных торговцев, с утра пораньше вывозивших на тачках свои разнообразные товары. Инопланетяне вернулись. Хисперо почти без напряжения вернулся к своей обычной рутине.

В тяжёлую деревянную дверь постучали. Обернувшись, она увидела нерешительно заглядывающую голову Псевдо-Черепаха. Она жестом пригласила его зайти.

— Посиди тут со мной, — сказала она.

Сейчас он рядом с ней был уже не такой застенчивый. Он опасливо выглянул за перила балкона.

— Мне сообщили, — сказал он, — Что сегодня утром Императрица примет нас.

— Хорошо, — пробормотала Сэм, размышляя над тем, как ей нужно одеться.

— Я не думаю, что это будет хорошо, — мрачно добавил он.

— Она должна помочь, — резко сказала Сэм. — У неё есть возможности. Она может выслать на его поиски целый взвод.

— С её точки зрения, все её ресурсы нужны ей здесь, для перестройки дворца. Для переделывания всего того, что предыдущая Императрица сделала плохо.

«Каким смиренным выглядит Черепах», — думала Сэм.

— Думаешь, она предложит нам прекратить ждать его?

— Да, наверное.

В глазах Сэм вспыхнул гнев:

— Если бы не он и не Айрис, Кассандра не смогла вы вернуться на трон. Она и сейчас сидела бы в лесах Кестхевена. В банке.

Черепах чувствовал себя неловко.

— Жаль, что Анджела вернулась туда. Она могла бы помочь нам уговорить Императрицу.

Сэм до сих пор злилась на Бородатую Даму за то, что та так быстро уехала. Ей тоже следовало быть более благодарной.

— Наверное, она хотела вернуться к своим медведям.

— Иди, приготовься к нашей аудиенции, — сказал Черепаха. — Я тебя тут подожду.

Через несколько секунд Сэм уже купалась в соседней комнате, в глубокой зелёной ванне. Вдруг Черепах крикнул:

— А ты проверяла корабль Доктора?

Она ответила, что всё в порядке. Когда бы ни вернулся Доктор, корабль готов. Затем она молча

вылезла из ванной, вытерлась и оделась в хисперонский наряд. Многочисленные слои яркой ткани, в основном алой.

В течение последнего месяца она одевалась как местная. Повинуясь неожиданному желанию, она подошла к шкафу и нашла свою старую одежду: футболку и шорты, постиранные. Она сняла алые одеяния и оделась в своё. Сэм была готова.

***

В приёмном зале дворца всё, казалось, вернулось в норму. Гвардейцы выполняли свои обязанности, маршировали и блистали своими татуировками. Обломки убрали, фрески обновили, дыры в потолках залатали. Одним из первых распоряжений Кассандры было разобрать комнаты с моторизированными манекенами, с запасами татуированной кожи и с отрубленными головами. Эти реликвии мании предыдущего монарха были скрытно захоронены в пустыне. Гвардейцы, закапывавшие отрубленные головы, рассказывали, что когда они засыпали яму песком, бедные головы всё ещё бормотали свои пророчества. Кассандра провозгласила, что больше никаких пророчеств не будет. Хисперо сосредоточится на жизни сегодняшним днём.

Сэм и Черепах явились к Императрице.

Этим утром она была в хорошем настроении. После того, как к ней вернулась молодость, а она снова заняла красно-золотой трон, её настроение было, мягко говоря, изменчивым. За последние несколько недель она неоднократно бывала вспыльчивой из-за стресса, вызванного большим объёмом предстоявшей работы. «Разумеется, у меня стресс после возвращения!»

Она мило побеседовала с Сэм и Черепахой, и предложила этим утром сходить всем вместе к Айрис и посмотреть, в порядке ли старушка. «Быть может, что-то изменилось», — сказала она.

Сэм на это сильно не надеялась. Её не очень привлекала идея провести день рядом с гробницей Айрис.

В позолоченной клетке рядом с троном новой Императрицы сидел маленький аллигатор. Он щёлкал на них зубами.

— Бедный Хила, — задумчиво сказал Черепах.

— Быть может, так ему лучше, — сказала Сэм.

— Возможно, — сказала Императрица и вывела их из тронного зала. Лёгкой походкой она шла по мраморному полу.

Им вслед, прищурившись, злобно смотрели налитые кровью глаза аллигатора.

***

Айрис лежала на постаменте в зале, который освещали высокие бледно-жёлтые свечи. Кто-то принёс букеты экзотических пурпурных цветов, головки которых были всегда раскрыты и покачивались.

В тёмном пространстве этого мавзолея был припаркован автобус, словно готовый отправиться в очередное путешествие. Ждущий пробуждения своей хозяйки.

Лицо Айрис было умиротворённое. Глаза были закрыты.

Идя за Черепахом и Императрицей, Сэм чувствовала возмущение. Во время этих визитов в усыпальницу Айрис эти двое всегда вели себя так тихо и уважительно. Сэм хотелось сказать им: «Она не пошевелится. Ничего не произойдёт. Зачем мы только время тратим? И вообще, Айрис не понравилось бы то, как вы себя ведёте, все

такие тихие и торжественные. Она была не такая. Она была шумная и бесцеремонная. Ей бы это не понравилось! Это была женщина, которая вела по пустыне автобус, распевая во всю глотку песни АББА! Нечего петь у её одра древние хисперонские панихиды!»

Она вздохнула. Они свернули за угол и вошли в мавзолей.

А там, над постаментом кто-то склонился. Высокий человек с тёмными волосами. Осунувшийся и усталый, он склонился над телом беззащитной Айрис.

Сэм прореагировала первой. Она бросилась в гнетущую тишину пропитанной дымом благовоний комнаты. Она не обращала внимания на крики спутников, она хотела схватить этого призрака, оттащить его в сторону.

Когда она протягивала к нему руки, он поворачивался. Её рука схватила его за зелёный бархатный рукав. Конечно, она знала, кто это.

Доктор повернулся к ней и устало улыбнулся.

Сэм обняла его, уткнувшись лицом в его шёлковую жилетку. От него пахло сладким. От него пахло знакомым.

— Мне удалось, — сказал он, обращаясь ко всем. — Я добыл мёд и принёс его ей. Сейчас он уже растекается по её внутренностям. Теперь нам нужно просто ждать.

Кассандра подошла поприветствовать его.

— Доктор, — сказала она. — Не удивительно, что она тебя любит.

Сэм резко повернулась.

— Это она про Айрис, — сказала она.

***

Этим вечером они праздновали. Оторвались по полной. Они старались не думать об Айрис. Псевдо-Черепах говорил о предстоящем возвращении в море. Доктор коротко высказался о том, что тоже скоро улетит. У него были новые планы.

***

Посреди ночи она села.

Она осмотрелась по сторонам. Её самочувствие нельзя было назвать хорошим.

— Сволочи, они меня бросили! — пробормотала она. — Запечатали, блин, в гробнице!

А потом она увидела стоявший в тени автобус.

Айрис слезла со своего постамента, глубоко вдохнула и пошла в автобус.

А затем он исчез.

***

Наутро, разумеется, не было ни её, ни автобуса.

— Надеюсь, это означает, что с ней всё в порядке.

— Глупышка старая, — сказала Кассандра.

— Доктор, — сказал Черепах, — как ты думаешь, она...

Но Доктора и Сэм уже тоже не было.

Глава 33
Внутри машины

Моя ТАРДИС. Давно я уже в ней не был.

Красное дерево консоли пахнет лимонами. Я поглаживаю пальцами глянцевые панели. Слои лака, такие гладкие, словно их тщательно полировали несколько лет. Когда я двигаю рычаги и поворачиваю ручки настроек, они приятно скрипят.

Помосты и колонны сделаны из железа, а отверстия в них напоминают мне о кругах, которыми были покрыты стены старых консольных помещений в те времена, когда я жил в вызывающем клаустрофобию белом интерьере. А сейчас тут просторно. Как в соборе. Если дотронуться до железных балок, на руках останется настоящая древняя ржавчина, похожая на пыльцу. Или на чешуйки с крылышек бабочек, которых неаккуратно взял в руки. Чудесная, похожая на войлок пыль.

Я снова работаю с консолью. Уделяю внимание своему Кораблю после недель отсутствия. Я знаю, что она знает, что меня не было.

Я направляю нас глубоко в Вихрь, подальше от Хисперо, подальше от всех. Где-нибудь подальше — именно тут мне хотелось быть в данный момент. Именно туда я отправляюсь, когда хочу забыть о том, что произошло. Чтобы восстановиться, приготовиться к следующим событиям. А что-то новое всегда приходит!

Я смотрю на мигающие огоньки, мне нравится их спокойная деловитость. Их случайное непредсказуемое мерцание.

Заходит Сэм. Она вымылась и отдохнула. Она тоже готова к чему-то новому. Она всегда готова. Она такая молодая.

— Ты думаешь об Айрис, — говорит она мне. Я киваю. — Раз она улетела одна, — сказала Сэм, — значит, с ней всё в порядке.

Но меня не покидают мысли о том, что она сбежала как раненое животное. Ушла куда-то умереть одной, не на виду у всех. В то же время я понимаю, что одиночество и сохранение достоинства — это не совсем про Айрис. Но кто знает…

Сэм кладёт руку мне на плечо:

— Ты скучаешь по ней, да?

Я улыбаюсь.

На консоли загорается новый огонёк. Я пытаюсь вспомнить, что означает этот сигнал. Вспомнил.

— Что это? — спрашивает Сэм.

Кто-то передаёт нам сообщение. Быть может, сигнал бедствия. Или предупреждение. Что-то. В моей жизни, именно так обычно начинаются новые эпизоды. Я с радостью щёлкаю тумблером.

Сэм иронично усмехается:

— Что, Сэм и Доктор направляются к следующему захватывающему приключению?

— Возможно, — говорю я, пытаясь прогнать грусть и сожаления.

Это явно пришло какое-то сообщение. Похоже, визуальное.

— Сканер, — говорю я и выбираю широкий обзор.

Я щёлкаю тумблером, который включает нависающий над нами куполом экран. Он величественно открывается и показывает Вихрь, во всей его головокружительной силе; он раскрывается и расширяется у нас над головой. Мне это нравится.

Экран мерцает, а затем, наконец, мы видим сообщение. Кто-то передаёт нам живой видеосигнал с какой-то доработанной видеокамеры.

Сэм взвизгнула:

— Это автобус Айрис!

И это действительно он. На широком экране. В полном цвете. Нижний этаж старого тарантаса Айрис. Она передаёт нам домашнее видео.

А вот и она сама. Она тоже в вихре. По какой-то причине у неё невесомость. Она кружится и вращается в воздухе, среди летающих чашек, книг и журналов, подушек, ложек и пергаментных карт.

Пожилая женщина сияет и вращается в словно загустевшем воздухе. Затем черты её лица расплываются. Она изменяется. Сбрасывает с себя своё старое я. Она снимает кофту, отбрасывает ногами туфли, и они уплывают прочь. Она снимает шляпу.

Её толстая, состарившаяся плоть отпадает. Она трясёт своими седыми волосами, они развеваются

вокруг неё и, словно созревая, приобретают медовый оттенок. Мы моргаем.

Айрис вдруг снова молодая, она всё ещё вертится в воздухе. На ней серебристое полупрозрачное бикини. Она молодая и она смеётся.

— Она регенерирует, — говорю я Сэм.

Сэм широко улыбается:

— Она говорила, что это произойдёт, — она восторженно бьёт рукой по консоли. — Она прислала нам видео своей регенерации, как люди шлют фотографии со свадьбы. Фантастика!

Мы с Сэм смотрим на изменившуюся Айрис. Огромная и роскошная, она висит над нашими головами, а затем подмигивает нам. Новая.

— Она смогла, — говорит Сэм.

— Боже храни её сердца, — отвечаю я, и в это время картинка пропадает, и мы снова оказываемся посреди бесконечного вихря.

Послесловие от переводчика

В разговоре с Сэм Айрис упомянула, что её следующее воплощение похоже на Джейн Фонда. Если быть конкретнее, образ следующей Айрис основан на Барбарелле — роли Джейн Фонда в одноимённом фильме. Рекомендую посмотреть начало этого фильма, первые минуты, пока идут титры. Это именно та сцена, которой вдохновлялся Пол Марс при описании регенерации Айрис.